

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ВАРТАНЯН РУБЕН ДАВИДОВИЧ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СССР НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
FOREIGN AFFAIRS В ПЕРИОД НАЧАЛА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1945–1953 гг.)**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени кандидата исторических наук
5.6.1. – Отечественная история**

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Кончаков Роман Борисович

Москва – 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Внешнеполитический контекст «войны слов», 1945-1953	28
1.1 В преддверии Холодной войны: расчёты сверхдержав	28
1.2 1947-1953: старые и новые линии раскола.	40
1.3. Образы друг друга в США и СССР перед началом Холодной войны	58
1.4 От амбивалентности к новой ортодоксии относительно Советского Союза	67
Глава 2. Новый этап в развитии советской пропаганды, 1945-1953	85
2.1. Образ врага в преддверии Холодной войны, 1945-1947.....	87
2.2 Формирование советской антиамериканской пропаганды в 1947-1950 гг.	93
2.3. Эволюция советской информационной политики, 1950-1953.....	104
2.4. Красные линии сталинской пропаганды: казус Эренбурга.....	114
Глава 3. Образ Советского Союза в журнале Foreign Affairs, 1945-1953.	121
3.1. Создание канона образов «советской угрозы» в журнале Foreign Affairs.....	121
3.2. Радикализация антисоветской пропаганды в журнале Foreign Affairs в 1950-1953 гг.	138
3.3. Просопографический анализ экспертов Foreign Affairs по Советскому Союзу.....	158
Заключение.....	175
Список источников и литературы.....	178
Приложение: краткие биографические сведения об авторах журнала Foreign Affairs, писавших о политике СССР.	190

Введение

Глобальное противостояние двух держав, известное как Холодная война, оказало колоссальное влияние на судьбы всего человечества. Исключительно важным инструментом этой войны была пропаганда – не только та, что была направлена вовне, но и идеологическое влияние на собственных граждан. Восемилетие 1945-1953 является исключительно важным периодом для изучения, поскольку именно тогда Холодная война обрела свои основные очертания. Этот период в зарубежной историографии известен как «ранняя Холодная война», и охватывает промежуток от завершения Второй Мировой войны до временной нормализации образовавшегося статус-кво в Европе, наступившей после завершения Корейской войны. Иными словами, период, отмеченный максимальной дипломатической конфронтацией, началом гонки вооружений и формированием биполярной системы международных отношений. И крайне важную роль в нём играло создание враждебного образа другой сверхдержавы.

Однако не менее важно помнить о тех инструментах, с помощью которых конфликт рационализировался и легитимизировался в общественном мнении сверхдержав.

Первое, что бросается в глаза при сравнении двух сверхдержав в начальный период Холодной войны – отсутствие на тот момент между ними реального паритета, экономического, технологического, в ряде отношений даже военного. Послевоенный Советский Союз в ряде отношений был слабее США, уже одно это ограничивало его возможности после 1945 года, несмотря на колоссальный престиж, обретённый после победы над Германией, и могущество его армии. Разрушения, причинённые войной, настоятельно требовали осторожной и реалистической политики, даже в условиях противостояния с США, требовавшего как можно более быстрого сокращения отрыва от них.

Правительство Соединённых Штатов Америки, стремясь достичь своих послевоенных целей, как связанных с его политикой в отношении Советского Союза, так и не связанных, активно работало над конструированием образа Советского Союза как врага, чтобы рационализировать и легитимизировать своё послевоенное положение и планируемый им новый экономический порядок. Одним из важнейших инструментов в создании нового внешнеполитического консенсуса был журнал *Foreign Affairs*.

В этом отношении как дипломатическое и экономическое давление на СССР, так и конструирование образа врага из него в США и их союзниках имело двойной эффект. С одной стороны, укрепление восприятия СССР как претендента на мировое господство закрепляло консенсус Холодной войны в США. С другой – оно же укрепляло советскую

решимость не идти на односторонние уступки и давало советской пропаганде благодатный материал, позволявший объяснить населению необходимость почти сразу после войны затянуть пояса для скорейшего перевооружения.

В это время в США существовало несколько влиятельных изданий, имевших серьезный авторитет, если не формирующих основные ориентиры для американских интеллектуальных элит, связанных с реализацией внешнеполитического курса США. К числу таких изданий можно отнести *World Politics*, *Journal of International Affairs*, *Current History*. Как правило, издателями являлись структуры, аффилированные с научным миром США – как в случае *World Politics*, издававшимся сперва Йельским институтом международных исследований, а с 1948 года – Принстонским центром международных исследований, или, как *Journal of International Affairs* – Школой международных отношений и государственного управления Колумбийского университета; или же с миром частного бизнеса, как в случае с *Current History*, который принадлежит семейству Редмонд. Хотя эти журналы не всегда притягали на массовость, их интеллектуальный престиж был очень высок. Например, первым главным редактором уже упомянутого журнала *World Politics*, с 1948 по 1953 год, был Уильям Т.Р. Фокс – один из крупнейших американских теоретиков в сфере международных отношений, автор термина «супердержава», заместитель директора Йельского института международных исследований с 1943 по 1950 год. А также, между прочим, несколько раз он выступал в роли консультанта государственного департамента и читал лекции в американских высших военных учебных заведениях, вроде Национального военного колледжа.

Но особое место среди такого рода изданий, освещавших международные дела вообще и бывших инструментами формирования идеологизированного образа Советского Союза в частности, принадлежало журналу *Foreign Affairs*.

Историю формирования консенсуса Холодной войны можно проследить по журналу *Foreign Affairs*, издающемуся с 1922 года, одному из наиболее авторитетных периодических изданий в США, освещающих вопросы внешней политики. Он является изданием Совета по международным отношениям – американским некоммерческим аналитическим центром, оказывающим огромное влияние на американскую внешнюю политику, как вырабатывающий консенсус в дискуссиях о внешней политике и задающие их рамки. Не в последнюю очередь потому, что именно его позиция соответствовала политическому центру¹ в политической жизни США. В администрации президента Гарри Трумэна 42% выс-

¹ Schulzinger R.D. *The Wise Men of Foreign Affairs: the History of the Council on Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 1984. P. 250-251

ших чиновников были членами Совета по международным отношениям; в администрации президента Дуайта Эйзенхауэра – 40% и сам президент был членом этого Совета².

Роль журнала как средства выработки и артикуляции антисоветского консенсуса была особенно значительной в годы Холодной войны – тем более, что на его страницах всегда уделялось значительное внимание Советской России. Достаточно вспомнить, что именно там публиковались такие важные, основополагающие тексты как «Источники советского поведения» Дж. Кеннана, в которой был отчеканен термин «сдерживание», ставший одним из ключевых в советско-американском противостоянии. Но каждое действие вызывает противодействие, и чем больше ужесточали свою позицию США, тем убедительнее это мотивировало советскую сторону не идти на уступки.

Историографический обзор. Системный подход к исследованию потребовал привлечения обширной базы литературы и анализа доступной исследовательской литературы, в которой освещаются отдельные сюжеты по данной тематике. Историография Холодной войны крайне обширна. Очень долгое время она сводилась к вопросу о виновнике противостояния.

Историографию темы можно структурировать следующим образом: а) работы по истории начала холодной войны; б) работы, связанные с формированием идеологических образов и их последующей имагологической рефлексией; в) работы непосредственно посвященные роли журнала *Foreign Affairs* в продвижении приоритетов американской внешней политики. В свою очередь, внутри каждого из разделов мы выделяем национальные историографии в том случае, когда это имеет значение (например, для работ, изданных до 1991 года).

Конечно, как и всякая типология, предлагаемая структура историографии условна, однако она в полной мере позволяет оценить полифоничность и междисциплинарный характер эволюции подходов к историческому исследованию предмета работы.

В 1960-е годы в американском сообществе историков, занимающихся изучением эволюции холодной войны в XX в. прошли важные дискуссии об идентификации основных направлений историографии американской внешней политики. Можно выделить следующую эволюцию подходов: в период до проигрыша США во Вьетнамской войне господствовала «ортодоксальная школа» (кон. 1940-х – начало 1970-х, до выхода США из Вьетнама); «ревизионизм» (возник в конце 1950-х годов как реакция доминирования «ортодоксальной школы», и достиг своего пика в 1970-е годы); и «пост-ревизионизм» (возник

² Shoup L.H., Minter W. *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy*. New York, 1977. P.62-64.

как реакция уже на «ревизионизм», в 1970-х и расцвел после завершения Холодной войны, став господствующей исследовательской школой в 1990-е и последующее время).

Американская «ортодоксальная школа»³ (Артур Шлезингер-младший, Луис Халле и Герберт Фей; позже к ней вернулся Джон Льюис Гэддис, несмотря на своё значение для пост-ревизионистов) непреклонно настаивала на том, что Холодная война была сознательно начата Советским Союзом, нарушившим соглашения в Ялте и Потсдаме, и стремившимся к господству если и не над всем миром, то уж хотя бы над Европой, и что США вынуждены были взять на себя «сдерживание» Советского Союза. Подход этой школы суммировали слова Артура Шлезингера, что Холодная война была *«храбрым и необходимым ответом свободных людей на коммунистическую агрессию»*⁴.

Постепенно, по мере того как Холодная война утрачивала свою жёстко заданную биполярность, стали возможны немаргинальные попытки отойти от догм ортодоксальной школы, начавшиеся с Уильяма Эпплмана Уильямса и его «Трагедии американской дипломатии», изданной в 1959 году. Постепенно, эти «ревизионисты» (Гар Альперовиц, Денна Флеминг, Уолтер Лафебер, Дж. и Г. Колко и Кристофер Лэш) смогли добиться научного признания своих взглядов, заключавшихся, в вопросе о виновнике начала Холодной войны, в том, что позиция США далеко не всегда была морально безупречной позицией обороняющегося, скорее уж, наоборот. Уолтер Лафебер подчёркивал, что история конфликта и недружественных взаимоотношений между США и СССР/Россией уходит своими корнями в конец XIX века (до Октябрьской революции), и необходимость «открытых дверей» для американского капитализма по всему миру⁵. Дж. и Г. Колко писали об американской политике «реконструкции» капитализма в мировом масштабе на наиболее выгодных для себя экономических и идеологических условиях, и что первым и самым опасным для неё врагом в Западной Европе была «угроза независимого, национально ориентированного капитализма», которая могла привести к провалу интеграции и предотвращению появления независимых блоков, что капиталистических, что социалистических⁶.

Стоит заметить, что иногда в ревизионистском направлении бывают и курьёзы. Например, профессор Норман Неймарк одновременно считает правительство И.В. Сталина «геноцидальным» (что вызвало дискуссию в научном сообществе⁷) и в то же время

³ Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. – М.: Наука, 1991. С. 17-40

⁴ Цит. по Bradley M. P. The Charlie Maier Scare and the Historiography of American Foreign Relations, 1959–1980// Hogan, Michael J., (editor). America in the World: The Historiography of US Foreign Relations Since 1941. Cambridge University Press, 2013. P. 14

⁵ LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945-1992. McGraw-Hill, 1993. P. 2-3, 9

⁶ J. Kolko, G. Kolko. The Limits of Power: The World and U.S. Foreign Policy, 1945–1954. Harper&Row, 1972. P.711-712

⁷ Тезис Неймарка: Naimark N. Stalin's Genocides. Princeton University Press, 2010. Обсуждение и критика тезиса Неймарка: Perspectives on Norman Naimark's *Stalin's Genocides* // Mark Kramer, Joshua Rubenstein, Paul

придерживается мнения, что у Сталина не было изначального плана создания коммунистического блока стран в Восточной Европе и что он был вполне готов к компромиссу с США и Великобританией⁸.

Но по мере того, как начало Холодной войны всё больше и больше уходило в историю устарела и сама дихотомия «ортодоксия-ревизионизм». Новое поколение историков-постревизионистов (начиная от работы Дж. Л. Гэддиса об истоках Холодной войны, вышедшей в 1972 году⁹) пришло к мнению, что советско-американское противостояние не было чьей-либо «виной» или «ответственностью», но что оно было предсказуемой напряжённостью в отношениях между двумя сверхдержавами. Именно постревизионисты начали глубоко исследовать вопрос того, как именно деятели Холодной войны воспринимали различные события, и вопрос того, какое значение имели неверное восприятие друг друга в неудачах двух сторон достичь взаимопонимания. Постревизионисты перешли от поиска того, «кто виноват», к рассмотрению Холодной войны в более широком контексте человеческой истории, стали уделять большее внимание неамериканским и несоветским факторам того времени и подчёркиванию важности того, что раньше называлось «Третьим Миром», а сейчас – «Глобальным Югом». Как отметил Одд Арне Веста, один из важнейших представителей этого направления, *«Нам необходимо показать, как конфликты Холодной войны связаны с более широкими тенденциями в социальной, экономической и интеллектуальной истории, а также на долгосрочные политические и военные изменения, частью которых они были»*¹⁰.

Отечественная историография Холодной войны расцветает после «архивной революции». Она позволила одновременно и взглянуть на Холодную войну как она виделась из Кремля (а не только из Белого Дома), и уйти от бесплодных дискуссии о «виновнике войны» (а советская историография, по очевидным причинам, столь же твёрдо придерживалась версии о виновности США в развязывании Холодной войны, как «ортодоксы» в странах западного блока придерживались версии о виновности Советского Союза). В этом аспекте российская историография, с одной стороны, теперь стала свободна от марксистского догматизма и не была больше обязана разделять лишь одну точку зрения, а, с другой стороны, могла активно использовать источники советского периода. Отечественная историография значительное внимание уделяет исследованию дипломатических и военных

Hollander, Andrea Graziosi, Jeffrey S. Hardy, Michael Ellman, Roman Szporluk, Jeffrey J. Rossman and Norman Naimark. *Journal of Cold War Studies*. 2012. Vol. 14. № 3. P. 149-189

⁸ Naimark N. *Stalin and the Fate of Europe: The Postwar Struggle for Sovereignty*. Harvard University Press, 2019

⁹ Gaddis John Lewis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*. New York: Columbia University Press, 1972.

¹⁰ Westad Odd Arne. *The Cold War and the international history of the twentieth century // The Cambridge History of the Cold War*. (edited by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad). Volume 1: Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P.2

факторов формирования биполярной системы международных отношений. В рамках общего отхода от поиска «виноватых» подчёркивается роль объективных противоречий между государствами. Учитывается значение как идеологических, так и национальных факторов в формировании как советской, так и американской политики того периода, что позволяет шире взглянуть на специфику функционирования биполярной системы международных отношений. В этом отношении также более глубоко исследуются те или иные частные сюжеты периода Холодной войны, в том числе и те, что которые расширяют наши знания о таких сравнительно малоизученных темах как, например, роль и политика Советского Союза в период конголезского кризиса¹¹, восприятие советского военно-морского строительства зарубежной историографией¹², военная политика балканских социалистических стран¹³

В монографии В. Зубока и К. Плешакова *Inside the Kremlin's Cold War* удалось реконструировать внутренний мир и политику советского руководства, с его «революционно-имперской парадигмой» и прийти к обоснованным выводам, что невозможно возложить всю вину и за начало Холодной войны и за её продолжение исключительно на действия советского руководства; что в конце Второй Мировой войны советская политика была ограниченной в своих целях и в большей степени оборонительной и реактивной, чем выполнением какого-то изначального стратегического плана¹⁴.

В исследовании О. Печатнова¹⁵ описывается контекст советско-американских взаимоотношений в 1945-1953 годах, без которого невозможно понять ни основные линии советской политики, ни средства, которыми они претворялись в жизнь. В.О. Печатнов указывал как на основные причины коллапса союза военного времени: *«взаимная реидеологизация отношений, растущие расхождения геополитических интересов, ослабление стимулов к сотрудничеству по мере сокращения его дивидендов для обеих сторон»*¹⁶. Основной дилеммой сталинской политики, было то, что И.В. Сталин *«был слишком силен, чтобы капитулировать, и слишком слаб, чтобы победить»*¹⁷.

Профессор А.С. Манькин является одним из наиболее авторитетных отечественных учёных в области изучения истории США и проблем истории и теории международ-

¹¹ Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960-1964. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015.

¹² Киличенков А.А. "Холодная война" в океане. Советская военно-морская деятельность в зеркале зарубежной историографии. – М.: РГГУ, 2019

¹³ Улунян Ар.А. Балканский щит социализма. Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. - 1980 г.). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013

¹⁴ Zubok V., Pleshakov S. *Inside the Kremlin's Cold War*. Harvard University Press, 1996. P. 276-277

¹⁵ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки.— М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2006.

¹⁶ Там же. С. 657

¹⁷ Там же. С. 638

ных отношений. В своих статьях¹⁸ и книгах¹⁹ профессор А.С. Манькин занимается исследованием особенности становления и развития внешнеполитического механизма США, определяется роль этого государства в системе международных отношений.

Говоря об имагологическом аспекте историографии того периода, стоит сказать о монографии А.В. Фатеева «Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг.»²⁰. В ней были рассмотрены следующие вопросы: источник и условия возникновения и развития советского варианта образа врага в 1945—начале 1950-х годов, его содержание и формы; определено понятие «образ врага»; раскрыты и сопоставлены принципы и приемы советских и западных пропагандистов, которые использовали образ врага в психологических операциях друг против друга; показаны место и роль образа врага в системе советской пропаганды, в формировании советского патриотизма. В области же внешнеполитической пропаганды, пусть и выходя за хронологические рамки исследования, следует упомянуть о диссертации А.Г. Гасюка «Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939-1941)»²¹.

Нельзя не упомянуть о особенно значимой для нас работе Н.П. Таньшиной «Русофобия: история изобретения страха» об истории русофобии как идеологии и как инструмента пропаганды в руках враждебных России государств²². В книге Н.П. Таньшиной проводится чёткая грань между страхом и ненавистью, испытываемыми массами, и между *фабрикацией* страха перед Россией для решения внутренних и внешних задач²³. Подробно описывая генеалогию этой идеологемы, она приходит к выводу, что в XX веке США синтезировали отдельные штаммы этой идеологемы, взяв у французов её философию и идеологические принципы, у англичан цели и стратегию их достижения, а у немцев инструментарий массовой пропаганды²⁴.

¹⁸ А.С. Манькин. В тисках «биполярности»: либерализм «холодной войны» и его внешнеполитическое кредо/ Памяти профессора Н.В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций, М.: Издательство Московского университета, С. 293-334; А.С. Манькин. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг// Преподавание истории и обществознания в школе - 2018 – №4 – С.19-29; А.С. Манькин. Корни американского порядка // Вестник МГИМО-Университета – т. 62 – № 5 – С.155-161; Белоусов Л. С., Манькин А. С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире// Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021 – № 5 – С. 97-117

¹⁹ Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. / Под редакцией Л. С. Белоусова, А. С. Манькина - Москва: Издательство Московского университета, 2020. — 885 с;

²⁰ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. / Отв. ред. Петрова Н.К. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999.

²¹ Гасюк А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны: 1939-1941 гг. (диссертация). М. 2008

²² Таньшина Н.П. Русофобия: история изобретения страха. М.: Концептуал, 2023.

²³ Там же. С. 28

²⁴ Там же. С.423

Большой прогресс в области имагологии как вообще, так и имагологии в контексте русско-американских отношений был достигнут благодаря работам В.И. Журавлевой²⁵, С.А. Спартака²⁶ и В.И. Батюка²⁷. Особо стоит упомянуть о результатах международной конференции «Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций»²⁸. Совсем недавно, в 2023 году увидела свет коллективная монография под редакцией О. В. Рябова вышла коллективная монография «Враг номер один в символической политике кинематографий СССР и США в период Холодной войны»²⁹, посвящённая компаративному анализу советских и американских кинообразов врага в 1946-1963 годах и отвечающая, среди прочего, на вопросы о рамках образа врага, задававшихся гегемонными дискурсами, и включении образов «врага номер один» в различные формы символической политики³⁰.

Кроме того, важны в контексте данного исследования статья А.С. Сенявского и Е.С. Сенявской «Историческая имагология и проблема формирования образа врага»³¹ и статья А.Г. Колесниковой «Проблема восприятия противника в контексте исторической имагологии»³². В статье А.С. Сенявского и Е.С. Сенявской даётся чёткое определение «образа врага» как представления, возникающего у социального субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущего угрозу его интересам, ценностям и даже самому существованию, и формируемый на совокупной основе социально-исторического и индиви-

²⁵ Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021; Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. Коллективная монография под ред. В.И. Журавлевой, О.В. Павленко. М.: РГГУ, 2021; Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуре: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028758-2;

Журавлева В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуре в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Выпуск 9 (119). Россия и глобальный мир: идеи и ответы на исторические вызовы XIX—XXI вв. ISSN 2079-8784. URL: <https://history.jes.su/s207987840022753-7-1/>; Журавлева В.И. История взаимоотношений США с Российской империей / СССР / постсоветской Россией как академический проект XXI в. // Американский ежегодник 2021 / Отв. ред. проф. В.В. Согрин. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. С. 195-219.

²⁶ Спартак С. А. Исторические корни политического образа России и США. М.: МГУ, 2021; Спартак С.А. Влияние Джорджа Кеннана на формирование образа России в американском обществе на рубеже XIX-XX веков // Каспийский регион: Политика, экономика, культура – 2018 – №4 (57). – С.112-116

²⁷ Батюк В.И. Холодная война между СССР и США (1945-1991). Очерки истории. М.: Весь мир, 2018; Батюк В. И. Начало советско-американской ядерной гонки (1945-1949 годы) // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 66–77; Батюк В. И. Режимы в российско-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2007. – № 1. – С. 52–66.

²⁸ Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects/ V. I. Zhuravleva, I.I. Kurilla (eds). Lexington Books, 2015

²⁹ Враг номер один в символической политике кинематографий СССР и США в период Холодной войны/ под редакцией О.В. Рябова. – М.: издательство «Аспект-пресс», 2023

³⁰ Там же. С. 9

³¹ Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН. 2006. № 2(6). С. 54-72.

³² Колесникова А.Г. Проблема восприятия противника в контексте исторической имагологии // Вестник российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2008. №6. - С. 97 - 103.

дуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия³³. Крайне важно отметить то, что образ врага никогда не формируется произвольно и он гораздо шире, чем пропагандистская мифология; как и то, что государственная пропаганда никогда не является единственным механизмом создания образа врага, особенно в обществе с развитым гражданским обществом³⁴.

В монографии В.В. Тихонова³⁵ раскрывается - на примере советской исторической науки – требования советского правительства к тому, какой образ врага должен был быть выстроен. Среди прочего, в работе В.В. Тихонова проводится чёткая грань между поздне-сталинскими кампаниями «борьбы с буржуазным объективизмом» и «борьбы с безродным космополитизмом» и убедительно доказывается, что ещё современниками понималось, что обвинения в рамках первой были менее опасными, чем в рамках второй³⁶. Кроме того, в монографии указывается, что некорректно рассматривать эти действия исключительно как вторжение государственной в политики в научную жизнь, поскольку «...послевоенная научно-историческая среда была частью, причем частью вполне интегрированной и адаптированной, советской социально-политической системы. <...> советская историческая наука оказывалась элементом партийной культуры того времени»³⁷.

Что касается зарубежной историографии по имагологической части, то следует начать с указания на работу Габриэля Алмонда *American People and Foreign Policy*³⁸, одно из первых исследований после Второй Мировой войны, посвящённое отношению американского народа ко внешнему миру и основным опасностям зарождающемуся консенсусу Холодной войны.

Что же до зарубежной историографии, то следует упомянуть оказавшую большое влияние на направления исследований этой темы работу Стивена Кейси и Джонатана Райта о «ментальных картах» периода ранней Холодной войны³⁹, в которых исследуется то, как себе представляли мир и какие образы важнейших геостратегических точек были у глав государств того исторического периода, монографию Розы Магнусдоттир об образе «врага номер один» в советской пропаганде, т.е. США⁴⁰, сборнике под редакцией Гэри

³³ Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН. 2006. № 2(6). С. 65

³⁴ Там же. С. 65, 62-63.

³⁵ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. (середина 1940-х – 1953 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

³⁶ Там же. С.237

³⁷ Там же. С.374

³⁸ Almond G. *The American People and Foreign Policy*. 2nd ed. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1960.

³⁹ Casey S., Wright, J. *Mental Maps in the Early Cold War Era, 1945-1968*. New York : Palgrave Macmillan, 2011.

⁴⁰ Magnúsdóttir R. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945-1959*. Oxford University Press, 2019

Роунсли о пропаганде Холодной войны в 1950-е годы⁴¹. В работах Ричарда Фриланда⁴² и Эйтана Теохариса⁴³ демонстрируется более тёмная сторона «войны слов» в тылу - как администрация Трумэна, используя яростный антикоммунизм для оправдания своей внешней политики, в итоге выпустила из бутылки джинна гораздо более иррационального антикоммунизма, ставшего в политическую оппозицию ей. Большое значение имеют работы Д. Энгермана, посвящённые советологии и идеологии Холодной войны⁴⁴.

Отдельно стоит сказать об историографии Корейской войны, как самого интенсивного периода ранней Холодной войны, ускорившего переход к резкой риторике внешнеполитической конфронтации, ставшей «визитной карточкой» противостояния эпохи «Холодной войны». Период, в своё время воспринимавшегося как репетиция Третьей Мировой войны, и породивший одни из самых параноидальных тропов Холодной войны, как, например, представление о «промывке мозгов» (и, косвенно, «маньчжурского кандидата») по американскую сторону Железного Занавеса, и представление об использовании бактериологического оружия по советскую сторону Железного Занавеса.

Основой большей части дальнейших западных работ остаётся работа Макса Хастингса о Корейской войне⁴⁵, которая, несмотря на свои достоинства в основном касается лишь западной стороны вопроса. В ещё большей степени это касается монументального, более чем тысячестраничного труда Клэя Блэра *Forgotten War*⁴⁶. Стивен Кейси в своей монографии «Продавая корейскую войну» демонстрирует, как официальная американская пропаганда стремилась добиться одобрения этой поначалу «полицейской операции» и избежать того, чтобы её итоговая непопулярность не погубила с администрацией Трумэна и весь внешнеполитический консенсус⁴⁷.

В работе С. Гончарова, Дж. Льюиса и Лю Си-тая *Uncertain Partners*⁴⁸ впервые были использованы документы из советских архивов (пусть и через посредников из числа знакомых ответственных работников). Далее в западных странах пионером использования новых документов стала Кэтрин Уэзерсби, и её статьи и главы в коллективных моногра-

⁴¹ Rawnsley Gary D. (editor) *Cold-War Propaganda in the 1950s*. Macmillan Press, 1999.

⁴² Freeland Richard M. *The Truman doctrine and the origins of McCarthyism*. New York: Schocken books, 1974

⁴³ Theoharis Athan S. *Seeds of repression: Harry S. Truman and the origins of McCarthyism*. New York: Quadrangle, 1977.

⁴⁴ Engerman D. C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. Oxford University Press, 2009; Engerman D.C. *The Rise and Fall of Wartime Social Science: Harvard's Refugee Interview Project, 1950–1954*// *Cold War Social Science*. Solovey, M., Cravens, H. (eds). Palgrave Macmillan, New York, 2012; Engerman D.C. *Ideology and the origins of the Cold War, 1917–1962*// *The Cambridge history of the Cold War* (edited by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad). Vol. 1. P. 20-44

⁴⁵ Hastings M. *The Korean War*. Simon & Schuster, 1988.

⁴⁶ Blair C. *The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953*. Times Books, 1987.

⁴⁷ Casey, S. *Selling the Korean War: Propaganda, Politics and Public Opinion in the United States, 1950-1953*. Oxford University Press, 2008.

⁴⁸ Goncharov S.N., Lewis J.W, Litai Xue. *Uncertain Partners. Stalin. Mao and the Korean War*. Stanford University Press, 1993.

фиях⁴⁹ сыграли свою роль в том, чтобы прояснить степень вовлечения Советского Союза в Корейскую войну и причины того, что он дал свою санкцию на действия Северной Кореи и позже убеждал союзников придерживаться жёсткой линии на переговорах⁵⁰.

Безусловным достоинством монографии «Загадочная война»⁵¹ А.В. Торкунова, является её исключительная насыщенность документами, а к недостаткам можно отнести лишь краткость. Наконец, последней на данный момент крупной работой по Корейской войне является монография Ричарда Торнтон Odd Man Out⁵². В ней Торнтон, с опорой на архивные документы, выдвигает смелую гипотезу о двойном смысле Корейской войны – для Советского Союза она была средством максимально затормозить возможную нормализацию отношений между США и КНР, а для США – обрести легитимный предлог для масштабного перевооружения и укрепления своей системы союзов.

Что касается журнала *Foreign Affairs*, то наиболее важным работам по этой теме относятся: *The Wise Men of Foreign Affairs: the History of the Council on Foreign Relations*⁵³ и *Continuing the Inquiry: the Council on Foreign Relations from 1921 to 1996*⁵⁴, но в них основное внимание уделяется организации, рупором которой выступает журнал *Foreign Affairs* – то есть, Совету по международным отношениям. Что же касается периода холодной войны, то важнейшей работой по-прежнему остаётся монография Майкла Валы *The Council on Foreign Relations and American Foreign Policy in the Early Cold War*⁵⁵, в которой подробно исследуется деятельность Совета по международным отношениям в указанный период. Другой важнейшей работой, наряду с вышеупомянутым трудом Майкла Валы остаётся монография Империяль Брайн Трест: *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy*⁵⁶, в которой подробно исследуется деятельность Совета по международным отношениям в указанный период.

⁴⁹ Weathersby K. *Soviet Documents and Reinterpretation of the Origins of the Korean War // Ending the Cold War in Korea, Theoretical and Historical Perspectives* (eds. Chung-in Moon, Odd Arne Westad and Gyoo-hyoung Kahng). Yonsei University Press, 2001; Weathersby K. *Stalin, Mao and the End of the Korean War // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance* (edited by Odd Arne Westad). Stanford University Press, 1998; Weathersby K. *New Russian Archival Materials, Old American Debates, and the Korean War // Problems of Post-Communism*. 1995. Vol.42. № 5. P. 25-33; Kathryn Weathersby. *The Soviet Role in the Early Phase of the Korean War: New Documentary Evidence // Journal of American-East Asian Relations*. 1993. Vol. 2. № 4. P. 425-458

⁵⁰ Weathersby K. *The Soviet Role in the Korean War, The State of Historical Knowledge // The Korean War in World History* (edited by William Stueck). Lexington: The University of Kentucky Press, 2004. P. 85-86

⁵¹ Торкунов А.В. *Загадочная война: Корейский конфликт 1950-1953 годов*. М.: РОССПЭН, 2000

⁵² Thornton R. C. *Odd Man Out. Truman, Stalin, Mao and the Origins of the Korean War*. Brassey's. Washington, D.C., 2000.

⁵³ Schulzinger R. D. *The Wise Men of Foreign Affairs: the History of the Council on Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 1984.

⁵⁴ Grose P. *Continuing the Inquiry: the Council on Foreign Relations from 1921 to 1996*. New York: Council on Foreign Relations, 1996.

⁵⁵ Wala M. *The Council on Foreign Relations and American Foreign Policy in the Early Cold War*. Providence, RI: Berghann Books, 1994.

⁵⁶ Shoup L. H., Minter W. *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy*. New York, 1977.

Одной из первых работ по истории издающего журнал *Foreign Affairs* Совета по международным отношениям является монография Л. Шоупа и У. Минтера. В ней критикуется Совет как орудие представителей американского высшего класса и его порыва к мировой гегемонии⁵⁷. В труде Р. Шульцингера экспертов Совета характеризуют как светское «профессиональное духовенство»⁵⁸; но при этом утверждается, что хотя Совет не был главным органом планирования американской внешней политики⁵⁹, но что «...в Совет входят люди примерно того же сорта, что занимают должности в Вашингтоне или с бизнесом или университетами, заинтересованными в международных делах»⁶⁰ и что «членство в Совете может считаться знаком пропуска в высшие круги»⁶¹. В книге члена Совета П. Гросе кратко излагаются основные вехи его истории. М. Вала в монографии о Совете в годы ранней Холодной войны критикует взгляды Л. Шоупа и У. Минтера как необоснованные⁶², но считает, что Совет выполняет важную функцию во внешней политике США, в частности, осуществляя связь между элитой и общественным мнением⁶³.

Из русской научной литературы можно вспомнить статью В.Т. Юнгблюда и О.В. Рычковой ««Foreign Affairs»: освещение войны на советско-германском фронте в 1941-1945 гг.»⁶⁴, но она освещает тот период, когда США и СССР были военными союзниками, и статью А.О. Буранка и Д.А. Нестерова «Китайские исследования журнала «Foreign Affairs» в 1929-1950 гг. (опыт просопографического анализа)»⁶⁵, но в последней лишь косвенно затрагиваются вопросы, связанные с советско-американскими взаимоотношениями тех лет.

Таким образом, за вторую половину XX века можно обозначить следующие тенденции в исследовании темы, общие как для отечественной, так и зарубежной историографии:

1) безвозвратное ослабление «ортодоксальной школы», вызванное сочетанием научных и внешнеполитических причин;

⁵⁷ Shoup L. H., Minter W. *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy*. P.278-279

⁵⁸ Schulzinger R. D. *The Wise Men of Foreign Affairs: the History of the Council on Foreign Relations*. P.249-250

⁵⁹ Ibid. P.253

⁶⁰ Ibid. P.251

⁶¹ Ibid. P.251

⁶² Wala M. *The Council on Foreign Relations and American Foreign Policy in the Early Cold War*. P.223

⁶³ Ibid. P.243

⁶⁴ Юнгблюд В.Т., Рычкова О.В. "Foreign Affairs": освещение войны на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4(1) - С. 88-93

⁶⁵ Буранок А.О., Нестеров Д.А. Китайские исследования журнала «Foreign Affairs» в 1929-1950 гг. (опыт просопографического анализа) // Самарский государственный социально-педагогический университет. 2020 - №3(2). - С.39-44

2) отход от споров о «виновнике войны» в пользу более комплексного анализа причин противостояния после того, как завершение Холодной войны сделало её изучение вопросом науки, а не апологии дипломатии той или иной сверхдержавы;

3) акцент на рассмотрении Холодной войны в глобальной перспективе, большее внимание к неамериканским и несоветским факторам того времени (роли стран «Третьего мира», значению восприятия и неправильного восприятия соперниками действий друг друга).

Источники.

Исследование потребовало обращение к большому кругу разнообразных источников, которые, по классификации Л.Н. Пушкарева⁶⁶, можно отнести к письменным источникам. Виды задействованных в исследовании источников включают в себя делопроизводственные (обзоры печати) и аналитические документы (справки), периодику и публицистику, а также художественную литературу того периода. Диссертация основана как на опубликованных материалах (в бумажной и цифровой форме), так и на неопубликованных архивных источниках.

Аналитические документы и делопроизводственные материалы можно отнести к основным источникам данной работы. Эти источники в контексте исследуемого вопроса можно подразделить на англо- и русскоязычные. В основе такой сепарации лежит не столько языковой принцип - они принадлежат к разным политическим культурам. Среди материалов на русском языке особое значение имеют обзоры иностранной прессы и информационные справки, выполненные канцелярией Коминформа.

Эти материалы, в массе своей неопубликованные источники, которые были выявлены в фондах РГАСПИ, а именно Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Ф. 575, Оп. 1).

Эти документы носили закрытый характер и использовались для информирования о внешнем мире руководителей структур ВКП(б) и Коминформа, курировавших внешнюю политику. Так, например, адресатом этих отчётов был В. Г. Григорян, председатель внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), который так же являлся заместителем шеф-редактора официальной газеты Коминформа «За прочный мир, за народную демократию».

Эти отчеты включали в себя две группы источников. Первая группа – это массовая периодика, такие издания как New York Times, Times и Newsweek. Другая группа, включавшая большинство статей, была представлена газетами и журналами, аффилированными с компартией, левыми и рабочими движениями, в первую очередь с газетой американ-

⁶⁶ Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. М.: Наука, 1975

ской коммунистической партии Daily Worker. То же самое касается и информационных справок, язык которых трудно отличить от языка коммунистической публицистики, направленной внутрь страны.

С одной стороны это ограничивает возможности источника, но с другой стороны в контексте нашей темы позволят понять оптику восприятия внешней пропаганды и механизмы ее интернационализации. Выявленные материалы показывают, какие именно зарубежные СМИ отбирались для дальнейшего использования для пропагандистских целей.

И всё же, далеко не все неопубликованные материалы оказались доступны для исследования. Так, потенциально полезные для изучения заявленной темы документы могут находиться в описи 1 и описи 3 фонда 576 РГАСПИ (Редакция газеты «За прочный мир, за народную демократию!»), однако, на момент написания диссертации материалы фонда остаются засекреченными и недоступными для работы.

К крайне важным источникам для данного исследования стоит отнести периодику и публицистику. Именно они были одним из основных средств ведения пропаганды, её «проводником». Благодаря им доносилась до основной массы населения информация о внешней и государственной политике, и они, в значительной степени формировали представление о зарубежных странах у народа. Этот фактор делает изучение периодической печати важным источником, благодаря которому возможно раскрытие приёмов и образов, используемых для конструирования образа внешнего врага. Для советской стороны используются материалы основных газет СССР – «Правды» (органа коммунистической партии), «Известий» (органа высших советских государственных учреждений) и «Литературной газеты», (которая после войны была, по словам И.В. Сталина, переориентирована, на то, чтобы «...более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы международной жизни»⁶⁷).

Обширной группой американских источников являются статьи о Советском Союзе и его внешней и внутренней политике, опубликованные в журнале Foreign Affairs.

Журнал Foreign Affairs в указанный период хорошо отображал этот постепенный процесс создания образа врага из бывшего союзника. В этом журнале, рупоре Совета по международным отношениям, имевшего 17000 подписчиков на момент 1945 года⁶⁸, представители американского интеллектуального слоя, постепенно, но с нарастающим энтузиазмом, взялись за решение этой задачи. И хотя тираж журнала уступал многим массовым изданиям и газетам, его статус как авторитетного интеллектуального издания для ограни-

⁶⁷ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. - М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. С. 116

⁶⁸ Tevelow Amos A. From Corporate Liberalism to Neoliberalism: A History of American Think Tanks. (thesis). University of Pittsburgh, 2005. P.121

ченного круга политической и интеллектуальной элиты, определявший внешнеполитический курс США. Этот слой американский социолог К. Лэш характеризовал как самую развитую и самую уверенную в своей уникальной подготовленности к руководству внешними делами страны части американского высшего класса⁶⁹. Эта же элита выступала авторитетным источником информации и авторитета по внешнему миру для круга изданий с массовой аудиторией читателей. Тем более, что во время Второй Мировой войны более двухсот членов Совета по международным отношениям служили в государственном департаменте, Управлении Стратегических Служб, Управлении военной информации, Управлении военного производства и других критически важных для войны организациях⁷⁰. Как вспоминал Джон Макклой (банкир, заместитель военного министра Генри Стимсона в 1941-1945 годах, американский верховный комиссар в Германии в 1949-1952 годах, председатель Совета по международным отношениям в 1953-1970 годах), всякий раз, когда военному министерству нужны были кадры: «...мы просматривали списки членов Совета и звонили в Нью-Йорк»⁷¹. Огромную роль в получении доступа к выпускам журнала того времени сыграла цифровая база данных научных журналов JSTOR, в которой представлены в хронологическом порядке все выпуски журнала *Foreign Affairs* от момента создания и по сей день.

С исторической точки зрения эти материалы представляют значительный интерес: в них не только артикулируются те или иные точки зрения на внешнеполитические вопросы, которыми был озабочены творцы американской внешней политики и американские интеллектуалы; они позволяют нам реконструировать исторический контекст и рамки консенсуса, в рамках которого мыслил американский внешнеполитический истеблишмент.

Для понимания того, как формировались архетипы врага, как выстраивались образы Советского Союза как враждебного государства, мы должны рассмотреть этот процесс на страницах журнала американской внешнеполитической элиты

На страницах *Foreign Affairs* можно проследить процесс постепенного, поступательного создания образа «Иного», и то, как в образы, поначалу создаваемые как утилитарные, в итоге начинают верить и происходит частичное замещение аналитики пропагандой, причём на примере одного из самых авторитетных американских журналов, освеще-

⁶⁹ Lasch C. *The World of Nations. Reflections on American History, Politics&Culture*. Knopf, 1973. P. 233-234

⁷⁰ Wala Michael. *The Council on Foreign Relations and American Foreign Policy in the Early Cold War*. P.37

⁷¹ Tevelow Amos A. *From Corporate Liberalism to Neoliberalism: A History of American Think Tanks*. (thesis). P.126

щающих международные отношения⁷². По оценке советского дипломата и американиста Р.С. Овинникова за первые пятьдесят лет существования журнала (1922-1972) в *Foreign Affairs* разместили 220 статей по советской тематике, так что в каждом номере было не меньше одной статьи, посвящённой СССР⁷³. В нашей выборке исследуется 69 статей, написанных авторами как именитыми, так и анонимными – т.е. почти треть от приведённого Р.С. Овинниковым числа.

Не менее важным источником, в контексте конструирования советской пропагандой образа врага, является художественная литература. Писатели, эти «инженеры человеческих душ», занимали в системе советской пропаганды особое положение, наиболее яркими примерами были такие деятели как И.Г. Эренбург и К.М. Симонов. В этом отношении издаваемые в тот период романы, повести, пьесы и стихи позволяют понять, какой именно образ врага для масс стремилось создать советское государство и прикрыть его покровом «высокой культуры». Кроме того, то, какие образы врага стремилась создать советская художественная литература, будет также рассмотрено на примере начинающих писателей, наподобие В.Д. Иванова, и писателей средней руки, наподобие Л. Лагина. Тем самым, мы рассмотрим положение с созданием образа врага на основных уровнях советской литературы. Но не меньший интерес представляют собой неопубликованные материалы об *отвергнутых* Агитпропом ЦК ВКП(б) художественно-пропагандистских произведениях (находящиеся в фонде Центрального Комитета ЦК КПСС, описи Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)-ЦК КПСС (фонд 17, опись 132)), так как это позволяет понять границы в «войне слов», которые ставил себе Советский Союз. Наиболее подробно это будет продемонстрировано на примере «Ночи Америки» Ильи Эренбурга, так и не изданного из-за своего чрезмерного (по мнению властей предрежащих) антиамериканизма произведения.

Из числа опубликованных источников стоит выделить сборники «Власть и художественная интеллигенция»⁷⁴, в котором приводятся документы, свидетельствующие о форме, которую советское правительство стремилось придать тогдашней культуре и реакцию интеллигенции на эти требования, «Сталин и космополитизм»⁷⁵, в котором показываются цели и средства советской пропагандистской политики внутри страны в тот период, и

⁷² Согласно Journal Citation Report в 2014 году *Foreign Affairs* занимал 6 место по своему импакт-фактору среди журналов, специализирующихся по международным отношениям, а в 2023 году - 2 место. *Journals Ranked by Impact: International Relations. 2014 Journal Citation Reports. Social Sciences. Thomson Reuters, 2015; Journals Ranked by Impact: International Relations. 2023 Journal Citation Reports. Web of Science (Social Sciences ed.). Thomson Reuters. 2024.*

⁷³ Овинников Р.С. Уолл-стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. С. 73

⁷⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике// Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999.

⁷⁵ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 (Отв. ред.: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова). М.: Международный фонд «Демократия», 2005

«Совещания Коминформа»⁷⁶, дающие материал, позволяющий взглянуть на советский эксперимент с координацией дружественных партий в Европе, который при этом не воспроизводил бы неудачный опыт Коминтерна. Кроме того, предоставленные там материалы позволяют - в сравнении – оценить то, к каким изменениям в коммунистической риторике и образах привела Вторая Мировая и Холодная война. Кроме того, большое значение имеют соответствующие тома серии «советско-американские отношения», посвящённые периоду ранней Холодной войны⁷⁷.

Что же касается американской стороны источников.

База источников, характеризующая эволюцию американской политики ранней Холодной войны представлена в основном сборниками документов, составленными крупными специалистами в своей области, часто с международным научным участием.

В работе используются сборники *Origins of the Cold War*⁷⁸ под редакцией Кеннета Дженсена, где приводятся важные дипломатические и психологические документы 1946 года – знаменитая «Длинная телеграмма» Дж. Кеннана, планировавший советский ответ на неё в виде «телеграммы Новикова» и телеграммы британского посла в Москве в марте 1946 года, не обретшая такую известность как «Длинная телеграмма», но в некоторых отношениях более проникательные; *Debating the Origins of the Cold War*⁷⁹, где была представлена подборка важнейших документов по обе стороны Железного Занавеса, касающиеся происхождения Холодной войны, и в составлении и редактировании которого принимал участие В.О. Печатнов; и *Containment: Documents of American Policy and Strategy, 1945-1950*⁸⁰, в составлении которого принимал участие такой крупный историк Холодной войны как Дж. Л. Гэддис, и в котором опубликованы основные документы, касавшиеся американского военного планирования в тот период.

Таким образом, источниковая база исследования охватывает весь спектр государственной идеологической политики, от непубличных государственных стратегий через публичные политические декларации до газетных и журнальных статей, легитимизирующих, рационализирующих и оправдывающих внешнеполитический курс. Что и позволяет

⁷⁶ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред: Адиебеков Г.М. М.: РОССПЭН, 1998.

⁷⁷ Советско-американские отношения. 1945-1948// Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: Международный Фонд «Демократия», 2004.; Советско-американские отношения, 1949-1952// Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова; сост. В. М. Семенов (отв. сост.), И. В. Макаревич, А. И. Петренко М.: Международный Фонд «Демократия», 2006.

⁷⁸ *Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan, and Roberts 'Long Telegrams' of 1946/* edited by Kenneth M. Jensen. United States Institute of Peace, 1991.

⁷⁹ *Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives /* edited by Ralph B. Levering, Vladimir O. Pechatnov, Verena Botzenhart-Viehe, and C. Earl Edmondson. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001.

⁸⁰ *Containment: Documents of American Policy and Strategy, 1945-1950/* edited by Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis. Columbia University Press, New York, 1978.

реконструировать и поместить в исторический контекст политический язык двух сверхдержав в период ранней Холодной войны.

Целью данной работы является выявление и изучение факторов и механизмов эволюции стратегий пропаганды СССР и США времен начала Холодной войны (1945–1953 гг.).

Исходя из сформулированной цели, были определены следующие **задачи** исследования:

Выявить и охарактеризовать комплекс исторических источников и историографии, связанных с трансформацией образа СССР в период начала Холодной войны;

реконструировать и проанализировать внешнеполитический контекст в начальный период Холодной войны;

выявить смысловые доминанты в конструировании образа СССР путём анализа содержания журнала *Foreign Affairs* в контексте формирования образа врага в начале Холодной войны;

составить и проанализировать коллективную биографию основных авторов журнала *Foreign Affairs*;

исследовать основные материалы советской пропаганды, направленные на конструирование образа США как врага в период ранней Холодной войны;

выявить основные приемы советской антиамериканской пропаганды того времени;

выделить основные этапы в изменении отношения к Советскому Союзу в США в 1945-1953;

Актуальность заключается в том, что в современном контексте, который часто уже называют «Второй Холодной войной»⁸¹ важно исследовать механизмы рационализации враждебной политики к определённому государству и механизм эскалации враждебности (как минимум, риторической), рутинизация и превращение в общее место в сознании общественного мнения США ряда антисоветских и антирусских концепций и клише, используемых основным вероятным противником.

В условиях, когда США открыто, на самом высоком уровне и каждый год проводятся «недели порабощённых наций», призывающие к отсечению от России так называемых «Казаккии» и «Итиль-Урала», для русской мысли не может не представлять интереса то, как создавались, распространялись и превращались в «общее место» концепции, изображающие российское государство принципиальным и неискупимым противником США.

⁸¹ См, например: Smith R.N. *A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship*. Palgrave Pivot Cham., 2020; Woodward J. *The US vs China: Asia's new Cold War?* Manchester: Manchester University Press, 2017.

В этом отношении для современной имагологии история эскалации враждебной риторики и способов конструирования образа врага актуальны в условиях обострения международных отношений, вновь делающих «войну слов» предметом не только теоретических размышлений, но и практического применения.

И именно *Foreign Affairs* в течение и первой и второй Холодных войн сохраняет свой авторитет и престиж как ведущего издания, освещающего внешнеполитические вопросы, как издания, на страницах которого представлен широкий спектр оценок характера отношений между США и внешним миром вообще и США и Россией в частности, как со стороны политического истеблишмента, так и со стороны экспертного сообщества. Он выступает как издание, задающее рамки мейнстрима и во время первой и во время второй Холодной войны – и в том его ценность.

Объектом данного исследования является эволюция механизмов внешней и внутренней политики сверхдержав, результатом действия которых стало формирование биполярной системы мира, а **предметом** – формирование образов врага в Советском Союзе и Соединённых Штатах Америки, соответственно включая предпосылки и особенности формирования этих образов, и легитимизация курса на ведение Холодной войны.

Хронологические рамки работы – сентябрь 1945 года – июль 1953 года, период так называемой «ранней Холодной войны». Именно в эти годы пропагандистская ожесточённость быстро достигла наибольшего накала, что, в сочетании с чередой кризисов, увенчавшихся трёхлетней кровопролитной Корейской войной, не может не составлять отдельного, первого и одного из самых важных периодов Холодной войны. В качестве начальной даты было выбрано окончание Второй Мировой войны. В качестве финальной даты – окончание Корейской войны.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлён комплексный анализ конструирования и эволюции образа врага в важнейшем американском издании, освещающим вопросы внешней политики и формулирующим реакцию на неё, в контексте специфики Холодной войны для США и СССР. Выявлены и проанализированы этапы в трансформации образа врага по обе стороны Железного Занавеса и определены механизмы взаимовлияния этих факторов. Доказано, что советская пропаганда была более избирательна в своих образах, касавшихся прошлого Соединённых Штатов Америки, и сохраняла, несмотря на изменения в годы сталинизма, верность интернационалистическим установкам и придерживалась идеи «двух Америк» (К.М. Симонов), разделяя «реакционные» устремления истеблишмента и «прогрессивных» элементов американского народа. Показан процесс демонизации образа Советского Союза, в том числе и за счёт исторических реминесценций, в частности, смешения в пропагандистских образах Советско-

го Союза и Российской Империи, как связанных отношениями преемственности государств, проводящих империалистическую, колониальную и антидемократическую политику.

В основе **методологии** исследования лежат принципы историзма, всесторонности, системности и научной объективности. Таким образом, речь идёт о комбинированном использовании принципов и методов исследования, выработанных современной исторической наукой.

Мы стремились исследовать тему в контексте конкретно-исторической ситуации в мире. Принцип историзма применялся как принцип научного познания, предполагающий рассмотрение отдельных явлений и фактов в развитии и взаимосвязи, с учетом конкретно-исторической обстановки.

Сделан упор на принцип объективности, который предполагает учет всех точек зрения и подходов к изучаемой проблеме, максимально полный отбор фактов, их беспристрастное освещение и анализ.

Метод сравнительно-исторического анализа позволил произвести образы врага в информационно-пропагандистском обеспечении советской и американской внутренней политики в 1945-1953 годах, а также квалифицировать сходства и различия в конструируемых образах врага в США и СССР.

Основным историческими методом, используемым в этом труде, является дискурсивно-исторический подход. Этот последний (Discourse-Historical Approach, ДИА), предложенный Рут Водак, австрийской специалисткой по критическому анализу дискурса⁸², состоит из трех основных этапов: 1) определение содержания и тематики высказывания; 2) анализ дискурсивной стратегии рассматриваемого текста; 3) описание формальных характеристик. Преимущество этого подхода заключается в том, что он, с опорой на текст, позволяет привлекать социально-культурные и исторические данные, тем самым проводить многоуровневое углублённое исследование и анализ дискурса. Этот метод использовался зарубежными учеными, такими как Мартин Райзигл и Карин Либхар, которые в соавторстве с Рут Водак использовали такой подход для изучения конструирования национальной идентичности⁸³.

Исторический дискурс выделяют и рассматривают такие исследователи, как Р. Барт⁸⁴, А.В. Лубский⁸⁵, А.П. Миньяр-Белоручева⁸⁶ и др. Исторический дискурс, этот про-

⁸² Wodak R. The Discourse-Historical Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis*. 2nd ed. London: Sage, 2009. P. 63—94

⁸³ Wodak R. [et al.]. *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 1999.

⁸⁴ Барт Р. *Дискурс истории* // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

цесс смыслообразования, основанный на интерпретации информации, полученной из первоисточников и направленной на выявление закономерностей исторического развития общества с целью формирования определенной системы ценностей у национальной общности людей. Опираясь на работы Д. Тоша⁸⁷ и Р. Барта, А.В. Лубский понимает исторический дискурс как 1) вербально артикулированную форму объективации содержания сознания, регулируемую доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности; 2) сложную совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений, навязываемых внешней по отношению к дискурсу предметностью в форме «власть/ знание»; 3) воображаемую конструкцию, которая не следует реальности, а всего лишь обозначает ее⁸⁸. Как и другие разновидности институционального дискурса, исторический дискурс характеризуется такими типологическими чертами, как дискурсивные формулы, материал, прецедентные тексты, разновидности и жанры, стратегии, хронотоп, участники, их цели и ценности⁸⁹.

В данном труде дискурсивно-исторический подход используется для анализа идеологических представлений, передаваемых текстуальными средствами в политико-интеллектуальном дискурсе, а именно в аналитических статьях, позволяющих реконструировать представленный в них образ Советского Союза, как основного противника Соединённых Штатов Америки, на этом основании сделать выводы о средствах, используемых для создания «образа врага» в том историческом контексте.

Для анализа популярности наиболее значительных авторов журнала *Foreign Affairs* мы использовали возможности сервисов Google: Google Books и Google Ngram Viewer. Второй сервис является аналитической надстройкой к огромной (десятки миллионов) коллекции оцифрованных печатных изданий⁹⁰. В работе использовался онлайн-сервис Google Books Ngram Viewer, позволяющий анализировать и визуализировать в виде графика частоту упоминания слов и выражений на основе текстов за выбранные годы, размещённых в Google Books.

⁸⁵ Лубский А.В. Дискурс исторический // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014

⁸⁶ Миньяр-Белоручева А.П. Роль концептуальных метафор в историческом дискурсе // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы Всерос. межвуз. науч. конф. (14–15 мая, 2015)

⁸⁷ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000.

⁸⁸ Лубский А.В. Дискурс исторический // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 93–95.

⁸⁹ Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 29

⁹⁰ Google Books Ngram Viewer: official site. URL: <https://books.google.com/ngrams/info> (дата обращения: 24.12.2025)

С точки зрения методологического фундамента этой работы не менее важен подход выдающихся британских историков Квентина Скиннера⁹¹ и Джона Покока⁹² к концептуальной истории, заключающийся в подчёркивании важности исторических условий и интеллектуального контекста дискурса определённой исторической эпохи. Как и немецкого историка Райнхарта Козеллека, основателя исторической школы истории понятий, с его опорой на ключевые понятия опыта, оппозиционных понятий и времени истории и исторического описания⁹³. В этом отношении данная диссертация в своей методологии делает особый упор на вычлениении и анализе основных оппозиционных понятий, использовавшихся в пропаганде периода ранней Холодной войны. С другой стороны, в работе мы стремились придерживаться, вслед за Дж. Пококом, установки на реконструкцию политического языка и соответствующей традиции, задающей репертуар возможных политических высказываний, как позитивных, так и негативных. Мы обращались к интерпретации отдельных текстов, трактуемых как высказывания внутри определённой политической ситуации, к интерпретации отдельных текстов, понимаемых как высказывания внутри политической ситуации, стремясь увидеть связь между общепринятым (для того времени) употреблением языковых единиц и возможными изменениями в форме и содержании политической полемики прошлого. Дж. Покок говорил о том, что в языке уже заложены интенции, что он предоставляет репертуар политических идиом для описания политического опыта⁹⁴. В значительной степени наша работа сводится к вскрытию и категоризации указанного репертуара политических идиом, его помещения в существовавший тогда внешнеполитический контекст.

Структура и содержание диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Обоснован вывод о том, что внешнеполитическая линия СССР определялась в первую очередь реалистическими соображениями государственной безопасности и пониманием ограниченности своих возможностей в период послевоенного восстановления. Американское правительство знало об этом, но сознательно завышало степень угрозы со стороны СССР, чтобы легитимизировать послевоенный миропорядок.
2. Доказано, что эти действия способствовали новому этапу эскалации Холодной войны, в котором был осуществлён переход от риторики противостояния интересов СССР и

⁹¹ Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas//History and Theory. 1969. Vol 8. № 1. P. 3-53.

⁹² Collini S., Skinner Q., Hollinger D.A., Pocock J.G.A., Hunter M. What is Intellectual History...?// Gardiner, J. (eds) What is History Today...?. Palgrave, London, 1988. P. 105-119

⁹³ Буллер А. Следы и слои времени (со статьями Райнхарта Козеллека). Москва-Санкт-Петербург, 2022.

⁹⁴ Атнашев Т.М., Велижев М.Б. «Context is king»: Джон Покок — историк политических языков // НЛЮ. – 2015. – № 134. – С. 28

США в Европе к дискурсу непосредственной угрозы коммунизма территории и внутреннему строю США, стремления СССР достичь мирового господства.

3. Обосновано положение, что советская пропаганда, реагируя на новую внешнеполитическую обстановку стремилась выйти за пределы марксистской догматики и апеллировать к более широкой аудитории, за счёт кооптации националистических и лево-прогрессистских аргументов, в первую очередь о ценности национальной независимости самой по себе.
4. Определено, что советская пропаганда активно работала над образами двух Америк – «реакционной», которая как оплот и центр антисоветских сил воплощала расизм, враждебность к культуре и милитаризм и «прогрессивная» Америка, выражающая, с советской точки зрения, истинную американскую традицию Линкольна и Франклина Рузвельта. Это делалось для большего акцента на «мирной» повестке, и демонстрации отсутствия у Советского Союза изначальной, предопределённой враждебности к американскому народу. Подобный подход ограничивал ужесточение антиамериканской риторики, что выразилось в отказе публикаций памфлетов, продвигающих наиболее жесткие интерпретации образа США (на примере памфлета И.Г. Эренбурга «Ночь Америки»).
5. Выявлено, что в годы ранней Холодной войны журнал *Foreign Affairs* для создания негативного образа Советского Союза в среде американских интеллектуалов и внешнеполитической элиты и, соответственно, для рационализации жёсткой антисоветской линии использовал следующий инструментарий:
 - 1) образ СССР как государства, идеологически противоположного Соединённым Штатам Америки (по оси «демократия – тоталитаризм»)
 - 2) формирование мнения об СССР как об очередной инкарнации русской имперской государственности, и потому враждебного Соединённым Штатам Америки из-за якобы его русского экспансионизма и национализма.
 - 3) позиционирование СССР как государства, чьё внутреннее устройство исключает всякий долговременный компромисс с Соединёнными Штатами, и которое удовлетворится лишь мировым господством (в противовес предполагаемой американской умеренности и защите прав малых государств)
 - 4) конструирование образа СССР как государства, морально противоположного Соединённым Штатам (как пособника и идеологического наследника национал-социалистической Германии)

Риторическая эскалация с обеих сторон постепенно всё глубже проникала во все слои общества соперничающих супердержав и делала более реалистичную оценку

общества и намерений государства-соперника всё более трудным делом, не говоря уже о политической приемлемости завершения Холодной войны широким компромиссом. Более того, в той мере, в какой Холодная война была глубже, чем просто противостоянием двух идеологий, эта риторическая эскалация (особенно заметная с американской стороны) переносилась с текущего государственного устройства соперника на всю историю его государства и народа, что уже тогда сулило побеждённому лишь суровый и несправедливый мир.

6. Выявлены, посредством использования методов просопографического анализа, основные демографические, поколенческие, профессиональные и социальные категории авторов журнала *Foreign Affairs*, освещавшие советскую политику. Выявлены их взаимоотношения с государственными машинами США и Великобритании, то, как американский и английский интеллектуальный слой участвовал в создании атмосферы Холодной войны, и то, как осуществлялась кооптация и присвоение «левых» политических нарративов для борьбы с СССР.

Практическая и теоретическая значимость работы. Результаты исследования могут быть применены при изучении трансформационных периодов в истории России, процесса разрешения фундаментальных идеологических проблем, а также для анализа опыта выстраивания определённых образов. Положения и основные выводы диссертации могут быть использованы в высших учебных заведениях для разработки общих и специальных курсов по истории современной России и/истории Новейшего времени.

Результаты исследования и отдельные положения работы опубликованы в пяти научных публикациях автора, в том числе 3 статьи входят в перечень журналов, рекомендованных ученым советом Президентской Академии для защиты в диссертационном совете РАНХиГС: 2 статьи по специальности 5.6.1 «Отечественная история»:

- Вартамян, Р.Д. «Пандемониум ранней Холодной войны: образ врага в литературе «позднего сталинизма» на примере творчества В.Д. Иванова»// *Власть Истории – История Власти.* – 2024 - №8(58).
- Вартамян, Р.Д. Проблемы послевоенного противостояния держав-победительниц в работах советских авторов в журнале *Foreign Affairs* на заре Холодной войны// *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.* – 2023 - № 1 – С. 19-26.

1 статья по специальности 5.6. – Исторические науки; 5.5. – Политология:

- Вартамян Р.Д. От травелога к роману. Как путевые заметки Ильи Эренбурга о путешествии в США стали материалом для его художественных произведений// *Вопросы национальных и федеративных отношений.* – 2024 - №6.

1 статья по теме исследования в сборнике статей «Стены и мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях»:

- Варганиян Р.Д. Историческая имагология на примере образов СССР в журнале *Foreign Affairs* в годы Корейской войны// Стены и мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях/Отв. ред. проф. Г.Г. Ершова. М.: РГГУ, 2025. С. 33-45.

1 статья по теме исследования в журналах, не входящих в ВАК:

Варганиян, Р.Д. Образ Советского Союза в журнале *Foreign Affairs*, 1945 – 1947 гг.: от двойственности к ортодоксии// *Methodi et praxis: историк и источник*. - 2022 - №2 - С. 73-92.

Также результаты исследования этой диссертации были апробированы в докладе «Историческая имагология на примере журнала *Foreign Affairs* в годы корейской войны» на XI Международной научной конференции из цикла «Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» 25-26 мая 2023 года, в докладе «Кооптация левых и левоцентристских взглядов на примере авторов-эмигрантов журнала *Foreign Affairs* в раннюю холодную войну» на XIII международной научной конференции из цикла «Стены и мосты: современные междисциплинарные подходы в гуманитаристике» 29-30 мая 2025 года, междисциплинарных научных семинарах центра экономической и социальной истории Президентской академии в 2023-2024 гг.

Также ряд положений этой диссертации изложен в книге автора (В соавторстве с Д.В. Суржигом) «Как Америка стала великой»⁹⁵.

⁹⁵ Варганиян Р.Д., Суржик Д.В. Как Америка стала великой: На пути к американской исключительности. — М.: Молодая гвардия, 2025. — 519 с.

Глава 1. Внешнеполитический контекст «войны слов», 1945-1953

В этой главе будут рассмотрены следующие вопросы: причины Холодной войны; соотношение сил между победителями во Второй Мировой войне сразу после неё и в начале Холодной войны; каковы были цели и амбиции советской дипломатии и американской дипломатии и чем руководствовались государственные деятели обеих супердержав в своей политике. Мы ставим задачу яснее представить всю разницу между тем, что *делали* и что *говорили* сверхдержавы, как и до какой степени отличались реальная политика государств от их же пропаганды, легитимизировавшей их политику.

Рассмотрение внешнеполитического контекста и понимание того, какие цели ставили её участники в то время, реалистические и или идеалистические, позволяет понять то, не только почему вспыхнула Холодная война, но и почему она не переросла в горячую.

1.1 В преддверии Холодной войны: расчёты сверхдержав

Холодная война была главным конфликтом второй половины двадцатого века. Созданные в её годы институты, организации и концепции пережили её окончание и продолжают влиять на мир даже сейчас, спустя тридцать пять лет. Тем важнее взглянуть в её истоки и понять, почему тот узкий круг государственных деятелей и дипломатов, принимавших ключевые решения, определившие, вёл себя так, а не иначе. Английский историк Фредерик Мэтленд говорил: «Очень тяжело помнить то, что события, которые сейчас являются далёким прошлым, некогда сами были будущим».

По мере того, как Вторая Мировая война приближалась к завершению, победители постепенно начинали думать о том, каким будет послевоенный мир. Это касалось и Советского Союза и Соединённых Штатов Америки. В СССР основные контуры желательного послевоенного мира были обрисованы комиссиями Ивана Майского и Максима Литвинова, бывших послов в Британии и США, ставших заместителями народного комиссара иностранных дел. В январе 1944 года Майский отправил на имя наркома иностранных дел Вячеслава Молотова длинное, полуформальное письмо, в котором подытоживал результаты работы комиссии по послевоенным мирным договорам. В нём излагались меры, необходимые для достижения цели в виде настолько сильного государства, которому не мог бы угрожать любой мыслимый блок держав в Европе или Азии. Все эти рекомендации были примечательны своим внешнеполитическим реализмом, что отмечают, к примеру, В.

Зубок и К. Плешаков⁹⁶. Выводы комиссии Литвинова (изложенные в записке от 15 ноября 1944 года) отличались от выводов комиссии Майского в основном частностями и несколько большей амбициозностью и прямоотой. Там, где Майский считал необходимым ослабить позиции Турции в Босфоре и Дарданеллах и исключить её вмешательство в балканские дела договорами с Румынией и Болгарией, Литвинов настаивал на включении Турции (и, к слову, Швеции) в советскую сферу влияния. Там, где комиссия Майского говорила о двух единственных европейских великих державах, комиссия Литвинова прямо призывала к общему разделению Европы на советскую и английскую сферу влияния, к последней относя Португалию, Испанию, Францию, Бельгию, Нидерланды и Грецию. К нейтральной зоне комиссия Литвинова относила Норвегию, Данию, Германию, Австрию и Италию, остальное отводя в советскую сферу влияния. Интересная деталь с имагологической точки зрения. В записке Ивана Майского на имя наркома иностранных дел Вячеслава Молотова говорится только об СССР. В записке же Максима Литвинова СССР прямо отождествляется с Россией («...вернет там **России (СССР)** роль ведущей великой державы. Новейший ход военных событий вывел уже **Советский Союз за ту границу, которая со времен Крымской кампании неизменно признавалась рубежом, дальше которого Россию пускать нельзя**»)⁹⁷. Но общий её стратегический вывод был таким же: достижение взаимопонимания с Британской Империей, направленное, в конечном счёте, против усилившихся США.

Показательно, что сталинская политика на излёте Второй Мировой войны и в первые годы после неё именно за это подверглась яростной критике слева. Здесь уместно вспомнить записку советского разведчика и писателя Эрнста Генри (Семёна Ростовского), написанную им в 1966 году на имя Михаила Сулова. В ней он исходил из того, что в 1943-1945 годах И.В. Сталин заключил негласную сделку с руководителями Британии и США, в которой разменял свою возможную поддержку западноевропейской революции в обмен на консолидацию советского контроля над Восточной Европой. «...Сталин заплатил всем, кому полагалось: Рузвельту – обязательством вступить в войну с Японией, обещанием вести согласованную с ним и с Чан Кайши политику в Китае и роспуском Коминтерна, Черчиллю – 50-процентной долей влияния в Югославии и стопроцентной долей в Греции, де Голлю – поддержкой в его отношениях с Англией и США и – отказом от ре-

⁹⁶ Zubok V, Pleshakov S. Inside the Kremlin's Cold War. P. 30

⁹⁷ Из записки председателя Комиссии НКВД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества». г. Москва, 15 ноября 1944 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/327836-iz-zapiski-predsedatelya-komissii-nkid-sssr-po-podgotovke-mirnyh-dogovorov-i-poslevoennogo-ustroystva-m-m-litvinova-locale-nil-o-perspektivah-i-vozmozhnoy-baze-sovetsko-britanskogo-sotrudnichestva-locale-nil-g-moskva-15-noyabrya-1944-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 12.05.2025)

волюции во Франции»⁹⁸. Столь же яростно Ростовский-Генри критиковал И. Сталина за роспуск Коминтерна, в частности за то, что столь масштабная организация была распущена «... «...как какое-то районное бюро по заготовкам»⁹⁹ и упрекал его в узости мышления и восприятию национальной безопасности исключительно через призму военных соображений, а не классовых, марксистских и интернационалистских¹⁰⁰.

Но послевоенные замыслы США были куда как обширнее замыслов Советского Союза. Как писали американские историки Джой и Габриэль Колко: «...Таким образом, во имя будущего мира США связали себя с перестройкой довоенного мирового капитализма – уничтожением торговых и финансовых барьеров, эксклюзивных торговых блоков и всякой ограничительной политики»¹⁰¹. Там, где Советский Союз желал изменить в свою пользу баланс сил у своих границ, США стремились к полной реорганизации хозяйственной системы всей планеты.

В феврале 1945 года, на Ялтинской (Крымской) конференции трёх держав США и Великобритании признали советские интересы в Восточной Европе, а Советский Союз обязался спустя три месяца по завершении войны в Европе вступить в войну против Японии (и получить Южный Сахалин, Курилы и признание независимости Монголии от Китая). Необходимость довести войну до победного финала тоже способствовала духу компромисса, ограничивавшего людей типа сенатора Артура Ванденберга (республиканец от штата Мичиган), считавших «заговором» Ялтинские соглашения¹⁰². Сталин непосредственно после войны колоссальное значение уделял побеждённой Германии и своей основной задачей считал недопущение немецкого реванша. «...Я ненавижу немцев», говорил Сталин к концу войны. Черчиллю он говорил, что Версальский договор «не только стимулировал идею реванша, но также сделал реванш возможным <...> всякие меры по сдерживанию Германии неизбежно вызовут чувство мести. Задачей является предотвратить реванш»¹⁰³. При этом США поначалу не воспринимались им как прямая и явная угроза Советскому Союзу: «...Я полностью уверен, что войны не будет, это чепуха. Они не способны вести против нас войну»¹⁰⁴. Но при этом нарастающие противоречия между СССР и США на Тихом Океане и в Восточной Европе постепенно ухудшали восприятие Сталиным Соединённых Штатов Америки. В октябре 1945 года в беседе с Авереллом Гарриманом он жаловался, что «С фактической точки зрения Советский Союз стал аме-

⁹⁸ Э. Генри. Прометей. Внешняя политика Сталина. М.: Рус. раритет, 2007. С. 37

⁹⁹ Там же. С. 95

¹⁰⁰ Там же. С. 118

¹⁰¹ Kolko J, Kolko G. The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945-1954. P.12

¹⁰² Kolko G. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943-1945. Pantheon Books, New York, 1990. P.467

¹⁰³ Casey S., Wright J. Mental Maps in the Early Cold War Era, 1945-1968. P.11

¹⁰⁴ Ibid. P.24

риканским сателлитом на Тихом Океане. Эту роль не принять не может. <...> Советский Союз не будет сателлитом США ни на Тихом Океане, ни в любом другом месте»¹⁰⁵. Советский Союз крайне чувствительно относился к вопросам собственного суверенитета, особенно теперь, когда победа во Второй Мировой войне вывела его в сверхдержавы.

В свою очередь, президент Трумэн с самого начала относился к Советскому Союзу с предубеждением. Он считал, что Советский Союз является «бандитским режимом»¹⁰⁶, который по сути мало отличается от нацистского, фашистского или франкистского и который едва ли можно назвать левым в политическом отношении («...В России нет социализма, там просто очаг особых привилегий»¹⁰⁷, сказал он в частном порядке в июне 1945 года). Но в сравнении с другими членами американской элиты Трумэн был ещё умеренным. Так, сенатор Ванденберг, одна из ключевых фигур американской политики, считал стремление найти компромисс с Россией при президентах Рузвельте и Трумэне «умиротворением», ставя, тем самым, Советский Союз на одну доску с гитлеровской Германией. Исполняющий обязанности государственного секретаря Грю считал войну с Россией неизбежной уже летом 1945 года¹⁰⁸. Во время Потсдамской конференции военный министр Стимсон описывал русский подход к взиманию немецких трофеев «как скорее азиатский»; Аверелл Гарриман писал, что «...величайшим преступлением Гитлера было то, что его действия привели к тому, что врата Восточной Европы были распахнуты для Азии»¹⁰⁹. Подобные пропитанные духом расизма воззрения не сулили ничего хорошего для советско-американских отношений.

Чем дальше, тем больше в советско-американских отношениях накапливались мелкие раздражители, показывавшие, что руководители этих двух государств совсем по-разному воспринимают одни и те же заключённые друг с другом соглашения. Наиболее ярко это проявилось в вопросе Польши и, шире стран Восточной Европы. Стоит заметить, что ещё до Ялтинской конференции и завершения войны наиболее проницательные американские авторы понимали, что сам расклад сил «на земле» будет означать преобладающее советское влияние в странах Восточной Европы. Так Уолтер Липшман в годы Второй Мировой войны писал так: «...Когда закончится война, русские почти гарантированно будут иметь преобладание в вооружённых силах в этом регионе, <...> вопрос не в том,

¹⁰⁵ Casey S., Wright J. Mental Maps in the Early Cold War Era, 1945-1968. P.16

¹⁰⁶ Ibid, P.36

¹⁰⁷ Ibid, P.41

¹⁰⁸ Gaddis J.L., The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. P.229

¹⁰⁹ Ibid, P.242

насколько твёрдо мы гарантируем независимость этих стран, но в том, позволит ли Россия существовать им в качестве независимых государств»¹¹⁰.

Единственным выходом, с точки зрения Липпмана, который позволил бы одновременно удовлетворить и интересы Советского Союза в собственной безопасности, и сохранить независимость стран Восточной Европы заключался в их реальном нейтралитете. Однако на этом пути существовало мощное препятствие в виде отсутствия в восточноевропейских странах такой политической традиции нейтралитета, в духе шведской или швейцарской. Само их появление на свет в качестве независимых государств после Первой Мировой войны было вызвано крахом трёх империй (Российской, Австро-Венгерской и Османской) и потому для них привычным является рассчитывать на то, что их главным шансом является конфликт между великими державами¹¹¹.

В общем, так и вышло. Критически важное значение в итоговом решении судьбы восточноевропейских стран сыграло решающее военное превосходство войск СССР в регионе и сохранение в нём к моменту капитуляции Германии этого преобладания.

Но в любом случае, тогда, во время Ялтинской и Потсдамской конференций не только общественности СССР и США казалось, что это лишь мелкие ухабы на пути продолжения сотрудничества, но и сами руководители внешней политики этих стран считали именно так. И.В. Сталин ставил на полку идеологические элементы в советской внешней политике. Свидетельством веры руководителей стран Большой Тройки в дальнейшее сотрудничество стал и советско-китайский договор 1945 года (заключённый с правительством Чан Кайши и названный Мао Цзедуну ножом в спину китайской революции), официально фиксирующий ялтинские принципы, и даже согласие Потсдамской конференции на отношение к Германии как к единому экономическому целому (вопреки, к слову сказать, рекомендациям комиссии Майского, мудро призывавшей к дроблению Германии). Однако «лучшие планы людей и мышей часто идут вкривь и вкось». В итоге вместо продолжения и углубления (или хотя бы сохранения) сотрудничества между великими державами, ряд частных конфликтов перерос в глобальное идеологическое и политическое противостояние, известное как Холодная война – противостояние, которое пережило всех своих архитекторов из числа правителей.

Главной причиной этому было то, что три победителя во Второй Мировой войне: Соединённые Штаты Америки, Советский Союз и Британская Империя. Но три победителя были не в одном и том же положении.

¹¹⁰ Lippmann W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Little, Brown and Company. Boston, 1943. P. 150

¹¹¹ Ibid. P. 151-152

Вторая Мировая война колоссально усилила США. Именно благодаря ей была окончательно преодолена Великая Депрессия. США имели в своём распоряжении самый сильный и многочисленный флот мира, половину мирового промышленного производства, их территория не была разорена боевыми действиями. Наконец, их вооружённые силы насчитывали 8 миллионов человек и, в отличие от всех остальных возможных соперников (включая более многочисленную армию СССР) были полностью механизированной армией. Наконец, в их распоряжении была атомная бомба – новейшее, самое разрушительное оружие (пусть даже его запасы пока что были скромными) и, что важнее, средства его доставки в виде первоклассной стратегической авиации. Соединённые Штаты могли в первые послевоенные годы «дотянуться» с её помощью до территории любого противника вообще и до советской в частности, а ни один из их потенциальных противников не мог «дотянуться» до территории США. Однако, чем ближе был конец войны, тем сильнее становилось в американском обществе желание скорейшей демобилизации и возвращения к мирному режиму экономической жизни. Максимальная безопасность американского общества в тот период как ничто другое стимулировало нежелание американских избирателей интересоваться внешней политикой.

Два других победителя были в гораздо худшем положении.

Британская Империя вот уже несколько лет находилась на грани банкротства. До поры до времени её удерживали на плаву американские поставки по ленд-лизу, но США прекратили их ещё до завершения войны с Японией. Её золотовалютные резервы упали от 650 миллиардов фунтов стерлингов (1939) до менее чем одного миллиарда (1945). Перспективы британской экономики выглядели мрачно ещё до войны, по мере того как экономическая мощь США всё нарастала, а теперь к ним добавились потери от немецких бомбардировок и подводной войны, превратившей значительную долю британских торговых кораблей в ржавые обломки.

Советский Союз, хотя победа во Второй Мировой войне сделала его сверхдержавой, пострадал от этой войны сильнее всех. Западная половина страны лежала в руинах, в ходе войны погибли десятки миллионов советских граждан, на западных окраинах шла партизанская война с радикальными националистами (в Прибалтике и на Западной Украине). Тем не менее, за вычетом США, он оставался сильнейшей державой в Европе.

В этом отношении, несмотря на статус супердержавы, Советский Союз в течение всей Холодной войны был и оставался слабейшей стороной. И ни в один момент после Второй Мировой войны не было такого неравенства в силах между СССР и США, как в период ранней Холодной войны. Этот вопрос встал особенно остро, по мере того как становилось всё яснее и яснее, что советские дипломаты, о которых говорилось выше, в сво-

их послевоенных расчётах ошиблись в главном: в желании Британии продолжать политику баланса сил и блокироваться со слабейшим против сильнейшего.

Надо сказать, что такой просчёт допустило не только советское руководство. После 1945 года и завершения войны практически всеми в Европе, начиная от партизан Сопротивления и до эмигрантских правительств в Лондоне верили в то, что Британия останется великой державой. Левые демократы и социалисты, включая Джорджа Оруэлла, верили в то, что Британия сможет возглавить Западную Европу и, показав пример демократического социализма, стать третьим полюсом между сталинским СССР и капиталистическими США. Вот что писал американский автор и журналист Уильям Пфафф: «...*Разумеется, в 1945 году Британия могла возглавить Европу. Её правительство этого не захотело. <...> Британская политика с 1940-х годов заключалась в том, чтобы быть союзником США почти любой ценой. <...> Когда американские интересы вступали в конфликт с британскими, британскими интересами постоянно жертвовали*»¹¹².

В декабре 1945 года британское правительство приняло американские условия, согласно которым Британия получала займ в 3,75 миллиардов долларов лишь на условиях свободной конвертации фунта стерлингов и доллара и фактическом демонтаже «стерлингового блока» и системы имперских преференций. Стоит заметить, что даже такие условия показались значительной части американского парламента слишком мягкими, и только к лету 1946 года удалось добиться одобрения этого займа Конгрессом. За экономической капитуляцией последовала и политическая. В пятницу, 21 февраля 1947 британское посольство в Вашингтоне уведомило государственный департамент о том, что британское правительство больше не может поддерживать правительства в Греции и Турции – и это стало толчком, который в итоге привёл США к «доктрине Трумэна».

Как бы то ни было, несмотря на то, что вплоть до Суэцкого кризиса Британия стремилась подчеркнуть свою особую роль в мире, на неё уже больше нельзя было полагаться как на возможный антиамериканский балансир – на что надеялись и Майский, и Литвинов в 1944 году. И теперь, и только теперь, после можно было говорить о появляющейся биполярности, о том, что в мире осталось только две супердержавы: СССР и США. А, как писал немецкий историк Себастьян Хаффнер в своей книге «Самоубийство Германской империи»: «...*Уже это обстоятельство автоматически делало их противниками <...> Если же существует лишь две супердержавы, которые задают всему тон, они не могут не быть потенциальными противниками*»¹¹³.

¹¹² Pfaff W. Barbarian Sentiments: How the American Century Ends. Hill and Wang, New York, 1989. P. 37-38

¹¹³ Хаффнер С. Самоубийство Германской Империи. М.: Прогресс, 1972. С. 108

Как уже говорилось выше, СССР был в слабейшем положении относительно США. Однако у него была два серьёзных тактических преимущества. Во-первых, его политическая структура была такова, что позволяла ему действовать более оперативно и с меньшей оглядкой на общественное мнение внутри страны, чем в США. Во-вторых, хотя Советский Союз провёл демобилизацию, сократив свои вооружённые силы в более чем три раза (с 12 миллионов до 4 миллионов) и не проводил воинский призыв в первые послевоенные годы (1946 и 1947), советская демобилизация была далеко не такой быстрой и не такой полной как американская демобилизация. Приведём несколько цифр. На момент 12 мая 1947 года в рядах Армии США было 8290000 человек; 1 января 1946 года - 4,228,936 человек; 1 января 1947 года - 1,319,483 человек; 1 июля 1947 года – 989664 человек¹¹⁴. Таким образом, хотя все стратегические преимущества оставались в руках США, конкретно на европейском континенте Советский Союз обладал значительным локальным преимуществом, дополнявшимся слабостью западноевропейских государств.

Сила США остро осознавалась советскими руководителями. Советское правительство и его руководитель, И. Сталин, не намерены были – уж точно не после кровавого урока 1941 года – ставить военную безопасность своего государства в зависимость от добрых намерений любого другого государства. Несмотря на то, что раны войны только-только начали зарастать, И. Сталин, на которого так подействовала американская атомная монополия, принял принципиально-важное решение в конце 1945-начале 1946 года: начать обширную программу перевооружения. Это требовало колоссальных затрат на решение целого спектра задач – от добычи стратегически важного сырья до первоклассных конструкторских бюро и до создания и обновления целых отраслей высокотехнологической промышленности. Как отмечают В. Зубок и К Плешаков: «...*Диктатор руководил и осуществлял новую «революцию сверху»: на пепле крестьянской России и среди руин, оставленных войной, он отдал приказ о создании ядерной сверхдержавы*»¹¹⁵

Решение СССР сосредоточиться на восстановлении своей тяжёлой и военной промышленности означало, что Советский Союз не намерен консервировать свою текущую слабость, но он намерен её преодолеть – и, тем самым, сократить американский перевес или даже вовсе покончить с ним. Генерал Кёртис ЛеМей, «сильный человек» американской авиации, ещё в ноябре 1945 года так описывал положение Соединённых Штатов Америки: «...*Она избежала разрушений, причинённых другим государствам, потому что у неё было время на подготовку и благодаря расстояниям <...> [В следующей войне] рас-*

¹¹⁴ Sparrow J. C. History of Personnel Demobilization in the United States Army. Department of the Army, 1952. P. 265

¹¹⁵ Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin Cold War. P.44

стояние будет академическим термином и времени на подготовку не будет <...> будет войной ракет, радара, реактивного двигателя, дистанционно управляемых ракет, гиперзвуковых скоростей и атомной энергии»¹¹⁶.

Но помимо военных вопросов были и вопросы экономические. Выше говорилось о планах США по переустройству мировой экономики. Они предусматривали снятие таможенных барьеров (что было выгодно США, как сильнейшей на тот момент промышленной державе и впридачу не затронутой военными разрушениями), ограничение (через планируемый на Бреттон-Вудской конференции Всемирный Банк как интегратор национальных банков) права отдельных национальных правительств манипулировать курсами валют, и, среди прочего, раскрытие чувствительной экономической информации международным финансовым и экономическим органам. Уже 2 января 1946 года Джордж Кеннан кратко и сжато объяснял своему начальству в так называемой «Бреттон-вудской телеграмме» почему Советский Союз не стал участвовать в работе Всемирного Банка и МВФ¹¹⁷. Стоит заметить, что в отличие от гораздо более известной «Длинной телеграммы» (22 февраля 1946 года), январская телеграмма Кеннана полностью свободна от языка идеологии и психиатрии. Нет рассуждений о *«невротическом взгляде на мировую политику»* Кремля, о *«неуважении русских к объективной правде – более того, неверии в её существование»¹¹⁸*, какие были в «Длинной телеграмме». Наоборот, холодно и рационально указывается на стремление Советского Союза добиться как можно большей степени экономической автономии и раскрывать как можно меньше информации, имеющей значение для вопросов национальной безопасности. Стоит заметить, что если «Длинная телеграмма» обрела мировую известность, то «Бреттон-вудская телеграмма» была рассекречена лишь в 1986 году администрацией Рональда Рейгана.

В любом случае, непосредственно после войны американское общественное мнение не стремилось к ведению активной внешней политики, и колоссальные замыслы, связанные с новым мировым экономическим порядком, его не особенно трогали. Это была проблема, которую требовалось решить творцам американской политики, и они её решили: *«Творцы американской политики, разумеется, стали видеть в Советском Союзе угрозу на протяжении второй половины 1940-х годов. Но это не была угроза американской родине. Это была угроза порядку, который они пытались выстроить, который распро-*

¹¹⁶ Rhodes R. Dark Sun: the Making of Hydrogen Bomb. Simon&Schuster, 1995. P.227

¹¹⁷ James Eric Copeland. The Untold Story of Economic Conflict in the Second Great War The Untold Story of Economic Conflict in the Second Great War: Battle to Bretton-Woods, Rhetoric of the Marshall Plan, George F. Kennan, John Maynard Keynes and Disregarded Origins of the Cold War (thesis). The University of Texas at Arlington. May 2016. P.214-217

¹¹⁸ Debating the Origins of the Cold War/ edited by Ralph B. Levering, Vladimir O. Pechatnov, Verena Botzenhart-Viehe, and C. Earl Edmondson. P. 69-70

странялся далеко за американские границы <...> администрация Трумэна умно сменила пластинку, представив свой подход не инициативой построения американского порядка, а ответом на растущую советскую угрозу»¹¹⁹

Однако любая угроза, для того чтобы быть достоверной в глазах общественного мнения любой страны, нуждается в рационализации и фактах, которые доказывали бы её наличие и необходимость реагирования на неё. Такими фактами стала череда кризисов в советско-американских отношениях, которая помогла убедить общественное мнение США в необходимости «сдерживания» коммунизма, а общественное мнение западноевропейских стран в необходимости прочного союза с США.

Весь 1946 года прошёл под эгидой дипломатических кризисов и нарастающей неспособности бывших союзников договориться друг с другом. Стоит отметить весьма важную черту этих кризисов. При столкновении с серьёзным американским дипломатическим противодействием за пределами Восточной Европы Советский Союз отступал, как это случилось во время иранского кризиса 1946 года и попытки ревизии конвенции Монтрё в 1946 году. Всё это свидетельствовало о переходе США к гораздо более активной политике, исходившей из того, что каждое действие Кремля является частью агрессивного стратегического замысла. США переходили к конфронтационному подходу с Советским Союзом. И, как пишет В. Зубок: «...После осени 1945 года США, а не СССР действовали как определяющий фактор в глобальных международных отношениях. А к 1946 году администрация Трумэна решила сдерживать Советский Союз, что драматически изменило очертания международной политики»¹²⁰.

В конечном счёте, главной причиной таких результатов было неблагоприятное для СССР положение сил в регионе. Он не мог, в условиях твёрдой американской поддержки Турции и Ирана, рисковать дальнейшей эскалацией, грозящей войной. Однако в случае Восточной Европы положение было прямо противоположным. Регион уже был занят советскими войсками, и их невозможно было в тех условиях выбить без большой войны (в которой США были заинтересованы столь же мало, сколь и Советский Союз), и теперь уже американцам предстояло наблюдать за тем, как инсталлируются просоветские правительства (поначалу, особенно в Чехословакии, ещё не бывшие коммунистическими диктатурами, которыми они станут на следующем этапе). Здесь главным яблоком раздора стала необходимость совместить два принципа: с одной стороны, восточноевропейские правительства не должны были стать антисоветскими; с другой стороны, они должны были быть демократическими. Однако это были (за частичным исключением Чехословакии)

¹¹⁹ Rose G. The Fourth Founding // Foreign Affairs. 2019. Volume 98. №1. P.15

¹²⁰ Zubok V. Failed Empire. The University of North Carolina Press, 2007. P.44-46

взаимоисключающие требования. В тех условиях новые правительства в Восточной Европе могли быть либо просоветскими, либо демократическими. Как отмечали американские авторы У. Пфафф и Э. Стиллман: «...остаётся фактом, что и в наилучших представимых обстоятельствах – даже если бы после 1918 года существовала либеральная и гуманная Россия – непредставимо, чтобы поляки и венгры глядели на Москву в поисках руководства и наставничества»¹²¹. Сами по себе такие проблемы не были чем-то новым ни для одной крупной страны, и обычно эти страны решали вопрос в пользу собственной безопасности. Президент Вильсон ещё до Первой Мировой войны говорил, что «Намерен научить южноамериканские республики выбирать хороших людей»¹²². В конечном счёте, в 1943-1945 годах США и Великобритания формально признали советскую зону безопасности в Восточной Европе¹²³. Однако в условиях необходимости объяснения активной внешней политики всегда можно было сосредоточить внимание на действия «русских» в этом регионе, особенно когда больше не было скрепляющего советско-американские отношения общего противника.

Однако стоит заметить, что за пределами Восточной Европы советская политика в тот период была гораздо более умеренной. Именно в момент, когда Западная Европа была наиболее уязвимой, в обстановке послевоенной разрухи, а США наименее заинтересованы в долгосрочных стратегических обязательствах, Советский Союз поощрял не революционную и путчистскую деятельность в западноевропейских странах, но парламентскую и коалиционную. По мнению Чарльза «Чипа» Болена, одного из наиболее авторитетных «специалистов по СССР» того периода и позже посла в Москве: «...самым опасным периодом были непосредственно послевоенные годы, 1945-1947, когда американские вооружённые силы быстро сокращались и американская общественность ещё не была встревожена русской угрозой; но важно заметить, что Советская Армия тогда не сдвинулась с места»¹²⁴.

Когда летом 1946 года был написан доклад Клиффорда-Элси, суммировавший претензии США к Советскому Союзу, и в нём содержалось мнение, что Советский Союз стремится, в конечном счёте, к мировому господству. В нём тщательно перечислялись все

¹²¹ Pfaff W., Stillman E. Politics of Hysteria. The Sources of Twentieth-Century Conflict. Harper&Row, 1964. P. 197

¹²² Цитируется по Pfaff W., Stillman E. Power and Impotence: The Failure of America's Foreign Policy. Random House, New York, 1966. P.27

¹²³ Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin Cold War.... P. 7 Зубок и Плешаков ссылаются здесь на следующие работы: «...Amos Perlmutter, FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943-1945 (Columbia, Mo.: University of Missouri Press, 1993), pp. 211-217; Lloyd G. Gardner, Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta (Chicago: Ivan Dee, 1993); Warren Kimball, The Juggler: Franklin Roosevelt as a Wartime Statesman (Princeton: Princeton University Press, 1994), pp. 84-104, 191-198» (P.286)

¹²⁴ Cardwell C. NSC-68 and the Political Economy of the Early Cold War. Cambridge University Press, New York, 2011. P. 52

точки напряжённости с СССР, но из него столь же тщательно исключались все случаи, когда Советский Союз соблюдал свои обязательства и вёл умеренную политику (например, отказываясь поощрять революционную активность в Западной Европе, не сея смуту в арабских странах, не протестуя энергично против американского господства в Японии и военного присутствия в Южной Корее и Северном Китае), так что, по оценке Мелвина Леффлера «...В результате авторы финального доклада признавали, что «трудно привести прямые сведения буквальных нарушений»¹²⁵. Более того, сами Клиффорд и Элси не очень хорошо (или, наоборот, слишком хорошо) понимали, что такое «мировое господство». Опять-таки, процитируем Леффлера: «...Они приравнивали всякий рост советского влияния к сигналу о том, что Советский Союз стремится к мировому господству»¹²⁶. Но такое отношение лучше, чем что-либо другое демонстрировало, что американцы (по крайней мере, влиятельная часть аппарата национальной безопасности) сознают свою силу, своё положение как гегемона, и считают любую попытку сократить отрыв от США проявлением враждебности и/или агрессивности относительно американских интересов.

Тем не менее, и восточноевропейские страны и южная граница СССР были второстепенным фактором на фоне главного яблока раздора – судьбы Германии и немецких репараций. Советский Союз был заинтересован в единой и слабой Германии, которая должна была в первую очередь служить плательщиком репараций. Американский взгляд на вещи был прямо противоположным. США считали экономическое возрождение Европы, в первую очередь Западной Европы, невысказанным без экономического возрождения Германии. Переговоры о репарациях быстро зашли в тупик, из которого не было выхода. Как отмечает Бенн Стейл: «*Опасность для обеих сторон заключалась в факте того, что США не уйдут из Европы, пока из притязания не удовлетворят; это, в свою очередь, усиливало советское недоверие к американским намерениям, поощряло Москву к закручиванию гаек в Восточной Европе и подпитывало сопротивление некоммунистическим партиям в Европе*»¹²⁷.

В марте 1947 года президент Трумэн выступил в Конгрессе США с речью, в которой просил американский парламент поддержать правительства Греции и Турции. Эта речь получила название «доктрина Трумэна». В ней весь мир был недвусмысленно разделён на два лагеря, демократии и «тоталитаризма» (причём, стоит отметить значения самого слова «тоталитаризм» в том контексте. «...Как показывает почти полное исчезновение этого термина из официальной и полуофициальной американской пропаганды периода

¹²⁵ Leffler M. Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford University Press, 1992. P. 133

¹²⁶ Ibid. P. 134

¹²⁷ Steil B. The Marshall Plan: Dawn of the Cold War. Simon&Schuster, 2018. P. 60

Второй Мировой войны и столь же частое его использование противниками союза с СССР, основная связь между нацизмом и сталинизмом прочно укоренилась к середине 1940-х годов»¹²⁸. Таким образом, маркирование противников США как сторонников «тоталитаризма» одновременно приравнивало их к побеждённым Германии и Японии. В этом отношении «тоталитаризм» был заокеанским аналогом «фашизма»/«гитлеризма» как худшего политического оскорбления.)

5 июня 1947 года государственный секретарь США Джордж Маршалл анонсировал «План Маршалла». 12 июля в Париже собрались представители 16 западноевропейских стран – но и Советский Союз отказался явиться на это собрание, и он запретил своим восточноевропейским сателлитам посещать его. Советские представители тогда ещё не знали, что предложение американцев было намеренно написано так, чтобы СССР не мог от него не отказаться; причиной было опасение американских чиновников, что Конгресс ни за что не примет программу помощи европейским странам, если она будет распространяться и на страны, где правит коммунистическая партия¹²⁹. Экономический и политический раскол Европы стал обретать всё более явные очертания.

В сентябре 1947 года было созвано совещание коммунистических партий стран Восточной Европы и Франции с Италией. На этом совещании Андрей Жданов, руководитель Отдела внешней политики ЦК, провозгласил, что в мире образовалось два лагеря, «империализма» и «демократии»¹³⁰. Таким образом, Советский Союз дал ответ на «доктрину Трумэна». Был создан Коминформ как координационный орган основных европейских компартий. Тем самым, был признан раскол Европы на две части. С этого момента можно говорить о Холодной войне как об оформленном противостоянии восточного и западного блока, хотя организационные формы в виде ОВД и НАТО ещё лишь предстояло создать. Но теперь ни у кого не было сомнений в серьёзности и продолжительности противостояния.

1.2 1947-1953: старые и новые линии раскола.

Таким образом, к осени 1947 года и США, и Советский Союз пришли к взгляду на мир как на мир, разделённый на два лагеря, «демократический» и «тоталитарный» (или, в советском изводе, «империалистический»). Из этого прямо следовало, что в своих соот-

¹²⁸ Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy & American Political Culture. The University of North Carolina Press, 2003. P.251-252

¹²⁹ Cardwell C. NSC-68 and the Political Economy of the Early Cold War. P. 47

¹³⁰ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред: Адибеков Г.М. С. 301

ветствующих лагерях больше невозможно было терпеть полутонов. Из западноевропейских правительств были удалены коммунисты, из восточноевропейских – некоммунисты. Но стоит заметить, что подобно тому, как обе стороны боролись в идеологическом отношении за право интерпретировать в свою пользу одни и те же термины (такие как «демократия», «антифашизм», «национальное освобождение»), также они боролись за то, чтобы завоевать «сердца и умы» своих частей Европы. Это было неизбежно, с учётом того, что прямое военное столкновение не считали желательным исходом ни советское, ни американское правительство – следовательно, им оставалось применять лишь политические, дипломатические, экономические и пропагандистские средства. Именно осенью 1947 года в советской пропаганде произошли резкие изменения: *«...Во второй половине 1947 г. в советских средствах массовой информации (СМИ) скачкообразно, в 2-4 раза, возросло количество материалов по таким темам, как «диктат» (или «колониальная политика») США в Европе, примирительное отношение Запада к фашистским преступникам, «неминая крах» капитализма, «растленность» западной культуры, «лицемерие буржуазной демократии»»*¹³¹. То же было верно и для СМИ США и союзных им стран, с поправкой на то, что они взялись за дело несколько раньше.

С этого момента можно говорить о Холодной войне – т.е., используя определение А.С. Манькина, *«...особый, устойчивый тип конфликтного взаимодействия двух государств и возглавляемых ими блоков, который предполагал постоянное использование широкого набора разнообразных средств давления и устрашения противника, не переходящий при этом черту, за которой следует прямое использование вооружённой силы (за исключением локальных стычек в вооружённых конфликтах)»*¹³².

Это была важная черта Холодной войны – переход от дипломатии как традиционного средства коммуникации между государствами, пусть недружественно друг к другу настроенными, к тому, что противника ставили перед свершившимся фактом, *fait accompli*. На основании «свершившихся фактов» вёл свою восточноевропейскую политику Советский Союз; и на том же основании вели свою западнонемецкую и, шире, западноевропейскую, политику США. Только после завершения ранней Холодной войны стал возможен осторожный и частичный отход от таких мер.

Специфика этого противостояния в Европе привела к тому, чтобы обе стороны стали соревноваться друг с другом в попытках продемонстрировать свои качества «благожелательного гегемона» и помощи в экономическом восстановлении. Много сказано о

¹³¹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. Борьба с космополитизмом. С. 84

¹³² Л.С. Белоусов, А.С. Манькин. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. №5. С. 101

«плане Маршалла», но Советский Союз, понимая желание своих сателлитов получить экономическую помощь, ответил на него «планом Молотова». Разумеется, само то, что Советский Союз был в гораздо худшем послевоенном положении, ограничивало его возможность быть «благожелательным гегемоном» для Восточной Европы, особенно с учётом того, что он, как пострадавшая в годы Второй Мировой войны страна, изымал репарации. Как писал В.О. Печатнов: «...*Истощенный войной Советский Союз не располагал финансово-экономическими рычагами для мягкой привязки к себе новых союзников и по необходимости опирался в основном на грубую силу*»¹³³. Тем интереснее то, что в условиях превосходства США как в «жесткой», так и в «мягкой» силе, Холодная война продлилась два поколения – примечательное свидетельство прочности советской системы, несмотря на её дефекты.

В конечном счёте, ужесточение советской политики в Восточной Европе и окончательный вывод некоммунистов из чехословацкого правительства стал мощным стимулом для того, чтобы побудить: «...*республиканский Конгресс принять законодательство по имплементации плана Маршалла, невзирая на его негативные последствия на бюджет, налоговые льготы и перспективы инфляции*»¹³⁴.

На этом фоне произошёл советско-югославский разрыв. До этого уже возникали трения между Советским Союзом и Югославией, в основном из-за чрезмерной, по мнению Москвы, самостоятельности Тито (в том числе и в Греции, где югославы поддерживали партизан), и чрезмерной, по мнению Белграда, опеки Москвы. Кризис вызревал в течение марта 1948 года, и в итоге советское правительство использовало новосозданный Коминформ для осуждения югославской политики, и охарактеризовало отказ югославов являться на заседание Коминформа с заранее предрешённым концом как «измену делу международной солидарности трудящихся» и «откол от единого социалистического фронта народных демократий с Советским Союзом»¹³⁵.

Эта попытка «дисциплинировать» югославов, хотя и не достигла поставленной цели, всё же дала Сталину предлог для того, чтобы начать чистки восточноевропейских коммунистических партий от деятелей, недостаточно лояльных (по мнению Сталина) советскому правительству – наподобие Т. Костова в Болгарии и Л. Райка в Венгрии. По мнению Г.М. Адиебекова, если бы не оказия с Тито, первой жертвой атаки со стороны Ко-

¹³³ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С.450

¹³⁴ Leffler Melvyn P. The emergence of an American grand strategy, 1945–1952// The Cambridge History of the Cold War. (Edited by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad). Volume I. Origins. P. 80

¹³⁵ Адиебеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947-1956. М.: Изд. центр "Россия молодая", 1994. С. 103

минформа мог стать В. Гомулка¹³⁶. Югославия перестала быть союзницей СССР, у СССР остался доступ к Адриатическому морю лишь через отрезанную от Восточного блока Албанию. Кроме того, сама советско-югославская размолвка, прошедшая так открыто и так грубо сужала возможности для создания просоветских коалиций в странах, где не было частей армии СССР. Но самый болезненный удар советская политика нанесла самой себе в Германии.

По мере того, как всё яснее оформлялся курс США на создание отдельного западногерманского государства, правительство Советского Союза стремилось донести своё несогласие с такой политикой. В качестве рычага поначалу было выбрано давление на Западный Берлин. Когда 20 июня 1948 года три западные зоны в Германии приняли в качестве своей валюты новую немецкую марку, 24 июня 1948 года Советский Союз взял в блокаду Западный Берлин. Это решение оказалось крайне неудачным. Американцы наладили воздушное снабжение западной части города, и Советский Союз с этим ничего не мог поделать – сбитие самолётов вызвало бы войну с США, в неблагоприятных для СССР условиях. Как резюмирует Кембриджская история Холодной войны, «...его [Сталина] политика рухнула. Никто не смог бы разработать лучший план для того, чтобы убедить западных немцев принять временный раздел страны <...> В большой игре на Германию Советский Союз оказался в проигравших»¹³⁷. Причина такой неудачи, в конечном счёте, заключалась в том, что политика «свершившихся фактов» обычно выгоднее более сильной стороне. В условиях 1948 года и 1949 года Советский Союз таковой не был.

Тем не менее, раздел Германии дал Советскому Союзу одно преимущество, которое тогда таковым не воспринималось. Он дал ему постоянный военный плацдарм на немецкой земле. Тем самым, если величайший поджигатель войн в человеческой истории, немецкое государство, захотел бы начать новую Мировую войну, ему пришлось бы начать с того, чтобы подпалить собственный дом. До поры до времени до западно-немецкого общества не доходила эта простая истина, поэтому оно с восторгом поддерживало канцлера, назвавшего Советский Союз «нашим смертельным врагом»¹³⁸ (хотя это Германия дважды за тридцать лет совершала агрессию против России с целью уничтожения её государственности, а не наоборот) и отвергавшего все попытки Советского Союза вернуться к единой нейтральной Германии.

Действия Советского Союза в Чехословакии и в Берлине были использованы США, чтобы создать образ СССР как государства, угрожающему непосредственно Западной Ев-

¹³⁶ Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947-1956. С. 94-95

¹³⁷ Schwarz H.-P. The division of Germany, 1945–1949 // The Cambridge History of the Cold War. Volume I. Origins. (Edited by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad). P.149

¹³⁸ Хаффнер С. Самоубийство Германской Империи. С. 122

ропе, консолидировать проамериканские элементы там и облегчить имплементацию плана Маршалла и НАТО, а внутри страны делать политическим приемлемым масштабное перевооружение. В конечном счёте, договор был «продан» американской публике как щит от коммунизма, а западноевропейской – как страховка не только от коммунизма, но и от возможного немецкого самоуправления¹³⁹.

Но сочетание постоянного военного присутствия США в Европе вместе с возрождением Германии означали, в контексте советско-американских отношений, что США взяли курс на принципиально несмягчаемую позицию, на постоянный клинч. Из него следовало то, что две сверхдержавы будут «наваливаться» (если можно так выразиться) друг на друга в центре Европы. Причём будут они это делать на неопределённый срок, затягивая раскол Европы, и делая невозможным для себя ни малейшее ослабление позиций на этом направлении, ведь в таком случае влияние другой стороны заполнит образовавшийся вакуум. Эта политика оставляла обеим сверхдержавам ровно три выбора: переход к «горячей» войне, в надежде на преодоление клинча; сохранение текущего курса на «холодную» войну в надежде пересидеть тем или иным образом противника; и безоговорочную капитуляцию перед ним. Но в тех внешнеполитических условиях «горячая» война не считалась приемлемым выходом ни одной из сторон, равно как и капитуляция. Следовательно, оставалось лишь продолжать курс на Холодную войну. Таким образом, в обозримом будущем становился невозможным вывод ни советских войск из Восточной, ни американских войск из Западной Европы – образовалась классическая «игра с нулевой суммой». Как резюмировал американскую политику Джордж Кеннан в своём дневнике 8 ноября 1949: «...С такой политикой немецкий вопрос может быть решён с выгодой для нас только внутренним коллапсом советской мощи»¹⁴⁰.

В конечном счёте, Советский Союз консолидировал свои позиции на тех европейских территориях, где у него было прямое военное присутствие, и утратил их там, где у него этого присутствия не было (Югославия, в Западной Германии и, шире, Западной Европе). То же самое верно и для США. Они консолидировали свои позиции там, где у них было прямое присутствие, и утратили их там, где этого присутствия не было (в Восточной Европе). По сути, в Европе Холодная война уже тогда приняла, если так можно выразиться, «позиционный» характер, и в ней перестали быть возможны резкие территориальные изменения – вплоть до момента, выходящего за рамки работы, когда целиком рухнул весь Восточный блок.

¹³⁹ Стоит вспомнить, что Западноевропейский Союз, считающийся предшественником НАТО, был прямо направлен против возможного немецкого реванша.

¹⁴⁰ The Kennan diaries / George F. Kennan; edited by Frank Costigliola. W.W. Norton & Company. New York, London, 2014. P.233

Хотя Советский Союз уступал по своему военно-промышленному потенциалу США, но в регионе Восточной Европы он обладал подавляющим военным превосходством и контролировал местные армии и аппарат госбезопасности. Простое сокращение «излишнего» (по американскому мнению) влияния требовало гораздо больших усилий: либо военных, чтобы выбить русские войска из Восточной Европы, либо политических, чтобы убедить советских правителей, что в их интересах осуществить вывод войск из Восточной Европы. Присутствие армий СССР и США по разные стороны Эльбы закрепляло и увековечивало разделение Европы и крайне серьёзно ограничивало независимость стран по обе стороны этой военной границы. Как отмечал Липпман в своей критике взглядов Кеннана, изложенных в «статье X» (переложение для журнала *Foreign Affairs* «Длинной телеграммы»), именно поэтому так важно было добиться вывода неевропейских армий из Европы: «...если Красная армия будет в России, а не на Эльбе, то возможности и русских коммунистов и русских империалистов в смысле реализации своих амбиций будут серьёзно ослаблены»¹⁴¹. Липпмановское решение заключалось в нейтральной Европе, в «...завершении войны и восстановлении независимости государств Европы через вывод неевропейских армий – всех неевропейских армий, включая нашу»¹⁴². Это решение было маловероятно и в 1947 году, когда Липпман написал свою критику «сдерживания», а после создания НАТО, сделавшим постоянным американское военное присутствие в Европе, оно стало невозможным.

Но если политическое решение было в тех условиях невозможным, оставалось решение военное – если уж не переход войны в горячую, то, по крайней мере, наращивание собственных вооружённых сил. Однако в этот период США, ради сохранения здоровья своей экономики, предпочитали не форсировать этот вопрос, и даже продолжать сокращение своих вооружённых сил – они могли себе это позволить в связи с полным отсутствием угроз военного характера своей национальной территории. Прежде всего, был сделан акцент на сдерживание Советского Союза в военном отношении за счёт стратегической авиации и атомных бомб (только в 1948 году американцы накопили 50 атомных бомб¹⁴³ и вышли на массовое их производство). Скажем, согласно плану HALFMOON (21 июля 1948 года, создан под впечатлением событий в Чехословакии и Берлине), в первый период войны предусматривалось отступление американских войск за Рейн и эвакуацию их из таких уязвимых мест, как Корея, и, в свою очередь использование Стратегического

¹⁴¹ Lippmann W. *The Cold War. A Study in U.S. Foreign Policy*. Harper&Brothers. New York, London, 1947. P.61-62

¹⁴² Ibid. P. 45

¹⁴³ Blair C. *The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953*. P.10

Авиационного Командования для осуществления атомных бомбардировок целей на территории СССР, в первую очередь нефтяной отрасли и баз подводных лодок¹⁴⁴.

Это означало, что в тощие годы для американского военного бюджета сухопутные войска и флот финансировались довольно скупо. Это привело, между прочим, к событию известному в американской историографии как «мятеж адмиралов» - попытке элит ВМФ США добиться того, что основным носителем атомного оружия будет не стратегическая авиация, а флот. И даже в таком отношении, несмотря на все усилия выдающегося американского генерала Кёртиса ЛеМея, жёсткими мерами превратившим Стратегическое Авиационное Командование в грозную силу, американская авиация по-прежнему была неспособна «убить нацию» (а именно такие задачи ставились перед САК) в связи с недостаточной мощностью атомных бомб того времени и недостаточным количеством и дальностью действия тяжёлых бомбардировщиков.

В итоге у США оформилось понимание того, что пусть даже ни они, ни СССР не желают большой войны, но США нужны гораздо более толстые военные мускулы, чтобы не оказаться в состоянии, когда американское государственное эго будет выписывать чеки, которые тело окажется не в силах обналичить. Решить этот вопрос должна была NSC-68 (14 апреля 1950 года), но её полноценная реализация стала возможна лишь после начала Корейской войны.

Однако пусть даже за вычетом Восточной Европы этот период был вполне успешен для американской политики, по-настоящему болезненный удар США получили на Дальнем Востоке. Все попытки американской дипломатии добиться сперва приемлемого для них компромисса между коммунистами и Гоминьданом (миссия Маршалла), а затем победы Гоминьдана в Китайской гражданской войне, потерпели крах. Осенью 1947 года представители левого крыла Гоминьдана, собравшись в британском Гонконге, заявили о формировании Революционного комитета Гоминьдана во главе с Сун Цинлин (вдовой Сунь Ятсена и, к слову, позже лауреаткой Международной Сталинской премии, которую ей вручил советский писатель и пропагандист Илья Эренбург) - официально о его создании было объявлено 1 января 1948 года - что раскололо эту партию. В условия уже начавшейся череды коммунистических военных успехов Гоминьдан просто-напросто посыпался. 14 января 1949 году после 29-часового штурма войска коммунистов взяли Тяньцзинь. После этого прекрасно вооружённый и многочисленный гарнизон Пекина без единого выстрела сдался войскам коммунистов (31 января 1949 года). Мао Цзэдун торжествовал: *«Вашингтон является нашим арсеналом, а Чан Кай-ши – заведующим нашим транспортным от-*

¹⁴⁴ Containment: Documents of American Policy and Strategy, 1945-1950/ edited by Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis. P.318, 320-321

делом»¹⁴⁵. Винить в этом американцы могли только самих себя, и сделанную ими ставку на китайских националистов. И гоминьдан, оказавшийся в итоге на острове Тайвань и от туда претендовавший на то, что представляет весь Китай, и «китайское лобби» стали первыми в длинной череде «союзнических лобби», которые небезуспешно пытались манипулировать американской внешней политикой в своих интересах. «...*Китайское лобби, финансируемое золотом Чана и Альфредом Кольбергом, импортёром китайского текстиля, выигрывало (и покупало) союзников в Конгрессе. Сенатор Уильям Ноулэнд от Калифорнии, ставший известным как «сенатор от Формозы», любил подытоживать встречи конгресса по Китаю гоминьдановским тостом, «Назад на материк!»*»¹⁴⁶. Созданный этим лобби общественный климат, в сочетании с более общей пропагандистской политикой жёсткого антикоммунизма в итоге серьёзно ограничились возможности Вашингтона использовать «национальный» коммунизм как средство расколоть Восточный блок. Некоторая ирония заключается в том, что пока американская оппозиция топилась все попытки Вашингтона отвязаться от тонущего Гоминьдана, И. Сталин призывал месяцем ранее китайских коммунистов принять советское посредничество в завершении гражданской войны компромиссным миром¹⁴⁷, а спустя несколько месяцев через своего эмиссара, Анастаса Микояна, пытался ограничить масштаб победы коммунистов и отговорить их от переправы через великую реку Янцзы¹⁴⁸. Такая вот команда по спасению генералиссимуса Чан Кайши: генералиссимус Иосиф Сталин и сенаторы-республиканцы.

Победа китайских коммунистов в Китае означала не только поражение американской политики в контексте Холодной войны. Она означала поражение гораздо более старой американской китайской политики, шедшей ещё от «доктрины открытых дверей» государственного секретаря Хэя; а именно – сохранения территориальной целостности Китая при максимально возможном проникновении в его рынок и его политику американских интересов. По итогам же победы коммунистов возможные пути американской экономической, культурной и политической экспансии в Китай в кратко-и среднесрочной перспективе закрылись. Даже на долгой дистанции, несмотря на сино-американский союз во второй половине Холодной войны, США не вернули политического влияния в Китае и были вынуждены договариваться на китайских условиях. Как отметили Дж. и Г. Колко, «*независимый национализм был не менее опасен для неокOLONиального Запада, чем для неосоциалистической России*»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Цит. по: Симонов К.М. В эти годы. С. 143

¹⁴⁶ Isaacson W., Thomas E. The Wise Men. Six Friends and the World They Made. Simon&Schuster, 1986. P.475

¹⁴⁷ Thornton R. Odd Man Out. Truman, Stalin, Mao and the Origins of the Korean War. P. 27

¹⁴⁸ Ibid. P. 28-29

¹⁴⁹ Kolko J., Kolko G. The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945-1954. P.555

Разумеется, американцы стремились отыграть ситуацию хотя бы частично, эксплуатируя противоречия между СССР и новосозданной КНР и надеясь на «китайский титоизм», но следующий этап ранней Холодной войны спутал американцам эти карты. Уже в начале 1949 года, понимая неизбежность полного краха гоминьдана, американцы начали разрабатывать стратегию «клина» - т.е. отсечения коммунистического Китая от СССР¹⁵⁰. Эти попытки не увенчались успехом из-за подписания договора между СССР и КНР (что дискредитировало представление о Мао как о китайском националисте в Вашингтоне), с одной стороны, и действий «китайского лобби» с другой. Попытка государственного департамента во главе с Дином Ачесоном через публикацию «Белой книги» о гражданской войне в Китае избавиться от обвинений в «утрате Китая» *«...вернулась бумерангом. <...> Китайское лобби напечатало собственную «белую книгу», в которой нападало на Ачесона за то, что тот превратил благородного Чан Кай-ши в козла отпущения за «грубые промахи» Вашингтона. Хуже того, New York Times и Уолтер Липпман критиковали документ как перечисляющий набор провалов»*¹⁵¹.

Если общественное мнение США было потрясено двойным шоком 1949 года – советской атомной бомбой и победой коммунистов в Китае, то руководители американской политики сохраняли хладнокровие. Они исходили из того, что бедность и технологическая отсталость Китая крайне серьёзно ограничивают его полезность как союзника; некоторые, включая государственного секретаря Дина Ачесона, считали крайне маловероятным даже то, что китайским коммунистам удастся консолидировать свою власть и тем более добиться экономического развития Китая¹⁵² – и из этих представлений вытекало их хладнокровие. Более того, творцы американской политики чувствовали себя настолько уверенно, что СНБ США в итоге принял решение о создании водородной бомбы в основном по партийно-политическим соображениям, чтобы защитить президента-демократа Трумэна от критики со стороны республиканцев – он не считал её создание необходимым с военной точки зрения¹⁵³.

Однако здесь особенно заметно проявились особенности внутренней политики самих США. Администрация Трумэна активно использовала антикоммунизм как единственное по-настоящему надёжное средство добиться принятия Конгрессом «интернационалистических» программ и преодоления сопротивления «правой» оппозиции со стороны значительной части республиканцев. Особенно с учётом того, что промежуточные выборы 1946 года дали республиканской партии большинство в Конгрессе, и даже после того, как

¹⁵⁰ Thornton R. Odd Man Out. Truman, Stalin, Mao and the Origins of the Korean War. P. 9

¹⁵¹ Isaacson W., Thomas E. The Wise Men. Six Friends and the World They Made. P. 476

¹⁵² Cardwell C. NSC-68 and the Political Economy of the Early Cold War. P. 24

¹⁵³ Ibid. P. 22

в 1948 году демократы вернули себе контроль над Палатой Представителей и Сенатом, в Конгрессе господствовала так называемая «консервативная коалиция» из консервативных республиканцев из северных штатов и сегрегационистов-демократов из южных штатов – и никакие двухпартийные меры во внешней политике не могли пройти без антикоммунизма в качестве смазки. Таким образом, чтобы легитимизировать в глазах собственного народа реальную Холодную войну, связанную с советско-американским противостоянием в Германии и, в меньшей степени, на Дальнем Востоке, и строительством американоцентричного мира, который привязывал бы промышленные регионы Западной Европы и Северо-Восточной Азии к США¹⁵⁴, администрации Трумэна пришлось вести также и пропагандистскую (или, по выражению Курт Кардвелла, «преувеличенную») Холодную войну, в рамках которой inferнальный Советский Союз намерен был захватить весь мир, и от которого США просто обязаны были во что бы то ни стало защитить «свободный мир»¹⁵⁵. С точки зрения первой Холодной войны, американская политика была, в общем и целом, успешной. А с точки зрения второй получалось, что сперва администрация президента-демократа совершила «предательство в Ялте», потом администрация другого президента-демократа безучастно смирилась с установлением коммунистических режимов в Восточной Европе, утратила атомную монополию США, терпела на высоких постах симпатизантов Советского Союза и в итоге бросила на произвол судьбы верного союзника США в лице генералиссимуса Чан Кайши, отдав четырёхсотмиллионный Китай коммунистам. Этот когнитивный диссонанс в итоге привёл к явлению, известному как «маккартизм» и ставшему самым серьёзным внутривнутриполитическим вызовом для администрации Трумэна, к тому же, серьёзно повлиявшем на дальнейший ход американской внешней политики.

Подводя итог, именно в этот период, от февраля 1947 года (доктрина Трумэна) и до июля 1950 года (Корейская война) США нашли не только военные, но и политико-экономические средства (в виде плана Маршалла и НАТО) для того, чтобы утверждать себя в качестве мирового гегемона¹⁵⁶, а Советский Союз твёрдо встал на путь сопротивления американским притязаниям в том, что считал своей зоной стратегической безопасности. Именно в этот период ранней Холодной войны были заложены основные структуры, которые и по сей день во многом определяют мировую политику: НАТО и постоянное военное присутствие США в Европе, Китайская Народная Республика как независимый центр силы в Азии. Корейская война, завершение которой подвело черту под ранней Холодной войной, лишь сделала почти непроницаемыми те линии «фронтов», которые были проло-

¹⁵⁴ Leffler Melvyn P. The emergence of an American grand strategy, 1945–1952// The Cambridge History of the Cold War. (Edited by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad). Volume I. Origins. P.82

¹⁵⁵ Cardwell C. NSC-68 and the Political Economy of the Early Cold War. P.91

¹⁵⁶ Ibid. P. 83-84

жены в период 1947-1950 годов. Подытоживая сталинскую политику ранней Холодной войны М. Леффлер характеризует её как реактивную, отвечавшую на американские инициативы, как пребывавшую в состоянии обороны после 1947-1948 года, как ограниченную в своих возможностях в Западной Европе, и, за вычетом согласия на действия КНДР в 1950 году, сдержанную в Азии и Африке¹⁵⁷. М. Хант и С. Левин отмечают осмотрительность политики И. Сталина в Азии после Второй Мировой войны¹⁵⁸. В *Uncertain Partners* отмечается, что «...потрясающей чертой Мао и Сталина «при закрытых дверях» было то, что ни одного из них не мотивировала идеология, столь отличавшая их публичные декларации того периода»¹⁵⁹.

Корейская война подвела черту под ранней Холодной войной. Она была пугающим фрагментом того, чем могла бы быть масштабная «горячая» война – и многие, конечно, воспринимали её именно как прелюдию к таковой. Но Корейская война и её последствия были гораздо шире – и в своём замысле, и в своих последствиях, чем непосредственно боевые действия на Корейском полуострове.

Скажем сперва немного о возникновении этой войны. Вплоть до самого конца 1949 года Сталин вёл крайне осторожную политику на полуострове – вплоть до того, что в августе 1949 года, опасаясь провокаций со стороны Южной Кореи, которые могли бы втянуть СССР в войну, приказал убрать из КНДР советскую военно-морскую базу и представительство ВВС¹⁶⁰. В этом отношении США вели столь же осторожную политику, игнорируя призывы своего клиента Ли Сын Мана к военному объединению страны¹⁶¹. Таким образом, до поры до времени, клиенты великих держав могли говорить о военном объединении своей расколотовой страны пока не охрипнут – их патроны не намеревались удовлетворять это желание.

Однако попытки американцев разыграть карту «китайского титоизма» привели к изменениям в позиции Сталина. Если в декабре 1949 года он лишь ограничивался выражениями сочувствия пожеланиям Кима, то в апреле 1950 года он дал санкцию Ким Ир Сену на войну. Стоит отметить, что у Сталина не было никаких иллюзий насчёт степени возможного американского вовлечения. Вот что И. Сталин говорил в декабре 1949 года Ким Ир Сену о положении в Корее: «...Американцы никогда не согласятся быть выкинутыми из неё и утратят из-за этого репутацию великой державы. Советский народ не

¹⁵⁷ Leffler M. Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War. P. 513-514

¹⁵⁸ Hunt M.H., Levine S.I. Revolutionary Movements in Asia and the Cold War//Origins of the Cold War. An International History (ed. by Melvyn P. Leffler and David S. Painter). P.270

¹⁵⁹ Goncharov S.N., Lewis J.W, Litai Xue. Uncertain Partners. Stalin. Mao and the Korean War. P.219

¹⁶⁰ Торкунов А.В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950-1953 годов. С. 23

¹⁶¹ Kolko J., Kolko G. The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945-1954. P. 568

поймёт необходимости войны в Корее, которая является далёким местом за пределами сферы жизненно-важных интересов СССР»¹⁶². Даже в апреле 1950 года Сталин с редкой честностью говорил северокорейцам буквально следующее: «...Если вам дадут по зубам, я и пальцем не пошевелю. Вы должны просить о помощи Мао»¹⁶³. Фактически, Сталин перекалывал и ответственность за войну и её тяжесть на Мао Цзе-дуна (который в итоге в мае 1950 года дал санкцию на северокорейский военный удар) и Ким Ир Сена. Ким Ир Сен, впрочем, был полностью уверен в том, что война будет лёгкой и победоносной и сообщил Сталину, что США не успеют вмешаться по ряду причин: будет решительная, внезапная атака и война будет выиграна за три дня (sic!), восстанут 200000 членов партии на Юге, в южных провинциях Южной Кореи действуют партизаны, и у США не будет достаточно времени, чтобы успеть вмешаться¹⁶⁴. Стоит сказать, что каковы бы ни были планы Сталина, они не могли бы реализоваться без (независимого от Сталина и вплоть до весны 1950 года шедшего вопреки его воле) энтузиазма Ким Ир Сена относительно военного объединения полуострова. Взаимодействие между патроном и прокси всегда глубже и серьёзнее, чем взаимодействие между кукловодом и куклой или игроком и юнитом в компьютерной игре – и это будет повторяться из раза в раз в течение Холодной войны и после неё.

Следует также отметить следующее. С. Гончаров, Дж. Льюис и Сю Ли-тай так характеризуют стратегический замысел Сталина: «...китайская военная операция в Корее стала бы лучшим шансом на то, чтобы углубить разделяющую Китай и Запад линию, и Сталин теперь соорудил более макиавеллистскую конструкцию на основании своего более раннего предсказания, что американцы «никогда не согласятся быть вышвырнутыми» из Кореи или утратить «репутацию как великой державы». Позже эта американская одержимость репутацией попадёт в разряд «credibility», и Сталин придумал способ как использовать её против них»¹⁶⁵. Отсюда и отказ от использования права вето в ООН – прямое американское вмешательство, не прикрытое ООН, могло привести к тому, что та или иная сторона могла формально объявить себя в состоянии войны, и тогда Советский Союз был бы обязан, согласно условиям своего договора с Китаем от 14 февраля 1950 года, вступить в американо-китайскую войну, что не входило в замыслы Сталина¹⁶⁶. К схожим выводам относительно сталинской стратегии приходит и Торнтон, хотя его мнение о роли американцев иное: «...Вашингтон, однако, был намерен добиться той же цели,

¹⁶² Goncharov S.N., Lewis J.W., Litai Xue. Uncertain Partners. Stalin. Mao and the Korean War. P. 138

¹⁶³ Ibid. P. 145

¹⁶⁴ Ibid. P.145

¹⁶⁵ Ibid. P. 145

¹⁶⁶ Ibid. P. 161-162

чтобы сделать явной угрозой, подразумевавшуюся в сино-советском альянсе, которая позволила бы осуществить реализацию программы перевооружения, к которой уже призвала NSC-68»¹⁶⁷. Более того, Торнтон считает, что США сознательно ослабляли Южную Корею, чтобы в случае неизбежного удара. Торнтон заходит так далеко, что сравнивает Южную Корею с привязанным козлом, т.е. с приманкой для хищника¹⁶⁸.

И, тем не менее, американцы пошли на обострение отношений и войну с Китаем – причём первые важные решения на этом пути были приняты раньше военного вмешательства Китая; так, 27 июня 1950 года, в тот же день, когда Трумэн в одностороннем порядке объявил о вмешательстве американских войск в конфликт (который с начала и до конца виделся американским правительством как локализованная, ограниченная война или, на жаргоне того времени, «полицейская операция»), он заявил, что 7-й флот будет патрулировать Тайваньский пролив (что ставило крест на планах Китая по занятию Тайваня). Реакция Китая была предсказуемо-бурной¹⁶⁹ и 1 июля 1950 года Чжоу Эньлай подчеркнул, что это решение Трумэна является ещё одним свидетельством агрессивности политики США в отношении Китая, и теперь Китаю следует энергично наращивать собственные авиацию и флот, дабы нанести сокрушительный удар не только по гоминьдановцам на Тайване, но и по вооруженным силам США¹⁷⁰. А затем американцы, отразив наступление северокорейцев, не остановились на довоенных границах, а решили пойти и дальше и объединить весь полуостров под эгидой ООН. Перейдя 38-ю параллель возглавляемые американцами «силы ООН», перешли также самую яркую из всех китайских красных линий. Предупреждение КНР, сделанное 2-3 октября 1950 года и донесённое через посла Индии в Пекине К. Паниккара, что Китай вступит в войну, если американские войска пересекут 38-ю параллель, было американцами проигнорировано.

Стоит заметить, что изложенная выше теория о Корейской войне как о стратегическом замысле И. В. Сталина по сталкиванию КНР и США подразумевает, что И. В. Сталин к этому моменту стал лучше разбираться в психологии своих американских противников, в частности, что они не остановятся на 38-й параллели, отразив северокорейское наступление, а пойдут дальше на север – и тем самым создадут угрозу единственному на тот момент китайскому промышленному району, Маньчжурии. Это её слабое место, так как ранее И. В. Сталин такого понимания американской психологии не демонстрировал. Позже стали утверждать, что американское правительство само сознательно затягивало войну и даже провоцировало китайское вмешательство, чтобы, с одной стороны, не допу-

¹⁶⁷ Thornton R. Odd Man Out. Truman, Stalin, Mao and the Origins of the Korean War. P. 185

¹⁶⁸ Ibid. P. 146

¹⁶⁹ Ibid. P.157-158.

¹⁷⁰ Торкунов А.В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950-1953 годов. С. 102

стить преждевременного успокоения американского народа и обеспечить его дальнейшую поддержку ремилитаризации¹⁷¹, а с другой, чтобы продемонстрировать общность интересов коммунистических стран против стран западного блока, добиться большей спаянности последнего¹⁷².

Проблема этого тезиса заключается в том, что независимо от тайных и явных замыслов администрации общественный климат в США не позволил бы им остановиться на 38-й параллели. *«...По данным «Гэллэпа» только 27% желало прекращения боёв по линии 38-й параллели, а 64% выступало за наступление в Северную Корею. К началу октября за решением войти в Северную Корею стоял такой импульс, что официальным лицам было практически невозможно помыслить об остановке на 38-й параллели. Политические издержки от этого были просто-напросто слишком велики»*¹⁷³. Кроме того, свою роль играла и недооценка противника. США до последнего момента считали китайское предупреждение блефом. Американцы считали, что КНР, только-только вышедшая из гражданской войны, не пойдёт на такой риск, как полномасштабное вмешательство в Корейскую войну, и что у неё нет денег и ресурсов для этого; эта недооценка распространялась и на китайскую армию, которой *«...настолько не хватало артиллерии, танков и другой бронетехники, что американская армия презирала её»*¹⁷⁴.

Это было прямым следствием политики американского правительства. Оно, несмотря на успехи плана Маршалла, по-прежнему испытывало серьёзное беспокойство относительно устойчивости своего лагеря, а особенно Британии и Японии¹⁷⁵. Основным выходом виделась дальнейшая милитаризация, предусматриваемая NSC 68, но не было ясности, с учётом недавней борьбы за фискальное здоровье экономики, как удастся добиться согласия с ней Конгресса¹⁷⁶. NSC-68, требовавшая масштабного перевооружения США, *«...Прежде всего, она стремилась поставить США в такое положение господствующей силы – того, что Дин Ачесон называл «тотальной дипломатией» – что ей не могла бы бросить вызов ни одна держава или союз таковых (и под этим последними он имел в виду не только очевидных врагов, вроде Советского Союза, но также и союзников США)»*¹⁷⁷. Многие сомневались в возможности того, что фискально-консервативный Конгресс примет такую амбициозную программу. Колебался и сам президент, хотя сам склонялся к

¹⁷¹ Casey S. Selling the Korean War. P. 102

¹⁷² Thornton R. Odd Man Out. Truman, Stalin, Mao and the Origins of the Korean War. P. 317

¹⁷³ Casey S. Selling the Korean War. P. 99-100

¹⁷⁴ Blair C. The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953. P.326

¹⁷⁵ McCormick T. America's Half-century. United States Foreign Policy in the Cold War and After. The John Hopkins University Press, 1995. P. 88-90

¹⁷⁶ Cardwell C. NSC 68 and the Political Economy of the Early Cold War. P.206-208

¹⁷⁷ Ibid. P. 213

принятию программы и делал шаги в этом направлении¹⁷⁸. Затем, по словам Дина Ачесона, «настала Корея и спасла нас». Или, более конкретно, американские военные расходы взлетели с 13 миллиардов долларов до 58 миллиардов долларов; в 1952 фискальном году военные расходы, с учётом военной и экономической помощи другим странам, дошли до 70 миллиардов долларов; в 1953 году упали до суммы немногим более 50 миллиардов долларов, но и после завершения Корейской войны американские военные расходы больше никогда не опускались ниже суммы в 42 миллиарда долларов¹⁷⁹.

Вся эта обширная программа должна была оправдываться в глазах американского общества через нагнетание страха перед Советским Союзом. Прежде всего, в NSC-68 СССР «в отличие от предыдущих претендентов на гегемонию одухотворён новой фанатичной верой, противоположной нашей, и стремится навязать свою абсолютную власть остальному миру». Противопоставлялась «идея свободы при правовом государстве и идея рабства при мрачной олигархии Кремля». Причём неспособность быстро решить текущие проблемы, по мнению авторов документа, могла привести к уничтожению «не только нашей Республики, но и всей цивилизации». При этом, NSC-68 отвергала превентивную войну против Советского Союза по следующим причинам: в текущем состоянии способность США вести эффективные наступательные действия против СССР сводится лишь к возможности атомной бомбардировки Советского Союза, но одни лишь бомбардировки *«не вынудят и не побудят Кремль капитулировать <...> Это, вероятно, будет означать долгую и трудную борьбу, в ходе которой свободные учреждения Западной Европы и многих свободолюбивых народов будут уничтожены, а способности Западной Европы к восстановлению будет нанесён калечащий удар»*. Сверх того, указывалось, что аморальность превентивной войны будет разжечь волю американцев к военным действиям. Проблема заключалась в том, что язык и образы, используемые NSC-68, исключавшие любую содержательную коммуникацию с Советским Союзом и утверждавшие, что на кону стоит независимость самих США, не могли не усиливать голоса, требовавшие превентивной войны.

Сочетание нагнетания такой атмосферы внутри страны и недооценки потенциального противника и игнорирования его интересов как чего-то несуществующего, привели к закономерным результатам. Начавшееся 25 октября 1950 года наступление китайских войск (формально – «добровольцев») отбросило американцев от реки Ялу далеко на юг. Первый китайский удар оказался настолько силён, что Дуглас Макартур пришёл к отчаян-

¹⁷⁸ Cardwell C. NSC 68 and the Political Economy of the Early Cold War. P. 206

¹⁷⁹ Ibid. P. 212

ному выводу о «полном разгроме» своих сил¹⁸⁰, 28 ноября 1950 года Совет Национальной Безопасности США принял решение, что война должна остаться локальной, что «ни при каких обстоятельствах США не должны быть вовлечены в большую войну с Китаем»¹⁸¹, 30 ноября на пресс-конференции Трумэн обмолвился о возможности применения атомного оружия в Корее, но в Вашингтоне даже Ачесон и Маршалл стали говорить, к удивлению и недоумению британского премьер-министра Клементы Эттли о том, что «нас отпустили» и об «эвакуации в стиле Дюнкерка»¹⁸².

Американцы в итоге смогли взять себя в руки, и Трумэн заявил Эттли, что никакого торга с КНР (на что надеялся британский премьер-министр) не будет, ведь ценой будет признание «Красного Китая» законным китайским правительством, передача ему места в Совете Безопасности ООН и уступка Тайваня¹⁸³. Трумэн объявил о чрезвычайном положении в стране 16 декабря 1950 года. В итоге, американцы смогли перейти в контрнаступление и отодвинуть китайские войска примерно к линии 38-й параллели, но дальше война приняла позиционную форму. Постепенно становилось ясно, что обычными методами американцы не смогут добиться военной победы и отбросить китайцев к Ялу – и ОКНШ и парламентским комитетам во внешней политике и вооружённым силам¹⁸⁴. Следствием этого понимания стало то, что США пошли - впервые в своей истории на тот момент – на завершение конфликта без достижения военной победы¹⁸⁵. Характерно, что во время своего следующего конфликта в Азии (во Вьетнаме), США тщательно избегали любых ситуаций, которые могли привести к прямому столкновению с китайскими войсками¹⁸⁶.

Сочетание неожиданно эффективного китайского участия в войне и позиционной войны привело к резкому падению популярности – и войны в Корее вообще и администрации Трумэна в особенности. Дело дошло до того, что даже экономические успехи страны, связанные с перевооружением, стали рассматриваться избирателями как что-то не очень хорошее. Республиканская партия педалировала тему того, что беспрецедентное процветание того времени своим фундаментом имеет Корейскую войну, а, следовательно, и американские жертвы в ней. Некоторые оппозиционные ораторы доходили в этом деле до крайности: *«...С каждого доллара, полученного по Честному Курсу, стекает тёплая кровь 1037513 американских жертв Второй Мировой войны и 109000 жертв корейской*

¹⁸⁰ Leebaert D. Grand Improvisation. America Confronts the British Superpower, 1945-1957. Farrar, Straus and Giroux. New York, 2018. P. 272

¹⁸¹ Blair C. The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953. P. 466

¹⁸² Leebaert D. Grand Improvisation. America Confronts the British Superpower, 1945-1957. P.273

¹⁸³ Ibid. P. 275-276

¹⁸⁴ Ibid. P. 508

¹⁸⁵ Casey S. Selling the Korean War. P. 356

¹⁸⁶ Ibid. P. 366

полицейской акции.¹⁸⁷». <...> «если мы можем достигнуть процветания лишь через трагедии войны, платя за него жизнями наших парней, умирающих в Корее, я хочу прямо сейчас сказать, что цена слишком высока». <...> «Я лично не хочу процветания того сорта, что у нас есть сейчас, которое основано и построено на чём? На войне, на крови, на дефицитах, на стимулировании инфляции... на налогах и на долге...»¹⁸⁸.

Большим достижением администрации Трумэна стало то, что в таких условиях поддержка войны не рухнула. Война, хотя и стала непопулярной, но недостаточно непопулярной, чтобы поставить под сомнение весь консенсус относительно Холодной войны¹⁸⁹. Корея не стала американским «Вьетнамом», хотя такой потенциал у неё был. Она в итоге обрекла только администрацию Трумэна, лишив его шансов на переизбрание, а демократов – на победу на выборах 1952 года. Победивший кандидат от республиканцев Дуайт Эйзенхауэр был гораздо более осторожен, чем «мудрые люди» в Вашингтоне. Он избрался, обещая закончить войну в Корее, но разумно не давая никаких конкретных заверений. В конечном счёте, летом 1953 года война, вот уже два года как зашедшая в тупик завершилась – к полному удовлетворению всех сторон. Однако показательно, что в своих мемуарах Эйзенхауэр приписывает смягчение позиции коммунистических держав исключительно своим угрозам применить атомное оружие¹⁹⁰. Того же мнения придерживался и Даллес, и на Женевской конференции в 1954 года и в своей статье в *Life*, в которой отчеканил термин «балансирование на грани»¹⁹¹. Несмотря на то, что администрация Эйзенхауэра сократила американские военные расходы, Корейская война оставила наследие в виде «милитаризации Холодной войны в глобальном масштабе»¹⁹². Но, с другой стороны, в ходе этой войны стали гораздо более ясными и чёткими обязательства сверхдержав в Европе и Северо-Восточной Азии, что создало стабильный и прочный военный баланс, сокративший вероятность «горячей» конфронтации США и СССР¹⁹³. В. Стьюэк даже предполагает, что именно кровопускание 1950-1953 годов, несмотря на трагически высокую цену, помогло избежать глобальной войны, в духе Первой или Второй Мировой¹⁹⁴. Понимание опасности, которую таит в себе дальнейшее затягивание войны, очевидно за-

¹⁸⁷ У консервативного республиканца вышло нечаянное сходство со словами В.И. Ленина: «...На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови»

¹⁸⁸ Caridi R. *The Korean War and American Politics: The Republican Party as a Case Study*. University of Pennsylvania Press, 1968. P. 206

¹⁸⁹ Casey S. *Selling the Korean War*. P. 365, 367

¹⁹⁰ Caridi R. *The Korean War and American Politics*. P. 270

¹⁹¹ *Ibid.* P.271

¹⁹² Westad O.A. *The Cold War. A World History*. Basic Books. New York, 2017. P. 156

¹⁹³ Stueck W. *The Korean War// The Cambridge History of the Cold War*. (Edited by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad). Volume I. Origins. P. 266

¹⁹⁴ *Ibid.* P.287

шедшей в тупик, привело к решению советского руководства как можно скорее закончить её фиксацией текущих итогов. Наиболее активным из числа недовольных миром оказался южнокорейский диктатор Ли Сын Ман, но сочетание поражений его армии, решившей действовать отдельно от «войск ООН», и угрозы США лишить его поддержки, заставили его успокоиться.

В конечном счёте, каждая из трёх держав могла считать Корейскую войну своей частичной победой. Советский Союз отогнал пугавший ещё Майского призрак американо-китайского союза, но ценой укрепления американских позиций в Европе; США привязали к себе крепче Западную Европу, Японию и легитимизировали в глазах собственного народа постоянную крупную регулярную армию, но ценой этого стало противостояние с Китаем, тяжёлый политический кризис и общая утрата понимания ситуации в Азии; Китай понёс тяжёлые людские потери, но закалил в огне реальной войны свою армию, и само то, что только что вышедшая из гражданской войны бедная аграрная страна смогла свести вничью войну с богатейшей державой мира, колоссально подняло дипломатический престиж КНР и сделало для неё возможным более самостоятельную и активную политику.

Страх перед войной и новое руководство в Вашингтоне (администрация Эйзенхауэра) и в Москве (коллективное руководство после смерти Сталина) позволило достичь определённого прогресса во взаимодействиях между двумя державами и возобновить содержательные переговоры. Тем не менее, несмотря на успехи Женевской конференции 1954 года, нормализацию советско-югославских отношений, договор о нейтралитете Австрии, несмотря на первый период «мирного сосуществования», Холодная война продолжилась, перешла, если так можно выразиться, из острой фазы – в хроническую.

Холодная война началась в условиях очень серьёзного диспаритета между Советским Союзом, ставившим себе ограниченные цели, и никогда не замахивавшимся на большее, чем региональная зона безопасности, и Соединёнными Штатами; оба правительства на самом высшем уровне воспринимали её в реалистических терминах государственного могущества и безопасности, окрашиваемых, однако, их личным представлением о природе соперников на мировой арене; оба правительства, поначалу, довольно трезво относились к собственным пропагандистским кампаниям, необходимым для легитимизации противостояния в глазах собственных обществ. Однако, с это в большей степени касается США как государства, где большой вес имело общественное мнение, со временем они вынуждены были идти раскалённому этими же кампаниями общественному мнению на уступки в том числе в таких серьёзных вопросах как, к примеру, разработка водородной бомбы или оценка китайской политики, или же постепенно начинать верить в собственную пропаганду.

1.3. Образы друг друга в США и СССР перед началом Холодной войны

К 1945 г. в СССР, и в США наличествовал значительный багаж представлений друг о друге, как дружественных, так и враждебных. Анализ этих представлений чрезвычайно важен в свете постановки задачи исследования эволюции пропагандистских моделей, произошедших за годы Холодной войны.

Образ России в США не был статично негативным. Накануне Первой мировой войны можно говорить о возобладании тенденции, связанной отделением народа от правительства, где долготерпеливый народ находится под властью деспотических и зловещих правителей. Этот образ формировался в условиях стратегического соперничества на Дальнем Востоке. Отсюда, например, горячий и неподдельный энтузиазм американцев относительно японцев после нападения милитаристской Японии на Россию. Как пишут Д. Дэвис и Ю. Трани: «...Американцы, присоединившись к оценке Кеннаном России как «варварской деспотии», поддержали японское нападение <...> Американская пресса часто повторяла мысль, которую первым высказал Кеннана: эта война – «борьба цивилизации с варварством»¹⁹⁵. Усиливало напряжение и то, что на американских граждан-иудеев, приезжавших в царскую Россию, начинали распространяться ограничения, что и на иудеев, проживавших в черте оседлости – именно из-за этого вопроса американцы денонсировали в 1911 году русско-американский договор о торговле и навигации 1832 года. Как отмечает Н.П. Таньшина, именно с начала XX века «...Россия начинает использоваться в качестве антиобраза, «тёмного двойника» Америки»¹⁹⁶.

Тем не менее, эта безрадостная политическая картина скрашивалась высокой оценкой русской культуры, надеждами на неизбежное падение или реформу «деспотизма» и, в целом, умеренно позитивной оценкой русского народа. Этот противоречивый образ сжато был суммирован автором из журнала Craftsman: «...Годами, веками нас интересовала мелодрама жестокого внутреннего конфликта в России, ее рудники в землях, скованных холодом, где надрывались политические заключенные, немедленные приговоры к тюремному заключению друзей народа и врагов правительства, не подлежащие обжалованию. Русские анархисты прибывали к нашим берегам, чтобы безнаказанно взывать к восстанию. Горький в своих пьесах рассказывал нам правду о русском народе, западавшую в память.

¹⁹⁵ Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Китаем и Россией в XX веке. – М.: Вагриус, 2009. С.42

¹⁹⁶ Таньшина Н.П. Русофобия: история изобретения страха. С. 422

*Звон цепей, сковывающий народ, звучал зловещей музыкой в романах Толстого. Россия всегда представляла одновременно колоритной и ужасающей»*¹⁹⁷. Первая Мировая война, в сочетании с сухим законом, сделала описанную выше ориенталистскую, экзотизирующую картину несколько более позитивной; и после февральской революции 1917 года наблюдался всплеск «розовых» надежд на то что после окончания Первой Мировой войны «ответственность за будущее России» ляжет на плечи США¹⁹⁸.

Дальнейшее событие политических событий в России отправило эти надежды на самое дно, заменив их представлением о России как об очаге распространения коммунистического экстремизма. Стоит, однако, заметить, что это не вело к реабилитации исторической России хотя бы на контрасте с новым советским государством. Она воспринималась как отсталое, реакционное, дискриминирующее государство, которое своей неадекватностью сделало неизбежным появление своего могильщика. Кроме того, Советский Союз, будучи государством, поднявшим на щит ценности Просвещения, и стремившийся (по крайней мере, на словах) к их реализации, можно сказать, говорил с американской «левой» интеллигенцией на её языке; и поэтому был для неё более понятен, чем «реакционный» царизм. Как отмечал Ю. Лайонс, многие зарубежные поклонники СССР (которым долгое время был и сам Лайонс) пребывали в «приятном заблуждении, что большевики – это новая, бескомпромиссная богема»¹⁹⁹. Для очень многих в среде американских интеллектуалов Советский Союз 1920-х годов становился из очага анархии объектом великого социального эксперимента²⁰⁰.

Наиболее показательным примером создания образа русских как русских (а не граждан той или иной формы российского государства) в США были рассказ и фильм «Самая опасная игра», породившие целый поджанр в массовой культуре, вращающийся вокруг охоты на людей.

Рассказ Ричарда Коннелла «Самая опасная игра» был написан в 1924 году и некоторое время был самым популярным на английском языке и частью школьной программы в Америке. Его культовая экранизация была сделана в 1932 году. После этого сюжет адаптировался в американской массовой культуре бесчётное количество раз. Но с точки зрения образов России и русских нас интересует то, что главный злодей и рассказа, и фильма – это русский аристократ и фанатик охоты Зарофф, который на своём острове вместе со звероподобной прислугой, Иваном, Ахмедом и Татаром, устраивает охоту на двуногую дичь, на людей.

¹⁹⁷ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881-1914. Москва, 2012. С. 997.

¹⁹⁸ Там же. С. 1011

¹⁹⁹ Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Китаем и Россией в XX веке. С.159

²⁰⁰ Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy & American Political Culture. P.21

Главный положительный герой, американский охотник Роберт Рейнсфорд (между прочим, чей авторитет как теоретика и практика охоты Зарофф признаёт и желает валидации своих взглядов от него), в итоге благодаря своей смекалке одолевает Зароффа и сбегает с его острова. В этом отношении «Самая опасная игра» чётко и резко выписывает образы как русского высшего слоя, так и «простого народа»: первый является пресыщенным и агрессивным декадентом, уступающим американскому мужчине даже в схватке на своих условиях, второй – безмозглым полуживотным, к тому же не совсем «белым» (Причём буквально; роль звероподобного «Ивана», приспешника-«казака» inferнального Зароффа сыграл негритянский актёр по имени Нобл Джонсон. Других «русских» в Голливуде не нашлось).

Тем не менее, после Великой Депрессии и начала Нового Курса образ Советского Союза изменился, в первую очередь, из-за внутривнутриполитических американских соображений, в частности, перспектив для американской торговли²⁰¹. Противники Нового Курса, стремясь дискредитировать эту политику и администрацию президента Рузвельта, изо всех сил подчёркивали как недемократический, «тоталитарный» характер Советского Союза, так и то, что Новый Курс якобы неудержимо ведёт США к диктатуре по советскому, итальянскому или немецкому образцу. В свою очередь, официальная позиция, так и левоцентристские силы подчёркивали, наоборот, более терпимые и приемлемые стороны Советского Союза для американцев. В первую очередь, конечно, это касалось периода «народного фронта», когда Советский Союз казался основной силой, готовой выступить дипломатически и даже, косвенно, военно, против Германии (участие в Испанской гражданской войне) и Японии. Но это рухнуло после подписания пакта Молотова-Риббентропа и особенно войны с Финляндией. Постепенно, к концу 1930-х годов стало оформляться представление не только о том, что СССР, Германия и Италия являются диктатурами (что было очевидно), но и что они представляют собой один и тот же тип диктатур («тоталитаризм»). В этом отношении период между концом 1939 года и до начала Великой Отечественной войны был низшей точкой популярности СССР в США, когда единственным элементом, относившимся к СССР более сдержанно было лишь правительство Рузвельта, и только по прагматическим соображениям (оно не верило в долгий мир между Германией и СССР и не желало подталкивать СССР в сторону Берлина более жёсткими мерами)²⁰².

Показательно в этом отношении различие между американскими кинообразами советских функционеров и нацистских функционеров в 1930-е годы. Например, в трёх крупных фильмах, затрагивавших советскую тему до вступления США во Вторую Мировую

²⁰¹ Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Китаем и Россией в XX веке. С.176

²⁰² Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy & American Political Culture. P.155

войну, а именно «Ниночка», «Товарищ X» и «Он остался на завтрак», снятых в 1939-1940 годах показывается, как коммунист, влюбляется в американца или американцу, и благодаря этому смягчается. Никаких аналогичных тропов относительно нацистов не было²⁰³. Более того, в «Ниночке» (главную женскую роль советского аппаратчика в этом фильме сыграла Грета Гарбо) главный герой, американец, хотя и разочаровывается в коммунизме, но произносит страстную речь о недостатках царского режима, создававшую впечатление о том, что Октябрьская революция не была стопроцентным злом²⁰⁴.

В этом отношении у американской «русофилии» 1941-1945 годов было точно такое же объяснение, что и у прошлого всплеска американской русофилии в 1917 году – наличие общего военного врага в лице Германии. Поэтому по мере того, как угроза со стороны Германии и Японии ослабевала, слабела и необходимость хороших отношений с СССР. Кроме того, она сознательно строилась на лжи. Президент Франклин Рузвельт знал, что оглашение цены за союз с СССР будет неприемлемо для американского общественного мнения – поэтому откровенно лгал американской публике о сути, к примеру советских требований на Думбартон-окской конференции, на Ялтинской конференции²⁰⁵. И американские государственные лица, и американская интеллигенция в течение военных лет сознательно принижали различия между советской и американской общественной системой, экономической политикой и внешней политикой благодаря пышной риторике, отделявшей храбрость и иные положительные качества русского народа от советского государства; словно забывая, что во внешней политике не народ имеет дело с народом, а государство с государством. Американскому правительству подчёркивание «русскости» Советского Союза позволяло принижать значение того, что в союзниках США находится «коммунистическая диктатура», чья идеология и внутренний строй по-прежнему были неприемлемы для большинства американцев; для американской оппозиции подчёркивание «русскости» сопротивления Советского Союза немецкому вторжению с одновременной критикой советской системы правления и внешнеполитических замыслов позволяло найти баланс между критикой внешней политики своего правительства и соблюдением патриотического консенсуса по части борьбы с Германией.

Это закладывало крайне шаткий фундамент для будущих советско-американских отношений: упрямая подозрительность одной половины американского общества, и необоснованно завышенные ожидания относительно сути и перспектив советско-американского сотрудничества у другой. Как отмечается в сборнике *Selling War in a Media*

²⁰³ Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy & American Political Culture. P.133

²⁰⁴ Ibid. P.134

²⁰⁵ *Selling War in a Media Age: The Presidency and Public Opinion in the American Century*/edited by Kenneth Osgood and Andrew K. Frank. Gainesville: University Press of Florida, 2010. P. 84-85

Age: «...Вместо того, чтобы попытаться просветить американский народ о неизбежном военном и послевоенном продолжении реальной политики вообще и в Великом Союз в частности, он продолжал озвучивать вильсоновскую риторику, из страха, что правда просто приведёт к ещё одному уходу США из международных дел <...> Это был полностью понятный страх, учитывая американскую историю <...> Но он заложил основу для жесточайшего разочарования и общественной истерии во время последовавшей Холодной войны»²⁰⁶.

В этом отношении основным довоенным враждебным образом СССР был его образ как «тоталитарного» государства. Собственно, сам термин «тоталитаризм» был порождён итальянской политической жизнью в 1920-е годы: сперва как инструмент критики режима Муссолини оппозицией, затем он был заимствован самим Муссолини. Но в Соединённых Штатах он начал активно использоваться после прихода нацистов к власти в Германии – несмотря на то, что сами нацисты (в отличие от консервативных немецких сил периода Веймарской республики) испытывали к этому термину нескрываемый скепсис²⁰⁷. Таким образом, в США слово «тоталитаризм» с самого начала было крайне эмоционально и негативно заряжено, и одновременно с этим неразрывно связано с негативным отношением к нацистской Германии. В контексте образа СССР в США у этого был ряд преимуществ. Во-первых, слово «тоталитаризм» позволяло ёмко и эмоционально описать достаточно враждебный американской политической системе режим, но при этом без конкретного определения, что это слово означает, и чем оно отличается от «коммунистической диктатуры» или просто «диктатуры»; а во-вторых, позволяло отнести к одной категории и национал-социалистическую Германию, и фашистскую Италию, и коммунистическую Россию. В этом случае у нас есть даже имя человека, который первым использовал слово «тоталитаризм» для уравнивания «левых» и «правых» диктатур. Им был американский экономист Кальвин Гувер, о котором несколько подробнее будет рассказано в третьей главе данной работы и в Приложении. Если в 1934 году Кальвин Гувер всего лишь предполагал, что между советским, немецким и итальянским режимами существуют не только различия, но сходства, то к 1937 году он уже пришёл к выводу, что «непреодолимая пропасть больше не разделяет национал-социалистическую и советскую идеологию»²⁰⁸. Как отмечает Бенджамен Альперс: «...В 1934 году Гувер практически единственный среди амери-

²⁰⁶ Selling War in a Media Age: The Presidency and Public Opinion in the American Century/edited by Kenneth Osgood and Andrew K. Frank. P.87

²⁰⁷ Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy&American Political Culture. P.62-63

²⁰⁸ Ibid. P.74

канских учёных использовал этот термин для того, чтобы связывать коммунизм, фашизм и нацизм. К концу десятилетия он обнаружил себя в более обширной кампании»²⁰⁹.

В этом отношении можно сказать, что, наоборот, враждебность к СССР была неопенимым капиталом. Раньше, «правые» фракции относились к СССР критически, не только по причине своего антикоммунизма, но и потому, что считали Новый Курс и демократические администрации Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна идеологически близкими социализму. Они в этом отношении, начиная от бывшего президента Гувера, неустанно подчёркивали образ СССР как «тоталитарного» государства, антитезы идеалам американской свободы и демократии, которому порочная администрация демократов позволяет укрепить своё внешнеполитическое положение из-за желания насадить социализм в самих США. Теперь же, по мере охлаждения отношений с СССР левоцентристы могли действовать без «советского обременения» и доказывать своему электорату, что они такие же стопроцентные американские патриоты.

Тем не менее, стоит сказать, что у такой риторической политики после Второй Мировой войны были и свои очевидные издержки. Раздувание как злобных намерений, так и военных возможностей Советского Союза таило в себе две опасности. Во-первых, возбуждённое общественное мнение принимало это за чистую монету и требовало мер, которые соответствовали бы масштабу угрозы; во-вторых, это неизбежно приводило к вопросам о том, почему вообще, если Советский Союз такое монструозное образование, США вообще были с ним в союзе? Как рассуждал Клэр Хоффман, конгрессмен-республиканец от штата Мичиган, требовавший летом 1950 года превентивного атомного удара по Кремлю: «... Как много раз власти говорили нам, что Сталин намерен разбомбить нас, как только у него будет возможность для этого? Зачем сидеть и ждать до тех пор, пока он не уничтожит нас?»²¹⁰.

Джинн агрессивного, алармистского антикоммунизма, раскормленный пропагандой администрации Трумэна, повернулся против своих создателей. Двупартийная внешняя политика, благодаря которой и были возможны американские успехи в 1947-1949 годах, получила тяжёлые удары из-за этого. Смерть сенатора от Мичигана Ванденберга, советовавшего перед «доктриной Трумэна» «напугать американский народ» лишила Белый Дом авторитетной среди республиканцев фигуры, способной убедить правое, националистическое крыло партии поддерживать администрацию во внешней политике, его место заняли те, кто считал, что администрация Трумэна ведёт слишком левую политику внутри

²⁰⁹ Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy & American Political Culture. P.75

²¹⁰ Casey S. Selling the Korean War. P. 84

страны и снаружи, со своими широкими и дорогостоящими заморскими обязательствами перед другими странами²¹¹.

Закономерным следствием этого было следующее. Почти сразу же после завершения войны в Европе отношение американского общественного мнения к СССР резко ухудшилось. Так, если во время Ялтинской конференции американское общественное мнение было склонно возлагать проблемы в работе Большой Тройки на Британскую империю, то к сан-францисской конференции – на Советский Союз²¹². И оно продолжало ухудшаться. В сентябре 1945 года опрос, проведённый журналом «Fortune», показал, что 25% опрошенных верят в то, что русские пытаются распространить коммунизм в Восточной Европе. В середине марта 1946 года шестьдесят процентов опрошенных считали, что США «слишком мягки» в своих отношениях с Москвой; только три процента считало, что подход Вашингтона «слишком жёсткий»²¹³. Но аналогичный опрос, проведённый в июле 1946 года, показал, что больше половины опрошенных верят в то, что Кремль хочет господствовать над как можно большей частью мира. Последующие опросы последовательно показывали, что примерно каждые двое из трёх американцев разделяют это мнение²¹⁴. Как писал А.С. Маныкин: *«чем больше и детальнее мы изучаем историю антигитлеровской коалиции <...> тем очевиднее становится, что исторические функции данного альянса ограничивались жесткими рамками военного противостояния. Для пролонгирования этого альянса в послевоенное время требовались очень серьезные политико-дипломатические усилия, к которым ни Вашингтон, ни Москва оказались не готовы»*²¹⁵.

При этом, строго говоря, сдвиг начался несколько раньше. Так, в сентябре 1944 года журнал «Лайф», до того поддерживавший курс на советско-американское сотрудничество, опубликовал длинное эссе Уильяма Буллита, бывшего посла США в СССР (проделевавшего знакомую траекторию от человека, восхищавшегося советским «экспериментом», к закоренелому ненавистнику России), в которой он выражал поддержку взглядам Ватикана на неизбежность столкновения между христианством и коммунизмом, то редакция журнала защищала его точку зрения от возмущённых писем читателей, ещё не вполне «перестроившихся» согласно изменениям стратегической обстановки²¹⁶. Тогда ещё было далеко до ситуации ранней Холодной войны, отрефлексированной Г. Трумэном в своём

²¹¹ Casey S. Selling the Korean War. P. 26

²¹² Almond G. The American People and Foreign Policy. P. 96.

²¹³ Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. P.315

²¹⁴ Almond G. The American People and Foreign Policy. P. 94-95

²¹⁵ Вторая мировая война и трансформация международных отношений (Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина, М., 2020). С. 836

²¹⁶ Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy&American Political Culture. P. 240

дневнике: «...Русские распространяют ложь о нас. Наши газеты лгут и искажают, говоря о мотивах русских, а англичане переплывают в этом и тех и других»²¹⁷.

Однако существовало два важных различия в образах России/СССР до 1945 года и после. Во-первых, до 1945 года одним из способов улучшения образа СССР в глазах американской общественности было подчёркивание (особенно в военные годы) его преемственности с историческими традициями России и вообще «русскости» советского государства. И, во-вторых, до 1945 года Россия/СССР была лишь одной из множества внешних угроз или перспективных мест для американского общественного мнения и интеллигенции, наряду с Германией, Японией и старыми колониальными державами; но после 1945 года положение изменилось, поскольку именно СССР стал второй и последней сверхдержавой и, следовательно, его образ и отношения с ним обрели особенное значение для американской не только внешней, но и внутренней политики. Если раньше американские враждебные или, наоборот, дружественные чувства были рассредоточены на несколько великих держав, то теперь они неизбежно концентрировались на одной-единственной.

Это последнее соображение верно и для советского образа Соединённых Штатов.

В начале 20 века, ещё до революции 1917 года, образ США в среде российской интеллигенции в целом (за вычетом узкой группы крайне правых) был очень положительным. В моде было подчёркивать «схожесть» русского и американских народов. Показателен здесь пример, приводимый в коллективной монографии «Россия и Запад»: «...К началу XX в. упоминания российско-американской «похожести» приобретают заметный субъективный оттенок, который хорошо виден, например, в наблюдениях врача П.И.Попова, основанных на двадцатитрёхлетнем пребывании в США: «Мы, русские, охотно останавливаемся на наших заатлантических друзьях; говорят, между нами и американцами много сходного. И нас, и их природа щедро наделила своими дарами; и у нас, и у них бездна плодородной земли, степей, каменного угля, железа и благородных металлов. Да и натуры-то, говорят, у нас сходные: простота, доброта, ширь и здравый смысл — отличительные черты и русского, и янки»²¹⁸. На ум, конечно же, сразу приходят слова Г.К. Честертонa, что «христианство и буддизм очень похожи, особенно буддизм».

По мере развития революции жизнь в России становилась всё «интереснее и интереснее», и уже имевшееся позитивное отношение к США стало напоминать преклонение: «...В качестве примера особого отношения части советского общества к США можно

²¹⁷ Цит. по: Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 505

²¹⁸ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М.: Институт российской истории РАН, 1998. С.45

привести следующую запись из дневника К. И. Чуковского (декабрь 1923 г.) *Посещая Ф. Сологуба вместе с сотрудником АРА Кини, Чуковский сказал выразил надежду, что тот не испытает неловкости, взяв денег у американца. Сологуб «ответил длинно, тягуче и твердо, как будто издавна готовился к этой речи: — Нельзя испытать неловкости, принимая деньги от Америки, потому что эта великая страна всегда живет в соответствии с великими идеалами христианства. Все, что исходит от Америки, исполнено высокой морали»*²¹⁹.

Однако даже официальная линия советской пропаганды относительно США отличалась. Несмотря на шаблонные осуждения «лицемерия» американской внешней политики, и аттестацию государственного секретаря Хьюза «висельником», который к тому же «предал мир земле»²²⁰. США были единственной капиталистической страной, у которой дозволялось признавать позитивные черты как на самом высоком уровне, так и в массовой пропаганде. Приведём всего лишь два примера. Сталин публично говорил об американских качествах так: *«...Американская деловитость – это та неукротимая сила, которая не знает и не признаёт преград, которая размывает своей деловой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьёзная строительная работа.<...> Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью – в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе»*. Трудно себе представить такой же панегирик в адрес деловых качеств британцев, немцев, французов, поляков или японцев в межвоенный период.

В популярнейшем травелоге 1930-х годов, «Одноэтажной Америке» И. Ильфа и Е. Петрова подчёркивалась необходимость учиться у американцев умению работать организовывать деятельность, держать слово и даже демократизму в общении.

И, конечно же, во время немецкого нашествия возникший союз с США против Германии и её сателлитов очень способствовал тому, чтобы образ США даже в официальной советской линии сиял всеми красками радуги. Можно только согласиться с выводом Голубева, что *«...В результате, как заметил американский исследователь Ф. Баргхорн, учитывая общее отношение к США как советского руководства, так и, особенно, широких «было нетрудно «продать» Америку в качестве союзника»*²²¹.

В этом отношении послевоенная биполярность, конечно, означала, что в случае любого обострения с США старый подход, в котором за американским образом жизни (а

²¹⁹ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922-1941 годах – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С.200

²²⁰ Там же. С. 217

²²¹ Там же. С. 200

не только за американскими «трудящимися») признавались однозначные достоинства, мгновенно становился не только неактуальным, но даже подозрительным и (для тех, кто не успевал перестроиться) откровенно опасным.

Таким образом, перед наступлением биполярной эры в международных отношениях как советские образы США, так и американские образы Советского Союза, хотя и не были до конца дружественными, но оставляли место для некоей неоднозначности и смешанных оценок. Разумеется, были и различия – советское общество относилось к США теплее своего государства; американское же общество (по крайней мере, значительные его сегменты) относилось к СССР враждебнее официальной позиции своего государства. На практике это означало, что в американской политической системе всегда существовали значительные блоки избирателей, для которых сближение с Россией в любой её форме было неприемлемо, и они по своей численности и влиянию заметно превосходили те избирательные блоки, для которых благом самим по себе было сближение с Россией или СССР. Они занимали более выгодную в моральном и пропагандистском отношении позицию, заставляя, тем самым, президентские администрации либо отстаивать возможное сотрудничество или даже сосуществование с СССР на сугубо прагматических (т.е. зависящих не от постоянных моральных соображений, но от меняющегося соотношения сил) основаниях, либо лгать о природе советско-американских отношений. Это, между прочим, также усиливало и переговорные позиции США, позволяя им требовать от контрагентов больших уступок во имя своего общественного мнения, без которого невозможна была ратификация того или иного дипломатического соглашения. Тем не менее, наличие в мире до 1945 года множества центров силы (и, следовательно, потенциальных врагов) ограничивало обе стороны в демонизации друг друга. Кроме того, разнообразие среди великих держав позволяло лучше (и в Советском Союзе, и в США) осознавать различия между ними и друг другом как в положительном, так и отрицательном контексте. Успех союза периода Второй Мировой войны, подведший черту под европейскими великими державами и впервые сведший русское и американское могущество лицом к лицу, убрал эти сдерживающие факторы и оставил двух победителей наедине друг с другом – и, тем самым, уничтожил собственный фундамент.

1.4 От амбивалентности к новой ортодоксии относительно Советского Союза

Сразу после завершения Второй Мировой войны многие черты послевоенного мира ещё не застыли. Присутствие американских войск в Европе тогда не мыслилось постоянным, так же, как и быстрое сокращение Британией своих имперских обязательств. понадобилось два года для того, чтобы послевоенный раскол мира произошёл; до этого враж-

дебность бывших союзников нарастала друг к другу постепенно, идя от одного дипломатического кризиса к другому.

Почти сразу же после завершения войны в Европе отношение американского общественного мнения к СССР резко ухудшилось. Однако одновременно с этим американское общественное мнение резко качнулось в сторону от реформ в духе Нового Курса и активной внешней политики, которую мировая война сделала необходимостью – и на промежуточных выборах 1946 года республиканская партия получила убедительное большинство в Сенате и Палате Представителей. Они были антикоммунистами, но они также были против крупных государственных расходов, которые, среди прочего означала активная внешняя политика.

Зимой 1945-1946 года Советский Союз попытался расширить свою сферу влияния на Северный Иран, но наткнувшись на единый дипломатический фронт США и Британии, вынужден был отступить. В марте 1946 года бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выступит в городе Фултон, штат Миссури, с речью, в которой будет резко критиковать советскую политику и призовет к единому англо-американскому сотрудничеству против бывшего союзника. Летом 1946 года советское требование к Турции пересмотреть конвенцию Монтрё, регулирующую судоходство через проливы Босфор и Дарданеллы, столкнулось, как ранее в Иране, с энергичным совместным отпором со стороны США и Британии. Разногласия по «немецкому вопросу» и легитимное желание Советского Союза получить репарации за военные разрушения, пусть и ценой замедления послевоенного восстановления Германии и Европы, на котором всё больше и больше настаивали США, привели к тому, что Парижская мирная конференция 1946 года смогла составить мирные договоры только для европейских союзников Германии, оставив «немецкий вопрос» в подвешенном состоянии. В конечном счёте, отказ Британии выполнять свои имперские обязательства на Балканах стал последней соломинкой, убедившей американцев, что им следует приступить к резкому и полному разрыву с Советским Союзом и возвестить о том, что идёт глобальная борьба с «тоталитаризмом». Что и сделал президент Трумэн в марте 1947 года, чтобы убедить Конгресс поддержать правительства Греции и Турции. Доктрина Трумэна стала новым фундаментом американской политики, в том числе и потому, что блестяще использовала американский страх перед коммунизмом для того, чтобы убедить американское общественное мнение вести Холодную войну, перенести центр выработки и реализации американской внешней политики в руки президента и оправдать крупные программы помощи Западной Европе.²²²

²²² LaFeber W. *America, Russia and the Cold War, 1945-1992*. P.57-58

Стоит отметить, что сама доктрина Трумэна с точки зрения имагологии представляет собой интересное явление. Президент Трумэн, говоря о критическом состоянии Греции и Турции, не говорил прямо о Советском Союзе, сказал лишь то, что вопреки Ялтинским соглашениям нескольким восточноевропейским странам «...были навязаны тоталитарные правительства против их воли.»²²³. Тем не менее, резкое противопоставление им «двух образов жизни» - американского и неамериканского, воплощавших, соответственно, волю большинства и волю меньшинства²²⁴ резко поднимало риторические ставки: речь шла не о межгосударственных разногласиях, но о борьбе идеологий во всемирном масштабе. И при этом участие Америки в делах Греции и Турции встраивалась в концепцию продолжения борьбы за отстаивание независимости малых государств от нацизма: «*Это был фундаментальный вопрос в войне против Германии и Японии. Мы победили страны, стремившиеся навязать свою волю и свой образ жизни другим государствам*»²²⁵. Тем самым Советский Союз (хотя он пока не назывался прямо) и его союзники скопом относились и к «тоталитарным» странам и к своего рода духовным преемникам побеждённой национал-социалистической Германии, которому нужно противостоять, в конечном счёте, не только на Ближнем Востоке.

При этом, конечно же, американские цели были куда как более приземлёнными. Чтобы убедить Конгресс выделить средства на помощь Греции и Турции, сенатор-республиканец Ванденберг посоветовал Трумэну «напугать до чёртиков» коллег. Ранее уже цитировалось мнение редактора журнала *Foreign Affairs* о том, что риторический антикоммунизм президента Трумэна был средством убедить изоляционистски настроенные Конгресс и общество в необходимости строительства американоцентричного мирового порядка²²⁶.

Стоит отметить, что эти чувства и восприятие СССР как врага было распространено в американском внешнеполитическом истеблишменте ещё до того, как Советский Союз приступил к действиям, которые можно было бы считать покушением на американские интересы или стремлением навязать странам в своей сфере влияния коммунистическое внутреннее устройство. Скажем, первые обвинения Советского Союза в том, что его восточноевропейская политика «*растратила огромные запасы доброжелательных чувств к*

²²³ Debating the Origins of the Cold War / edited by Ralph B. Levering, Vladimir O. Pechatnov, Verena Botzenhart-Viehe, and C. Earl Edmondson. P. 82

²²⁴ Ibid. P. 82

²²⁵ Special Message to the Congress on Greece and Turkey: The Truman Doctrine//Harry S. Truman Presidential Library and Museum. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/56/special-message-congress-greece-and-turkey-truman-doctrine> (дата обращения: 01.05.2025)

²²⁶ Rose G. The Fourth Founding // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. №1. P.15

России в нашей стране»²²⁷ появилось на страницах американской прессы уже в июле 1945 года. Это подтверждает вывод английского историка А. Дж. П. Тейлора о взаимоотношениях между СССР и США: «...От русских всегда требовали «идти на компромисс». Под этим западные страны в сущности подразумевали «безоговорочную капитуляцию» <...> Они были бы сильно озадачены, если бы русские предложили компромисс: отказались бы, например, от НКВД и однопартийности при условии, что западные державы откажутся от частной собственности на землю и средства производства»²²⁸. Само серьёзное изучение советского государства и общества – ставшего, после краха Германии и Японии не одним из многих угроз США, как это было до войны, но единственной серьёзной угрозой США – было тесно связано со сращиванием научных исследований и внешней и военной политикой американского государства. Если война против Германии и Японии воспринималась во многом как «война физиков», то закипающий конфликт с СССР многие американские учёные готовы были счесть «войной социологов», и исполнить в этой войне свой долг. В описываемый период двумя самыми мощными центрами американской советологии были Русский институт Колумбийского университета и Центр русских исследований Гарвардского университета. Между ними наблюдалось даже определённое разделение труда: Колумбийский университет предпочитал работать с программами обучения персонала армии и флота, а Гарвардский – с военно-воздушными силами и ЦРУ²²⁹. Только в 1960-е годы советология перестала быть уделом элитарных университетов Лиги Плюща.

Но рационализация и легитимизация описанного выше курса должна была доноситься до электората через СМИ. Крайне важным элементом было создание консенсуса среди элит и интеллектуалов; создание рамок дискурса, выход за которые означал маргинальность. Именно такие престижные журналы, как *Foreign Affairs*, служили одним из инструментов создания этого консенсуса. Они выбирали темы, о которых нужно писать и показывали, как нужно это делать. Они добились больших успехов. Как отмечали в 1961 году: «...До 1914 года не было современных государств <...> которое бы даже в военное время посвящало бы свои профессиональные, интеллектуальные и технологические ресурсы конфликту в той степени, в какой это делают современные США. <...> Оно касается великих американских университетов и фондов, крупных газет, писателей и учёных, всех, кто без ограничения или сдерживания, работает на американский конфликт с СССР»²³⁰. Как отмечает Амос Тевелов из университета Питтсбурга в своей диссертации об американских аналитических центрах: «... Верно, что за 75 лет журнал печатал авторов раз-

²²⁷ Gaddis John Lewis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*. P.223

²²⁸ Тейлор А. *Вторая мировая война: Два взгляда*. М.: Мысль, 1995. С.554

²²⁹ Engerman D. C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. P. 7

²³⁰ Pfaff W., Stillman E. *The Politics of Hysteria*. P.223

ных взглядов, но он задавал границы, определявшие «беспристрастные», «рациональные», «лишённые предрассудков» мысли, ограничивая разнообразие идей до приемлемого набора фундаментальных оснований <...> Поскольку эти фундаментальные предпосылки не оспаривались, они являлись идеологией»²³¹.

Первая послевоенная статья о России была опубликованная в октябрьском выпуске 1945 года статья Фёдора Мансветова «Россия и Китай во внешней Монголии», вышедшая после заключения договора о дружбе и союзе между Советским Союзом и гоминьдановской Республикой Китай, согласно которому Китай признавал независимость Монгольской Народной Республики. Согласно Ялтинскому соглашению, Советский Союз возвращал то, что было отнято японцами у Российской Империи в войне 1904-1905 годов, добиваясь признания Монгольской Народной Республики независимым государством (в том числе и Республикой Китай), но обязывался воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Китая. Эти пункты и были зафиксированы в советско-китайском договоре 1945 года – и потому договор был воспринят американцами благосклонно; а вот китайские коммунисты и их руководитель Мао Цзе-дун, боровшиеся против правительства Республики Китай, назвали этот договор «ножом в спину Китайской революции».

В статье Мансветова утверждается, что договор ликвидирует один из источников напряжения между СССР и Китаем и удовлетворяет главное желание монгольского населения – избежать заселения Монголии представителями иной национальности. В статье указывается, что по завершении Гражданской войны советское правительство продолжило политику царского правительства в Монголии. Этот мотив далее повторяется в статье²³² - тем самым указывается на преемственность внешней политики СССР и царской Россией, что сглаживает идеологический контраст между СССР и «капиталистическими странами», но в то же время и подчёркивая постоянные практические разногласия между Россией, в любой её политической форме, и иными державами, через использование негативно окрашенного слова «экспансионизм». Автор статьи, однако, приходит к выводу, что в Монголии Советский Союз проводит умеренную политику, воздерживаясь от открытой экспансии, и даже заявляет, что помощь китайским коммунистам осуществляется не через Монгольскую Народную Республику. Ф. Мансветовым также подчёркивается, что хотя у

²³¹ Tevelow Amos A. From Corporate Liberalism to Neoliberalism: A History of American Think Tanks. (thesis). P.121. К числу таковых предпосылок Тевелов относит идеи, что США, как самая сильная страна, должны быть более активны в своей внешней политике; что США следует увеличивать объёмы своей торговли со всеми странами мира; и что США должны гарантировать себе доступ к сырью и рынкам в мировом масштабе.

²³² Mansvetov F. Russia and China in Outer Mongolia// Foreign Affairs. 1945. Vol.24. № 1. P.149,151.

советского правительства есть свобода рук в отношении Монголии, но оно сознательно предпочитает сдержанность в этом регионе, чтобы не провоцировать Китай²³³.

В этой статье выдерживается нейтральный тон, фактически, за вычетом нескольких слабых выпадов о том, что СССР продолжает внешнюю политику русских царей, в ней не выстраивается образ Советского Союза как державы, которая по идеологическим и/или практическим причинам проводит враждебную относительно США или Китая (союзного тогда США) политику на Дальнем Востоке. Особенно важно в контексте восприятия как советско-китайских отношений утверждение о том, что китайским коммунистам помощь оказывается не через Монголию, что должно было указать на то, что Советский Союз не намерен ни нарушать договор, ни распространять свою идеологию на Китай.

В декабре 1945 года было проведено промежуточное совещание министров иностранных дел США, СССР и Британской империи, в рамках которой сторонам удалось достичь определённого компромисса по вопросам мирных договоров с союзниками Германии в Европе, о выводе советских и американских войск из Китая. Но всё же зима 1945-1946 года прошла под знаком дипломатического кризиса: в декабре 1945 года была создана под советской эгидой Демократическая Республика Азербайджан, в январе 1946 при поддержке Советского Союза была создана Республика Махабад. Только жалобы Ирана в ООН и давление со стороны англичан и американцев вынудило Советский Союз прекратить поддержку сепаратистов и смириться с тем, что иранцы отказались ратифицировать соглашение о советско-иранской совместной нефтяной кампании.

Тем не менее, уже в январском выпуске 1946 года, в статье «Русские военноморские цели» принят более скептический тон к Советскому Союзу. Во многом это связано с тем, что пропагандистские заявления советской стороны беспокоили американцев. Скажем, речь Сталина перед выборами в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 года не на шутку встревожила американцев; например, член Верховного Суда Уильям Дугласа заявил, что эта речь означает «*объявление Третьей мировой войны*»²³⁴. Другим фактором, способствовавшим росту американской враждебности, было стремление СССР занимать как можно более самостоятельную позицию в послевоенной экономике, в частности, отказ поддержать Всемирный банк и Международный валютный фонд. После событий зимы 1945-1946 года Дж. Кеннан отправит (спустя всего тринадцать дней после взбудоражившей американцев февральской речи Сталина) свою «длинную телеграмму», в которой будет предлагать «сдерживать» Советский Союз и не давать ему выйти за пределы существующей советской сферы влияния.

²³³ Mansvetov F. Russia and China in Outer Mongolia// Foreign Affairs. 1945. Vol.24. № 1. P.151-152.

²³⁴ Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. P.300

В этой статье Роберта Кёрнера «Русские военно-морские цели» тезис немецкой геополитической школы о «Хартленде», о евразийской державе, готовой и способной подчинить себе весь мир был встречён с определённым скепсисом. Но, тем не менее, анализируя эволюцию русского и советского флота и советскую военно-морскую доктрины и, в особенности, приказ генералиссимуса И.В. Сталина от 24 июля 1945 года, он пришёл к выводу, что политика СССР порывает с традицией союзничества военных лет и переходит к конфронтации с США²³⁵. Показательно, что триггером такой реакции стала именно перспектива усиления советского флота, а не то, что русская армия встала в центре Европы. И всё же, несмотря на подобный вывод, несомненно, возлагающий на СССР ответственность за возможное ухудшение советско-американских отношений в будущем, нельзя сказать, что в статье выстраивается образ Советского Союза как враждебной страны – утверждается, что СССР, даже несмотря на пакт Молотова-Риббентропа, не стал немецким союзником, признаётся, что как в прошлом, так и в настоящем доступ к морю исключительно важен для национальной безопасности и экономического процветания России, ибо без такового доступа Россия в конечном счёте перестала бы быть независимой страной²³⁶. Пока что американское государство и его аппарат пропаганды не был готов к резкому разрыву с Советским Союзом, и поэтому за ним пока ещё признаются определённые легитимные национальные интересы.

В опубликованной в следующем номере журнала (апрель 1946 года) статье «Транспорт в развитии советской политики» авторства Пауля Воля Советский Союз и его транспортная политика изображены в целом благожелательно, подчёркивается колоссальное значение советского транспорта во время Второй Мировой войны. Исходя из доступной ему информации, Пауль Воль пришёл к выводу, что выполнение первого послевоенного советского пятилетнего плана будет требовать от Советского Союза миролюбивой политики. Неудивительно, что этот тезис дополняется положительной характеристикой особенностей советской экономической системы, поскольку в ней гораздо сложнее изменить пятилетние планы²³⁷.

В том же номере обе статьи, посвящённые восточноевропейским странам (одна Венгрии, другая Чехословакии), тоже далеки от однозначных оценок расширения советского политического присутствия в Европе в частности и советской политики вообще. Хотя именно в первые послевоенные годы коммунисты используют «тактику салями», постепенного вытеснения некоммунистических элементов из правительств восточно-

²³⁵ Kerner R. Russian Naval Aims// Foreign Affairs. 1946. Vol.24. № 2. P.299.

²³⁶ Ibid. P.290.

²³⁷ Wohl P. Transport in the Development of Soviet Policy// Foreign Affairs. 1946. Vol.24. № 3. P.483.

европейских стран и превращения этих стран в советские сателлиты, но это не вызывает резкого осуждения советской политики.

Так, Оскар Яси, известный венгерский историк-эмигрант, в статье «Выборы в Венгрии» уверенно говорит о том, что империализм немецких императорских и королевских династий заменён «...советским империализмом»²³⁸. Но всё же Яси, определяя советское господство в регионе как «империализм», термин с чёткой негативной коннотацией, не осуждает советский империализм сразу и тотально. Он даже утверждает, что лишь от советских методов зависит то, будет ли его воздействие положительным или отрицательным. Более того, Оскар Яси выдвигает даже более смелое предположение, что если просоветская политика будет осуществляться недогматично, то она – «...может привести к реальному экономическому и моральному преобразованию Венгрии»²³⁹. Для Яси весной 1946 года большую угрозу представляет коммунистический радикализм сам по себе, а не усиление советского государства, поэтому он пишет, с одобрением, об утрате коммунизмом своего идеологического пыла – и как идеологии и как столпа советской внешней и внутренней политике²⁴⁰. И им возлагается надежда на то, что сам сталинский режим будет постепенно смягчаться, под воздействием последствий Второй Мировой войны, и, тем самым, каждое проявление либерализации и нормализации внутри СССР будет усиливать дух демократии и либерализма в странах Восточной Европы. В этом отношении Яси, как и многие другие в то время, как в пределах Советского Союза, так и за его границами, надеялись на серьёзные изменения советского внутреннего строя под воздействием Великой Отечественной войны.

Хотя советское государство изображается Яси без приязни, тем не менее, за ним признаётся надежда на своего рода быструю эволюцию в более желательном для западных держав направлении, и даже установленный про-советский режим в Венгрии опасен не так сам по себе, как тем, что сталинский режим всё же может настоять на проведении жёсткого курса в самой Венгрии.

Эдвард Бенеш тогда, в опубликованной им статье «Послевоенная Чехословакия» в апрельском номере журнала *Foreign Affairs* за 1946 года, был гораздо более оптимистичен. Большая часть его статьи была посвящена обоснованию выселения немцев и венгров с территории Чехословакии и сваливанию экономических проблем Чехословакии на смуту в соседних с ней Германии, Австрии и Венгрии. Относительно же Советского Союза говорится, что по итогам Второй Мировой войны он стал неоспоримой реальной силой в Цен-

²³⁸ Jaszi O. The Choices in Hungary// *Foreign Affairs*. 1946. Vol.24. № 3. P.454.

²³⁹ Ibid. P.460.

²⁴⁰ Ibid. P.456.

тральной Европе, влияющей на политические процессы там. Но Бенеш в своей статье твёрдо утверждает, что Чехословакия является в настоящем и будет впредь независимой демократической страной, в чьи дела Советский Союз никак не вмешивается²⁴¹. Хотя статья Бенеша гораздо более оптимистична, чем статья Яси, но ни одна из них не считает усиление советского влияния в Восточной Европе чем-то плохим самим по себе. Это разительный контраст с речью Черчилля в Фултоне всего за месяц до публикации этих статей, в которой говорилось о «железном занавесе» от Штеттина до Триеста. Американцы, хотя им не нравились советские действия в Восточной Европе, причём не нравились ещё при живом Франклине Делано Рузвельте, не ставили их в центр своего внимания.

В июльском номере журнала за 1946 год Советскому Союзу уделено уже значительно больше внимания. В этом выпуске опубликовано более пяти статей, в той или иной степени касающегося Советского Союза. Столь значительное внимание, уделённое Советскому Союзу, неудивительно – именно к лету 1946 года стало ясно, что Советский Союз пошёл на уступки в иранском вопросе, выведя свои войска из северного Ирана и прекратив поддержку сепаратистских движений там и, воздержался от агрессивных действий после того, как иранский парламент в мае 1946 года отказался ратифицировать соглашение о совместном советско-иранском нефтяной компании. Однако почти сразу же за этим, в августе 1946 года Советский Союз выступил с официальными претензиями к Турции по вопросу о проливах Босфор и Дарданеллы; требования, которые были отвергнуты турками при полной поддержке США и Британской империи. Другим признаком нарастающих разногласий была невозможность бывших союзников решить «немецкую проблему». Всё это в совокупности означало, что американская политика и её информационное сопровождение уже постепенно приспосабливаются к новой картине мира, где Советский Союз уже не является дружественным государством, но чья враждебность пока ещё объясняется практическими соображениями, а не идеологическими. Июльский номер в этом отношении был переломным.

Так, в статье «Провалилась ли наша политика в Германии?» американский экономист Эдвард Мэйсон возлагал вину за невозможность быстрого решения «немецкого вопроса» в соответствии с решениями Потсдамской конференции на Советский Союз. С точки зрения Мэйсона советское государство не желает восстановления Германии, зато всеми силами стремится к её полной деиндустриализации. Подобная жёсткая политика сперва осуждается, как мешающая послевоенному восстановлению Европы²⁴². Более того, за ней видится прямая злонамеренность и стремление к экспансии, в виде превращения

²⁴¹ Benes E. Postwar Czechoslovakia// Foreign Affairs.1946. Vol. 24. № 3. P.409.

²⁴² Mason E.S. Has Our Policy in Germany Failed? // Foreign Affairs. 1946. Vol.24. № 4. P.580, 583.

Германии в свой сателлит, способный вести войну против западных держав: «...С их точки зрения проблема заключается в том, как использовать Германию и её бывших сателлитов <...>. Вероятно, что Германия будет вести войну на западе только с одобрения и поддержки России»²⁴³.

Конечно, эти обвинения до определённой степени противоречат друг другу, ибо, согласно Мэйсону русские одновременно хотят и срыва восстановления немецкого хозяйства, и использования Германии как союзника, вплоть до военного тарана (но как деиндустриализованная Германия может быть полезным военным союзником – что для русских, что для американцев?) Но тем самым создаётся и закрепляется образ эгоистической державы, которая одновременно желает и максимально ослабить Германию в экономическом отношении, так и использовать её как возможное орудие для разжигания войны в Западной Европе. Хотя эти обвинения взаимоисключающи, но они представляют собой важный шаг вперёд в смысле конструирования нового образа врага. Пока что, однако, внешнеидеологического, поскольку предполагаемые мотивы советской жёсткой политики выводятся из «простого» экспансионизма и алчности, но не из желания распространять свою идеологию и уничтожать отличающиеся от советского строя политии.

Но это постепенно менялось. Так, в статье Марка Вишняка «Ленинская демократия и сталинская» описывается специфика советского отношения к демократии и политического устройства Советского Союза. Вишняк прямо характеризует устройство советского государства как прямую противоположность демократии и парламентаризму²⁴⁴. Однако и далее, после сталинской конституции 1936 года положение несколько не улучшается и, более того, описывается как тождественное положению существовавшему в фашистских государствах: «...опорой каждого недемократического режима является вера в большие способности и мудрость руководителей – фюреров, дуче, «профессиональных революционеров»...»²⁴⁵. Конечно, выбор сравнений характерен – с одной стороны автократические режимы русских царей и турецких султанов, с другой – «фюреры и дуче»; первые были излюбленными мишенями американской пропаганды в конце XIX - начале XX века, вторые были и оставались в американской пропаганде (и не только в ней) чистым и беспримесным образом зла. Ещё в 1903-1905 годах американские СМИ способствовали созданию образа русского царя (тогда – Николая II) как «...отрицания всего того, что было дорого американцам»²⁴⁶. Это первая статья в послевоенный период, в

²⁴³ Mason E.S. Has Our Policy in Germany Failed? // Foreign Affairs. 1946. Vol.24. № 4. P.588.

²⁴⁴ Vishniak M. Lenin's Democracy, and Stalin's // Foreign Affairs. 1946. Vol.24. № 4. P.616.

²⁴⁵ Ibid. P.621.

²⁴⁶ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881-1914. С. 785

которой уделено внимание советскому внутреннему устройству, и в ней оно названо противоположностью демократии.

В статье Уильяма Вестерманна «Независимость курдов и русская экспансия» основное внимание уделено тому, как Советский Союз поддерживает курдское национальное движение в Иране, Ираке и Турции. Ключевым фактором, от которого будет зависеть успех или неудача этого движения, автор считает продолжающуюся советскую помощь. И эта советская политика, с точки зрения автора, является неприкрытым экспансионизмом в духе царской России: «...фактом является русская политика экспансионизма. <...> Методы, используемые русскими для достижения этих целей, вызывают их осуждение миром, уже уставшим от интриг и принуждения беззащитных»²⁴⁷. Помимо использования эмоционально заряженного языка (вышецитированный пассаж о принуждении именно беззащитных и ссылка на усталость мира от таких действий) друг с другом связываются региональные проблемы и советская политика, причём второе колоссально усугубляет первое: «...Обиды, боеприпасы и бойцовский народ – вот взрывоопасная комбинация, с помощью которой Советский Союз ведёт старую царскую игру экспансии»²⁴⁸.

Соломон Шварц в статье «Сколько нефти есть у России?» рассуждал о русском энергетическом потенциале²⁴⁹. Однако его статья носит сугубо технический характер и указывает как на то, что хотя текущий уровень нефтедобычи в Советском Союзе низок и наличие проблем с промышленным использованием своих резервов, тем не менее, значительные, во многом не исследованные пространства СССР, в которых могут быть значительные запасы нефти, могут превратить его в одну из богатейших (с точки зрения наличия нефти) стран мира.

Тем не менее, наряду с вышецитированными статьями, в этом выпуске журнала были размещены переводы пропагандистской статьи известного советского историка Е.В. Тарле «Два нашествия» (сравнивающая французское нашествие на Россию в 1812 году и Великую Отечественную войну) и статья советского географа и исследователя Николая Михайлова «Советская экономика мирного времени», в которой в самом розовом свете освещались перспективы послевоенного восстановления СССР.

Кроме того, почти все упреки в адрес Советского Союза носят практический характер: жёсткая политика в Германии, стремление к расширению своего влияния на южных границах – но это никак не связывается ни с его идеологией, ни с его внутренней политикой.

²⁴⁷ Westermann W.L. Kurdish Independence and Russian Expansion// Foreign Affairs. 1946. Vol.24. № 4. P.685.

²⁴⁸ Ibid. P.686.

²⁴⁹ Schwarz S. How Much Oil Has Russia? // Foreign Affairs. 1946. Vol. 24. № 4. P.736-741

В следующем, октябрьском выпуске 1946 года, уже после того как иранский и турецкий дипломатические кризисы были завершены, а закрытие Парижской мирной конференции, рассмотревшей мирные договора с европейскими союзниками Германии, и повешение немецких военных преступников в Нюрнберге стали демонстрациями того, что бывшие союзники ещё способны на определённые совместные действия и компромиссы, интерес к советской теме несколько падает. Только одна большая статья британского историка Дж. Уиллера-Беннета, посвящённая истории советско-немецких взаимоотношений, подробно говорит о Советском Союзе. В ней советская внешняя политика тех лет освещается нейтрально, можно даже сказать, благожелательно. Резко критикуется довоенная политика умиротворения Германии, проводимая Британией и Францией, увенчавшаяся Мюнхенским сговором; политика, которая делала невозможным создание единого антигерманского фронта: *«Западные державы резко отменили возвращение России в Европу, захлопнув дверь перед ней»*²⁵⁰. Решение Советского Союза пойти на пакт с гитлеровской Германией описывается как решение И.В. Сталина купить время на подготовку к неизбежной войне с Германией, нарастить производство вооружений и, самое главное, обеспечить свою оборону в глубину благодаря новым западным территориям. Это описывается как проверенная временем русская тактика, к которой прибегал и Александр I в Тильзите в 1807 году²⁵¹. И эта политика описывается Уиллером-Беннетом как в целом успешная, которая действительно позволила получить передышку и устоять после немецкого нашествия 22 июня. Статья не трактует пакт Молотова-Риббентропа как советско-германский союз, наоборот, подчёркивается взаимное недоверие, которое участники питали друг к другу и намерение Гитлера сокрушить Россию при первой же возможности. Статья завершается перечислением резких колебаний советско-немецких взаимоотношений, как до того русско-немецких. Что через месяц после пакта Молотова-Риббентропа СССР и Германия осуществили очередной раздел Польши, а ещё через два года Германия начала войну на уничтожение России. Но и разгром Германии не станет последней главой в русско-немецких взаимоотношениях²⁵².

В двух других статьях в том же выпуске, в которых мельком затрагивается Советский Союз, а именно «Европа обсуждает национализацию» (автор – британская экономистка Барбара Вард) и «Два течения в мировом профсоюзном движении» (автор – британский историк Эдуард Карр), он не упоминается во враждебном контексте, ни идеологически, ни практически.

²⁵⁰ Wheeler-Bennet J. Twenty Years of Russo-German Relations// Foreign Affairs. 1946. Vol.25. № 1. P.38.

²⁵¹ Ibid. P.41.

²⁵² Ibid. P.43.

Однако анонимная статья, открывавшая октябрьский выпуск, (автор скрылся за лаконичным псевдонимом R) «Бревно и соринка», была посвящённая описанию фундаментальных причин советско-американских дипломатических затруднений. Несмотря на (пока ещё) полагающиеся реверансы (например, утверждение, что как страна, часто подвергавшаяся внешней агрессии, Советская Россия имеет право не желать новых западных нашествий) автор твёрдо противопоставляет западную, либеральную и демократическую традицию, идущую от Декларации независимости США, билля о правах и философии Томаса Джефферсона, советскому марксизму. При этом допускается, что русские могут быть довольны советской системой, поскольку *«...они были крепостными до 1861 года и ушли от феодализма только в 1917 году»*²⁵³. Однако указывается, что в СССР невозможно свободное обсуждение как внешней, так и внутренней политики (в отличие от США), и что его внутреннее устройство будет неизбежно делать его правителей менее понимающими западные страны. В частности, диктаторское строение советского государства, пресекающее оппозицию не то что внутри страны, но и внутри единственной правящей партии позволяет ему идти на некоторые выгодные ему как государству, но противоречащие его же идеологии, компромиссы во внешней политике: *«...Кто сомневается в том, что русских перестанет тревожить режим Франко, если они добьются своего на Дунае и Адриатике?»*²⁵⁴.

Тем самым, несмотря на сохранение определённой осторожности и благожелательности в оценках чётко выстраивался образ Советского Союза как «Другого» - государства с принципиальной иной политической философией, непредсказуемой и опасной – не только своей негибкостью, и но и, парадоксально, своей способностью к компромиссу за счёт собственной идеологии. (В скобках стоит заметить об определённой примеси ориентализма в рассуждении о том, что русские могут быть довольны диктатурой, потому что крепостное право было отменено в 1861 году).

Тем не менее, за этим затишьем крылась буря. В сентябре 1946 года был написан отчёт Клиффорда-Элси, в котором были обобщены послевоенные советско-американские взаимоотношения и сделан вывод об идеологической и стратегической враждебности Советского Союза американским интересам. По итогам промежуточных выборов в американский Конгресс, администрацией президента Трумэна было принято решение перевести обсуждение расхождений американских и советских интересов в политико-идеологическое русло.

²⁵³ R. The Beam and the Mote// Foreign Affairs. 1946. Vol. 25. № 1. P 4

²⁵⁴ Ibid. P.9-10

Постепенно начинали вращаться шестерёнки в машине идеологического противостояния. Одним из первых, кто постулировал догматический характер советского государства и его внешней политики был влиятельный британский интеллектуал, политик и дипломат - Гарольд Никольсон. Анализируя итоги Парижской мирной конференции, политик сформулировал тезис о том, что догматизм советской стороны, выразившийся, по его мнению, в неспособности советской дипломатии принять иные формы социально-политического устройства, сильно затянул переговоры и не позволил сторонам прийти к соглашению о судьбе послевоенной Германии. В своём тексте Никольсон транслировал убеждение что, советские дипломаты неспособны представить себе, что у капиталистического мира могут быть какие бы то ни было этические цели из-за верности «тоталитарной догме».²⁵⁵ Вообще, в этой статье, повлиявшей на формирование конфронтационного вектора внешней политики США, эпитет «догматичный» в отношении позиции советской стороны используется очень часто. Пытаясь объяснить другой тип мышления и политической рациональности, Николсон объясняет различия через приверженность русских иррациональной «доктринальная ортодоксия». Он обращается к образу разных миров, чьи ценности кардинально противоположны и выражают «конфликт принципов».

Из этого дуалистического взгляда закономерно вытекало мнение о том, что никакие рациональные аргументы не смогут изменить воззрений советских деятелей и их веру в марксизм-ленинизм. Это была первая статья, в которой столь прямо и жёстко увязывалась советская неуступчивость и советская идеология; и первая, которая, по сути, утверждала о том, что дипломатические переговоры с Советским Союзом ограничено полезны. И, кроме того, это была первая статья после завершения Второй Мировой войны, в которой идеология Советского Союза относилась к «тоталитарной».

За всю статью только один раз говорится о практических противоречиях между Советским Союзом и его западных союзников. Что интересно, британский писатель и дипломат выводит их из преемственности стратегических интересов русского и советского государства. Русские смеют предъявлять те же претензии, что и в годы Первой Мировой войны: «...Русские склонны считать две мировые войны одной и полагают, что их победа в 1945 году даёт им право <...> потребовать такого же расширения своей территории или зоны влияния, какие Россия потребовала бы у своих союзников, если бы в 1918 году разделила с ними победу»²⁵⁶

Кроме того, все соглашения военных лет с СССР Никольсоном трактовались как искажаемые русскими. Этот тезис развивался – что русские считают «вежливые завере-

²⁵⁵ Nicolson H. Peacemaking at Paris: Success, Failure or Farce? // Foreign Affairs. 1947. Vol.25. № 2. P.192.

²⁵⁶ Ibid. P.198

ния» военных лет дипломатическими обязывающими соглашениями и разделе Европейского континента и невмешательстве в эти зоны влияния: *«Согласно этому воображаемому разделу, у каждой из сторон есть полная свобода рук в «своей» зоне и они не задают друг другу вопросов о них»*²⁵⁷. Здесь видно сплетение двух претензий: с одной стороны, обвинение в том, что Советский Союз продолжает политику царской России; с другой – обвинение в «неправильном» толковании советской стороной соглашений, заключённых с западными союзниками в годы Второй Мировой войны.

По букве и духу статья Никольсона была уже вполне текстом Холодной войны, текстом, в котором основное внимание уделялось идеологическим различиям между западными державами и Советским Союзом, но не их практическим разногласиям. Между прочим, Кристина ла Кур из Института Европейского Университета ставит Гарольда Никольсона и как историка дипломатии и как практика «публичной дипломатии» в один ряд с президентом США Вудро Вильсоном, государственным секретарём США Генри Киссинджером и американским политологом, авторов терминов «мягкая сила» и «умная сила» Джозефом Наем²⁵⁸.

Не менее важно то, какой выход из положения видел Никольсон. С одной стороны, сохранение бдительности и единства среди западных держав. С другой – постепенное перекладывание ответственности за поддержание порядка в мире и противостояние Советскому Союзу на Соединённые Штаты Америки: *«Но мы должны идти вместе. <...> Там, на востоке, стоит гигант, одержимый одной идеей. Было бы весьма неудачным, если бы наши собственные идеи разошлись слишком далеко»*²⁵⁹. Основные черты американской и английской стратегии Холодной войны – сотрудничество ранее соперничавших Британии и США против Советского Союза, политическое и идеологическое противоборство с Советским Союзом, которое, однако, не намерены превращать в прямое столкновение вооружённых сил, ставка на демонстрацию превосходства западного образа жизни в долгосрочной перспективе – изложены в этом тексте. Так же, как и сведение всех советских политических мотивов к простому «догматизму» и непониманию смысла английских и американских предложений времён общего союза против Германии.

В другой статье январского выпуска журнала за 1947 года, в которой активно конструировался образ врага относительно Советского Союза, «Проливы: ключ к мировой политике», турецкого автора Ахмеда Эсмера – в ней сперва Россия, а потом Советский Союз изображены державами, стремящимися захватить проливы Босфор и Дарданеллы.

²⁵⁷ Nicolson H. Peacemaking at Paris: Success, Failure or Farce? // Foreign Affairs. 1947. Vol.25. № 2. P.198-199.

²⁵⁸ la Cour C. The evolution of the 'public' in diplomacy// Place Branding and Public Diplomacy. 2018. Vol.14. №1. P. 23.

²⁵⁹ Nicolson H. Peacemaking at Paris: Success, Failure or Farce? // Foreign Affairs. 1947. Vol.25. № 2. P.202.

И, более того, успех советского плана ревизовать конвенцию Монтрё в более благоприятном для Советского Союза духе (вплоть до советских военно-морских баз в Дарданеллах) будет означать фактическое господство Советского Союза в восточной части Средиземного моря и расположенным там странам²⁶⁰. Эти две статьи январского номера журнала за 1947 года завершали период двойственности в отношении Советского Союза и, можно сказать, дополняли друг друга: Никольсон подводил своего рода «идеологическую базу» под враждебное поведение Советского Союза, а Эсмер страдал практическими последствиями проникновения Советского Союза в Средиземноморье.

В феврале 1947 года Британия сложила с себя обязательства поддерживать греческий и турецкий режимы. США приняли роль Британии. Чтобы обосновать финансовую поддержку Греции и Турции в марте 1947 года президент Трумэн выступил в Конгрессе с речью, в которой заявил, что в мире происходит борьба между свободным образом жизни и тоталитарными режимами. Впервые после 1945 года такая декларация была произнесена на столь высоком уровне. Она означала начало новой американской политики, политики идеологической конфронтации с Советским Союзом и постоянного американского присутствия в Западной Европе для её защиты от «тоталитаризма». С учётом описанной в первой главе внутривнутриполитических факторов, обусловивших такую политику администрации Трумэна, можно лишь согласиться с мнением Андерса Стефансона, изложенным в сборнике *Uncertain Empire*: что Холодная война была способом, с помощью которого США в мирное время могли участвовать в международной политике в мировом масштабе. То есть, вести глобальную политику во имя обороны от «международного коммунизма» – за вычетом непосредственно боевых действий²⁶¹.

В июле 1947 года в журнале *Foreign Affairs* под псевдонимом «X» была опубликована статья Джорджа Фроста Кеннана «Источники советского поведения»²⁶², надолго задавшая общий тон в изображении Советского Союза. Тон, сводившийся к тому, что с Советским Союзом невозможно вести дипломатические сношения как с любой другой страной, что он является государством, твёрдо нацеленным на долгосрочную конфронтацию с США и их союзниками, и восприимчивым лишь к языку силы. Стоит обратить внимание на то, что её реальное значение, как и всей деятельности журнала заключалось, в первую очередь, в легитимизации уже взятого государственного курса для широкой публики²⁶³. Лето 1947 года было переломным и в другом отношении. После него в журнале надолго

²⁶⁰ Esmer A. The Straits: The Crux of World Politics// *Foreign Affairs*. 1947. Vol.25. № 2. P.302.

²⁶¹ Stephanson A. Cold War Degree Zero// *Uncertain Empire: American History and the Idea of the Cold War*. (edited by J. Isaac and D. Bell) New York and Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 34

²⁶² X. The Sources of Soviet Conduct// *Foreign Affairs*. 1947. Vol. 25. № 4. P.566-582

²⁶³ Tevelow Amos A. From Corporate Liberalism to Neoliberalism: A history of Think Tanks in America (thesis). P.135

перестали печатать статьи советских авторов. На этом фоне последняя за описываемый период статья в журнале на русскую тему – статья польского эмигранта-дипломата и политолога В. Кульского «Упущенная возможность для русско-польской дружбы»²⁶⁴, в которой вина за невозможность создать прочные и реальные дружественные связи между Польшей и Советским Союзом возлагалась не только на *«доктринёрский менталитет и привычку <...> полагаться больше на силу, чем на политические способности»* советского правительства, но и на отсутствие *«чувства компромисса»*²⁶⁵ у польской стороны, выглядела анахронизмом.

В сентябре 1947 года Советский Союз дал ответ на мартовскую речь Трумэна речью Жданова и созданием Комиинформа. Раскол Европы на западную и восточную часть был завершён.

Можно отметить некоторые общие черты в негативном изображении СССР в данный промежуточный период, между завершением Второй Мировой войны и оформлением блокового противостояния. Прежде всего, указание на преемственность между внешней политикой Советского Союза и внешней политикой Российской Империи; угроза американским практическим интересам (будь то обширное военно-морское строительство, экспансия в южном направлении, споры о немецких репарациях или гипотетическая попытка разыграть карту немецкого национализма) и относительно незначительное влияние идеологических вопросов; взваливание ответственности на недопонимание в настоящем и возможное ухудшение в будущем советско-американских взаимоотношений на СССР. Советский Союз изображается в этот период в основном как державу, руководствующую не идеологическими, но реально-политическими соображениями. Тем не менее, в описываемый период были возможны и публикации переводов статей советских авторов, и высказывание мнения, что советское господство в Восточной Европе не обязательно будет означать опасность для американских интересов и ухудшение положения самих восточноевропейцев. Не используются и такие приёмы, как упрёк в «союзе с Гитлером» или о «порабощении наций» (позже ставшие ходкими в пропаганде США и их союзников). Лишь в конце описываемого периода объяснять неуступчивость и враждебность советской стороны стали описывать через «марксистский догматизм».

По мере нарастания противоречий практического характера статьи в журнале *Foreign Affairs* не только рефлексировали наличие таковых противоречий, но и постепенно смещали акцент в толковании сути этих противоречий, переходя к идеологическому восприятию советско-американского конфликта. Это влияло также и на выбор используемых

²⁶⁴ Kulski W. The Lost Opportunity for Russian-Polish Friendship// *Foreign Affairs*. 1947. Vol. 25. № 4. P. 667-684

²⁶⁵ *Ibid.* P. 684

образов в описании советской политики – как внешней, так и внутренней – и рекомендованного американского ответа на неё. Важными этапами в создании образа врага в случае изображения СССР была критика его внутреннего устройства и объяснение его внешней политики через «догматизм» - тем самым, обесценивались возможные рациональные доводы в пользу компромисса с Советским Союзом, последний изображался как государство, действующее не из своих прагматических интересов, но мотивируемый жёсткой, негибкой идеологией и, следовательно, мало заинтересованный в нормальном взаимодействии с США.

Идеологическое противостояние между СССР и США только начиналось. Впереди была сентябрьская речь Жданова и создание Комиинформа, маккартизм в США и кампания против «космополитов» в СССР. Тем не менее, фундамент в виде разногласий по Германии, Балканам и Ирану, которые были озвучены в этот промежуточный период, делал неизбежным ухудшение отношений и сведение их к блоковому политическому и идеологическому противостоянию.

Глава 2. Новый этап в развитии советской пропаганды, 1945-1953

Какой образ США, как главного соперника в Холодной войне, создавала советская пропаганда в годы ранней Холодной войны внутри страны и в пределах своего блока? Каковы были основные приёмы, используемые ей для этого? И насколько на неё повлияла трансформация советской идеологии и политики в ходе Второй Мировой войны? Ответы на эти вопросы позволяют понять, как советское государство, чьим рупором выступал пропагандистский аппарат, приспособилось к новой, принципиально отличной от довоенной, внешнеполитической обстановке и как через это же орудие государственной политики отражались изменения в советской идеологии.

Эти вопросы связаны с предыдущей главой тем, как в условиях ранней Холодной войны, советская пропаганда отвечала на вопрос мобилизации общества, стоявший перед ней, и какими средствами она убеждала население Советского Союза в правильности внешнеполитического курса государства. Это особенно важно с учётом того, что тогда Советский Союз был слабейшей (сравнительно с США) стороной, которая вынуждена была одновременно объяснять необходимость скорейшего перевооружения внутри страны и избежать новой большой войны вовне.

Касаясь сравнений сторон Холодной войны, далеко не всегда можно найти случаи тождества – внутреннее устройство сверхдержав было слишком разным. И это касалось и специфики пропагандистских машин (т.е. организаций и учреждений, занимающихся «...намеренными попытками убедить людей думать и действовать *желательным образом*»²⁶⁶)

К числу сильных сторон советской пропагандистской машины следует отнести то, каким приоритетом она обладала для своего руководства. Лично глава государства уделял ей солидную долю своего внимания, вплоть до правки ключевых статей и заявлений, и одёргивания неумелых журналистов²⁶⁷. Именно поэтому в данной главе будет в основном рассматриваться усилия наиболее крупных и авторитетных фигур советской пропаганды, включая в них не только высших руководителей, дирижировавших пропагандистскими кампаниями Советского Союза, но и наиболее крупными писателями, выступавшими в роли важнейших исполнителей этих кампаний, придававших им свой литературный талант и репутацию служителей муз.

²⁶⁶ Taylor P. *Munitions of the Mind. A History of Propaganda From the Ancient World to the Present Era.* Manchester University Press, 2003. P.6

²⁶⁷ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 500

Во-вторых, её далеко не так стесняло общественное мнение и давление «снизу», что позволяло вести более последовательную и чёткую информационную политику.

Однако в сравнении с США гораздо более простая система общественного устройства означала фактическое отсутствие вне-государственных источников, через которые можно было бы доносить государственную точку зрения, сохраняя при этом определённое правдоподобное алиби. Ярким примером является судьба неслучившегося «ответа Кеннану» («телеграммы Новикова»), которую в итоге не предали гласности из-за отсутствия подходящего псевдонезависимого СМИ. Та же самая простота политической системы исключала публичную выработку консенсуса по внешнеполитическим вопросам.

Другой слабостью советской пропагандистской машины была её склонность к самоотравлению своей же пропагандой, к слишком серьёзному восприятию пропаганды зарубежных коммунистов и других «попутчиков» за рубежом. Вот как писал посол Великобритании в Москве в марте 1946 года: «...Но у советских правителей в сношениях с внешним миром есть один большой недостаток. Они, по-видимому, действительно дез- или плохо информированы о том, что происходит в мире. Их источниками информации являются <...> пятая колонна коммунистов, попутчиков и дезориентированных идеалистов, <...> вполне вероятно, что в Москве как на источники объективной информации о британской политике опираются на таких людей, как господин Гарри Поллит, настоятель Кентерберийского собора и господин Пристли»²⁶⁸.

Это приводило подчас к опрометчивым действиям во внешней политике, например, когда, исходя из расчётов на победу прогрессиста Генри Уоллеса, И. Сталин оказал ему открытую информационную поддержку в мае 1948 года. Сами эти расчёты свидетельствовали о некорректном восприятии американской внутренней политики. Как отмечает В.О. Печатнов: «...К 1948 г. эта жесткая, черно-белая идеологизация холодной войны достигла такой степени, что донесения советских дипломатов из США в общеполитической части стали мало отличимы от передовиц «Правды». То же самое касалось закрытых тассовских материалов, служивших главным источником информации советского руководства о внутривнутриполитической жизни США»²⁶⁹.

Эта проблема вполне осознавалась самим советским руководством. «...Так, например, в одобренных Политбюро указаниях корреспондентам «Правды» в капиталистических странах (июль 1952 г.) <...> Инструкции обязывали корреспондентов «не воспроизводить механически публикуемые коммунистической и другой оппозиционной прессой

²⁶⁸ Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan, and Roberts 'Long Telegrams' of 1946/ edited by Kenneth M. Jensen. P.49

²⁶⁹ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 551

материалы, повторяя аргументы и доводы коммунистической и другой оппозиционной прессы...»²⁷⁰. Однако особенного эффекта в описываемый период это не имело. Значительная часть обзоров иностранной прессы, в первую очередь американской, состояла из переводов материалов, размещённых в газетах зарубежных коммунистических партий. Более того, бывало и так, что перевод иностранных материалов был низкого качества. Приведём один пример. В «Справке о фашизации США», подготовленной летом 1952 года Коминформом, упоминалось, что: «...Совместно с другими фашистскими организациями в мае 1951 года в штате Висконсин, члены Легиона устроили фашистский путч, в ходе которого был убит мэр города Мосини и один министр»²⁷¹. И действительно, в мае 1951 года Американский Легион организовал «коммунистическое вторжение» в указанный город в Висконсине с целью усиления антикоммунистических настроений. Вот только от нервных потрясений, связанных с этим, погиб не «министр», а священник (по-английски – minister).

В конечном счёте, несмотря на неэффективность работы советской пропаганды в период ранней Холодной войны в странах противоположного лагеря, гораздо больший эффект её действия имели внутри страны, где она обладала, с одной стороны информационной монополией, работала с хорошо знакомой ей аудиторией внутри страны, а с другой могла опираться на более прочную почву в виде апелляции к патриотизму в условиях «враждебного существования» и реально начавшегося противостояния²⁷². Таким образом, ключевое значение для её эффективности играл именно образ врага – насколько он получался убедительным в её изображении.

2.1. Образ врага в преддверии Холодной войны, 1945-1947

Поначалу, после завершения Второй Мировой войны, в связи с наметившимся в военные годы определённым сближением стран-союзников по антигитлеровской коалиции, наблюдалась своего рода «моральная демобилизация» советского общества вообще и интеллигенции в особенности. Казалось, что после победы над Германией и её союзниками, настанет долгий период не просто мира, но и дружественных международных отношений. Так, например, это чувство попытался выразить советский поэт Николай Асеев в поэме «Пламя Победы», законченной в 1944 году, а опубликованной в 1946 году:

«...У вас - Авраам,
у нас - Иосиф;

²⁷⁰ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 552

²⁷¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 29

²⁷² Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 498-499

*от сердца к сердцу
 мост перебросив
 над смертью,
 над тленом,
 над мраком,
 и гибелью,
 давайте построим
 новую библию.<...>
 Будет создан один
 производственный план
 для сотрудничества
 всех стран»²⁷³.*

Нетрудно догадаться, что советская цензура не могла такого одобрить ни в 1944 году, ни в 1946 году. Тем не менее, тогда ещё не определился курс на тотальную конфронтацию, и сам Сталин осенью 1945 года, во время встречи с американскими парламентариями, говорил о важности сохранения согласия великих держав, в частности, процитировав Библию: «*Это будет трудно, но Христос сказал: «Ищите и обряцете»*»²⁷⁴. Даже в апреле 1947 года (уже после «доктрины Трумэна») в беседе с американским политиком Гарольдом Стассеном И.В. Сталин продолжал настаивать на том, что возможно сотрудничество между СССР и США, несмотря на различие их экономических систем.

Но это касалось внешней политике. В политике же внутренней требовалось объяснение того, зачем и почему нужно в первую и главную очередь сосредоточить усилия страны на восстановлении тяжёлой и военной промышленности. Этому и была посвящена напумевшая за рубежом речь Сталина от 9 февраля 1946. В её начале говорилось о неизбежности войн при капитализме, затем Сталин касался итогов Второй Мировой войны и, вполне в «предвыборном духе» восхвалял советский строй, как доказавший свою жизнеспособность в огне мировой войны, и индустриализацию как фундамент этой победы. После этого следовал вывод о том, что в течение трёх пятилеток следует достичь тоекратного превышения довоенного уровня – «*Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей*». Иными словами, И. Сталин прищипывал общественное мнение, объясняя ему цель своей второй «революции сверху».

²⁷³ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике// Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С.544

²⁷⁴ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 644

Именно так это и поняли некоторые наиболее проницательные западные наблюдатели. Как сообщал в марте 1946 года британский посол в Москве Робертс: «...*Вдобавок в русском народе заметна фундаментальная жилка лени, недисциплинированности и неэффективности, его должны постоянно поддерживать в хорошей форме, если он желает сохранить своё положение в мире. <...> Перед ним должны повесить иностранное пугало и страх перед внешней агрессией перед тем как простимулировать его труды для нового пятилетнего плана и убедить его, что значительная доля этих трудов должна быть посвящена <...> либо подготовке к обороне Советского Союза либо для будущей экспансии*»²⁷⁵. В этом было очень важное сходство между советской и американской политикой периода ранней Холодной войны: Соединённым Штатам решали внутривнутриполитическую проблему (скепсис значительной части населения к постоянному участию Америки в делах мира) через использование приёма внешней угрозы (коммунистической угрозы американскому образу жизни), и Советский Союз тоже решал внутривнутриполитическую проблему (легитимизация масштабной программы перевооружения) через использование приёма внешней угрозы (американского экспансионизма и «атомной дипломатии»).

Тем не менее, «закручивание гаек», несомненно, имевшее место после войны, было вызвано и само, в свою очередь, мотивировалось внутривнутриполитическими соображениями. Например, в известном постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» М. Зощенко клеймится за описание «*пустых, бессодержательных и пошлых вещей*»²⁷⁶, а А. Ахматова – за то, что она представительница «*пустой безыдейной поэзии*»²⁷⁷, основной же абстрактной мишенью была проповедь безыдейности, «искусства для искусства». Пока что давление на советскую интеллигенцию шло как на недостаточно социалистическую, недостаточно советскую, а не как на агентуру иностранной державы или её бесплатных поклонников. Иными словами, внешнеполитическая обстановка в пропаганде ещё не была ключевой. Тем не менее, 2 августа 1946 года ЦК ВКП(б) обязал газету «Правда» уделить особое внимание вопросам внешней политики СССР и международных отношений²⁷⁸; 13 августа того же года отмечалось, что: «...*Советская пропаганда на западные страны носит по преимуществу оборонительный характер. Организации, ведающие пропагандой на за-*

²⁷⁵ Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan, and Roberts 'Long Telegrams' of 1946 / edited by Kenneth M. Jensen. P.52

²⁷⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике// Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С.588

²⁷⁷ Там же. С.588

²⁷⁸ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 // Отв. ред.: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова. С.53

рубежные страны <...> слабо разоблачают империалистическую политику и антисоветские происки реакционных кругов капиталистических стран»²⁷⁹.

Но в связи с тем, что советское руководство ещё питало надежды на сохранение сотрудничества с Америкой, невозможно было начать немедленно антиамериканскую кампанию. Да и само это требовало подготовки. Поэтому в качестве основных газетных противников были выбраны британцы, охвостье европейских правых и ультраправых сил и часть американского истеблишмента. В целом, процесс пропагандистской консолидации и убеждения народа занял примерно год. В ноябре 1946 года американское посольство резюмировало: *«Усилия советских властей подстегнуть народ к увеличению производства путем запугивания его призраком капиталистического окружения и агрессивных намерений англо-американцев увенчались полным успехом»²⁸⁰.*

Стоит, однако заметить, что в тот период и далее советская пропаганда воздерживалась от тотальной демонизации США. Характерно, что пропагандистская пьеса «Русский вопрос» К.М. Симонова (1946), написанная как эрзац ожидаемого от него публицистического цикла²⁸¹, завершается следующими словами: *«...Вышеупомянутый Смит долго и наивно думал, что есть одна Америка. Сейчас он знает: Америки две. И если вышеупомянутому Смиту, к его счастью, да, да, – к счастью, нет места в Америке Херста, то он, чорт возьми, найдет себе место в другой Америке – в Америке Линкольна, Америке Рузвельта»²⁸².* Хотя показанные в пьесе образы врагов (Макферсона и Гульда) относятся уже к «империализму», а не «фашизму» (несмотря на обсуждение вопроса, пора или ещё нет вывешивать фотографии, на которых владелец газеты запечатлён с «берлинским джентльменом»²⁸³, т.е. с Адольфом Гитлером) показательно, что они владельцы газеты, а не военных заводов или банков. И волнует их не развязывание атомной или бактериологической войны против Советского Союза, а ослабление левых настроений перед выборами в конгресс²⁸⁴.

В этом отношении Фултонская речь Черчилля стала настоящим подарком для советской пропаганды, как очевидно антисоветская речь крупного государственного деятеля, призывавшая к англо-американскому единству. С другой стороны, это была речь политика, проигравшего выборы, и которого можно было изобразить отвергнутым английским народом. В качестве реакции возьмём статью академика Е.В. Тарле о фултонской речи,

²⁷⁹ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 // Отв. ред: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова. С.60

²⁸⁰ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 501

²⁸¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. С.103-104

²⁸² Симонов К.М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1950. С.406

²⁸³ Там же. С. 334

²⁸⁴ Там же. С.335

напечатанную в «Известиях» 12 марта 1946 года: «...Черчилль — слишком видная фигура современной истории, и притом вовсе он не отошел от дел: только он теперь предпочитает действовать под псевдонимом лейбористского правительства»²⁸⁵. Итак, произнесено обвинение прямо британскому государству, причём буквально несколькими абзацами позже, Британия обвиняется в колониализме - но только она. Относительно США у академика заготовлены совсем другие слова: «... Отношения между Россией и Америкой были неизменно дружественными <...> прогрессивные силы одержали верх над реакцией, и вот уже много лет русско-американские отношения стали снова приобретать свой традиционный, дружественный характер». Затем Черчилль буквально обвиняется в повторении фашистской пропаганды: «...Аргументация в речи Черчилля есть в наличии, и представлена она с тем жаром, который после кончины доктора Геббельса уже никем доселе не был достигнут» и в том, что ему более симпатичны недемократические режимы, существовавший в Восточной Европе до войны: «...То ли дело, если бы в Польше царил истинный демократ Рачкевич или Соснковский! А в Югославии Михайлович! А в Румынии Радеску! А в Финляндии Таннер!»). Тем не менее, в конце статьи, тон относительно Англии понижается и декларируется то, что Англия не желает войны и далека от воинственности Черчилля: «... Англия сегодняшняя — это не страна Черчилля и даже не тех дипломатов, которые по неопытности полагают, что если стучать не жалея кулака, по столу, то это может очень помочь в дипломатических конфликтах»²⁸⁶.

В ответ на речь У. Черчилля И.В. Сталин призвал (в своём интервью газете «Правда» 14 марта 1946 года) к фактической мобилизации, прямо сравнив слова «Черчилля и его друзей» (заметим, пока что не Британии и не США) с идеологией Гитлера, с заменой только немцев на англоговорящие народы²⁸⁷. Примечательно, что уже в этой речи звучит обвинение враждебной СССР части англо-американского руководства в симпатии к политике фашистского толка («...Господину Черчиллю хотелось бы, чтобы <...> управлял <...> Югославией — Михайлович и Павелич, Румынией — князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией — какой-нибудь король из дома Габсбургов и т.д. Господин Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из **фашистской подворотни** [выделено нами] могут обеспечить «подлинный демократизм». Таков «демократизм» господина Черчилля»²⁸⁸). Обращает на себя внимание подчёркнуто сниженная, грубоватая лексика. Тем не менее, в интервью Сталина проводится чёткое разделение на немногочисленных, в общем счёте, сторонников войны с СССР, «нового похода против «Восточной Европы»» и «миллионы

²⁸⁵ «Известия» - 1946. - № 61 (8977)

²⁸⁶ Там же

²⁸⁷ «Правда» - 1946 - № 62 (10144)

²⁸⁸ Там же.

«простых людей», стоят на страже дела мира». Уже в этом видны ростки того, что в ближайшие годы будет названо «движением сторонников мира» и станет излюбленным направлением советской пропаганды. Кроме того, западные государства ещё не охарактеризованы врагами, подчёркивается наличие англо-советского договора о союзе, упомянута победа лейбористов на выборах 1945 года как поражение реакционных сил. Таким образом, здесь ещё нет курса на радикальный разрыв с западными странами, есть только критика враждебных к СССР политических групп. Но тем менее, выступление было речью государственного деятеля, вынужденного – по своему рангу – соблюдать дипломатический протокол. Условно-частным лицам в этом отношении позволялось больше, пусть даже серьёзных смысловых различий между ответом Е.В. Тарле и ответом И.В. Сталина не было.

Так что пока что основной огонь критики был сосредоточен на Британии, в частности, на лицемерии того, что она как крупнейшая колониальная держава, выдвигает претензии к степени демократичности новых восточноевропейских правительств. Как замечал посол Британии в Москве Робертс уже в марте 1946 года: «...Прозвучал тревожный сигнал – впервые после войны в советской пропаганде подняли вопросы Индии, Египта и колоний в Юго-Восточной Азии, вопросы, о которых советская пресса долго молчала. <...> Британия как дом капитализма, империализма, а теперь социал-демократии является главной целью [пропагандистской кампании] и центром оппозиции прогрессивным идеям и силам, главным покровителем которых претендует быть Советский Союз».²⁸⁹

Стоит заметить, что концентрация советской критики на Британии, как на слабейшем участнике «англо-американского партнёрства» выходила за пределы советского инфополя. Так, в статье «Европа: единая или расколота?», опубликованных в американском журнале *Foreign Affairs* весной 1947 года (т.е. уже даже после доктрины Трумэна) советский автор Александр Галин делал упор на то, что «...нынешние планы создания «западно-европейской федерации» на деле продвигаются британцами, чтобы установить свою гегемонию над Европой и укрепить позиции на мировой арене сравнительно с СССР и США<...> Американцы же подвергаются критике как бы вскользь, сравнительно с англичанами и французами; в статье противопоставляется консервативная и прогрессивная часть американского истеблишмента»²⁹⁰.

²⁸⁹ Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan, and Roberts 'Long Telegrams' of 1946 / edited by Kenneth M. Jensen / edited by Kenneth M. Jensen. P.35

²⁹⁰ Вартамян Р.Д. Проблемы послевоенного противостояния держав-победительниц в работах советских авторов в журнале *Foreign Affairs* на заре Холодной войны// Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2023. № 1. С. 22

Но мере изменения американской и советской позиции положение менялось. Уже в 1946 году, после появления «длинной телеграммы» Дж. Кеннана советское правительство некоторое время раздумывало о достойном ответе на неё. Автором ответа был выбран посол Советского Союза в США Н.В. Новиков. Основным тезисом его доклада было то, что США, пользуясь ослаблением своих конкурентов по итогам Второй Мировой войны, стремится к мировому экономическому и военному господству, в частности, через создание сети баз по всему миру и сколачивании дипломатического блока из покорных сателлитов. Хотя «телеграмма Новикова» так и не была в итоге опубликована, поднимаемые ей образы свидетельствовали о постепенном переходе к восприятию США как основного врага и центра антисоветской военной и дипломатической активности.

В конечном счёте, «доктрина Трумэна», план Маршалла и создание Коминформа зафиксировали раскол Европы и начало Холодной войны. После них советская внешняя пропаганда выстраивается единым фронтом²⁹¹ и определяется с врагом номер один – Соединёнными Штатами Америки. Непосредственно перед созданием Коминформа в справке для А.А. Жданова утверждалось, что цели США следующие: *«...неограниченная экспансия американского капитала для захвата новых рынков и источников сырья в целях утверждения своего мирового господства в качестве ближайшего средства спасения от экономического кризиса <...> объединение с помощью доллара всех сил реакции на изоляцию, подавление и разгром коммунистического движения, которое в ряде стран неизмеримо выросло за годы войны и возглавило демократические силы <...> экономическая и политическая изоляция Советского Союза»*²⁹². Тем самым, образы США как главы всемирной реакции и главной дипломатической и стратегической угрозы СССР сливались воедино, превращаясь в главного экспансиониста в мире, чьи поползновения вредят не только социалистическим странам, не только полуколониальным странам, но и другим капиталистическим государствам, в первую очередь Англии²⁹³. Теперь США действительно стали «врагом номер один» - и в реальном военно-политическом противостоянии Холодной войны, и в пропагандистском ее аспекте.

2.2 Формирование советской антиамериканской пропаганды в 1947-1950 гг.

В этот период Соединённые Штаты Америки становятся врагом номер один для советской пропаганды. Важно отметить, что именно в этот период закладываются основные черты американского врага – ненасытный экспансионизм, поглощение Западной Ев-

²⁹¹ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 496

²⁹² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 35. Л.28

²⁹³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 35. Л.29-30

ропы, покровитель всех сил реакции в мире. Не менее важен был переход, по крайней мере, в пропаганде, на своего рода левопатриотические позиции – Америки как душителя независимости Европы и необходимости коммунистическим партиям отстаивать независимость своих стран. Как было сказано уже на первом совещании Коминформа, в сентябре 1947 года: «...Американский кредит в 250 миллионов долларов явился недорогой ценой отречения Франции от своего национального суверенитета. Как реагировала французская компартия на этот позорный акт распродажи национального суверенитета Франции со стороны правящих кругов Франции? <...> единственно патриотической силой во Франции была бы компартия, если бы она разоблачила подоплеку американского кредита, обусловленную требованием изменения состава правительства путем вывода из правительства коммунистов и ослабления тем самым суверенитета Франции...».

Не менее важным инструментом демонизации было сравнение с нацистами. Противник демонизировался через уподобление Гитлеру: «...совершенно справедливо этот новейший заговор империализма сравнивают с пресловутым антикоминтерновским пактом Гитлера-Муссолини перед тем, как фашистские агрессоры ринулись на народы Европы с целью растоптать их свободу и независимость»²⁹⁴.

Но одновременно с этим, в рамках советского образа врага, планы последнего обречены на неудачу. Здесь сказывается наследие коммунистического мировоззрения, которое предполагает неизбежность и неотвратимость воплощения в жизнь анонимных и всемогущих законов истории. И, сверх того, необходимость соблюдения нужной дозировки: «...угроза должна быть достаточно реальной для поддержания бдительности и мобилизации, но не слишком фатальной, дабы не создавать паники и неуверенности в своих силах»²⁹⁵. Именно поэтому делается акцент на том, что замыслы «империалистов» почти никем не поддерживаются: «...Народы тех стран, которых империалисты США и Англии хотят заставить воевать, не имеют ни малейшей заинтересованности в этой войне. <...>. Война не нужна народам и они не хотят ее. Война не нужна и народным массам Соединенных Штатов Америки»²⁹⁶, а сами их действия лишь ускоряют их неизбежный конец: «...Авантюристическая внешняя политика империалистов Уолл-стрита и Сити в свою очередь увеличивает ослабление антидемократического лагеря. Эта политика терпит поражение за поражением <...> Разумеется, обострение всех противоречий капитализма и ослабление сил империалистического лагеря заложены в самой природе капитализма»²⁹⁷.

²⁹⁴ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы/ ред: Адиебеков Г.М. С. 549-550

²⁹⁵ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. С. 499

²⁹⁶ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред: Адиебеков Г.М. С.550

²⁹⁷ Там же. С.559

Наиболее ярко и чеканно этот подход был выражен в том же докладе Сулова на третьем совещании Коминформа. В нём декларировалось, что долгом коммунистических и рабочих партий является: *«...объединять и сплачивать все демократические патриотические силы каждой страны вокруг лозунгов уничтожения постыдной американской кабалы, перехода к самостоятельной внешней и внутренней политике, отвечающей национальным интересам народов. Знамя защиты национальной независимости и суверенитета своих стран коммунистические и рабочие партии должны высоко держать в своих руках»*²⁹⁸.

Теперь, по сути, коммунистическое движение - даже в заявлениях его руководителей – подаётся как авангард демократических и патриотических сил своих стран, а правительства западноевропейских и иных капиталистических стран (кроме США) низведены до положения марионеток.

Заметим также что, советская пропаганда после завершения Второй Мировой войны всё дальше и дальше отходит от классической коммунистической риторики классовой борьбы, осваивая либерально-демократическую фразеологию «борьбы за свободу». Характерно, что газета Коминформа, называется «За прочный мир, за народную демократию», т.е. за ценности общедемократические, а не специфически-коммунистические. Даже так называемый сталинский «руссоцентризм», при внимательном рассмотрении, не противоречит этой тенденции, а является её органической частью, т.к. национальный патриотизм является органичной частью идеологического наследия Американской и Французской революций XVIII века. Так же советская пропаганда в Первом Мире выступала с позиций левого пацифизма и прогрессизма, а в Третьем Мире, требуя освобождения колоний, неизбежно пользовалась левонационалистической повесткой дня.

Ярче всего эта эволюция может быть прослежена на примере того, что советская пропаганда писала о событиях в Китае. С одной стороны, советская пропаганда прямо сравнивала Гоминьдан с белогвардейцами и нацистами, что, несомненно, является реликтом старой, чисто коммунистической тенденции в ней. Но наряду со стандартными для любой пропаганды обвинениями противника в низости, жестокости, коррупции, есть более новая линия – обвинение Гоминьдана в предательстве китайских национальных интересов, даже интересов китайской национальной буржуазии, сведение Гоминьдана к фактической креатуре «мирового империализма». Вот, пожалуй, наиболее яркий пример: *«...Сколько понадобилось соединенных усилий всех врагов китайского народа, начиная от маленьких и жадных лиссабонских или брюссельских хищников, <...> и кончая собиравшимися запросто распахать по карманам весь Китай американскими бензиновыми, рези-*

²⁹⁸ Совещания Комиинформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред: Адиебеков Г.М. С.562

новыми, угольными, железными, железнодорожными королями, для того, чтобы два десятилетия держать над Китаем в угрожающем вертикальном положении зловещую фигуру в генеральском мундире с мордой хорька. <...> Сколько ненависти к китайскому народу!»²⁹⁹.

Все враги китайского народа, как на подбор, иностранцы, даже Чан Кай-ши с присными выступает их безвольной марионеткой, лишь с их постоянной помощью способный хоть как-то держаться на плаву. Если раньше главный враг народа каждой страны был внутри неё, то теперь враг внутренний – лишь несамостоятельный слуга врага внешнего. Несколько забегая вперёд, такая риторика применяется не только к колониальным странам, где её использование самоочевидно, но и к самим западным странам: в Европе в адрес западно-европейской буржуазии звучат обвинения, что она продаёт свои национальные интересы США, а в адрес американских правящих кругов звучат обвинения, что они не уважают волю своих избирателей.

Специфическим выражением этого дискурса, рассчитанным конкретно на Западную Европу и в особенности на её интеллигенцию, была речь выдающегося советского писателя и публициста И.Г. Эренбурга на Парижском конгрессе сторонников мира: *«...Больше всего о защите «западной культуры» твердят американские выскочки. Эти вообще не доросли до понимания культуры. <...>. Пусть скромно подумают о своем возрасте, пусть постоят с непокрытыми головами перед Акрополем, перед Капитолием, перед киевской Софией, перед Шартром. <...>. Они хотят обезличить все земли, повсюду насадить свой стандарт»³⁰⁰*. Итак, с точки зрения «гранда» советской пропаганды – американцы представляют собой народ с бедной культурой, который хочет стандартизировать весь мир под себя. Ради чего же ему противостоять?

И И.Г. Эренбург отвечает: *«...Мы пришли сюда, и мы обращаемся к представителям всех славных народов Европы: сохраним наш общий дом, сохраним нашу древнюю культуру! Мы обращаемся с этим призывом не только к нашим единомышленникам, но ко всем людям доброй воли, будь они марксистами или кантонианцами, свободомыслящими или католиками»³⁰¹*. Не ради социализма, не ради даже демократии, но ради «общего дома» и «древней культуры» нужно противостоять США, с точки зрения Эренбурга и включить в эту новую коалицию как можно более широкие слои.

²⁹⁹ Симонов К.М. В эти годы. Публицистика 1941-1950. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 321

³⁰⁰ Эренбург И.Г. Речь на Парижском конгрессе сторонников мира// Эренбург И.Г. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952-1954. Т.5. 1954. С.826-827

³⁰¹ Там же. С.830

В этом отношении «космополитизм» становился ругательством не только и не столько потому, что был связан с американофильством как таковым, но и потому, что принятие националистических тезисов и аргументов неизбежно делало это явление подозрительным.

Таким образом, Восточный Блок является в представлении его творцов оплотом не только социализма, но и демократии и национального самоопределения, а также борьбы за мир. Напротив, США стремится низвести своих европейских партнёров до полукOLONиального уровня, и борьба с американцами представляется как борьба с поработителями Европы, в экономическом (план Маршалла) и военно-политическом (Северо-Атлантический договор) отношениях. Показательна в этом отношении пьеса И.Г. Эренбурга «Лев на площади», написанная в разгар политических баталий 1948 года. Во «Льве на площади» (1948 год) обыгрывается сюжет пьесы «Ревизор» великого русского писателя Н.В. Гоголя³⁰². В провинциальный американский городок приезжает разорившийся американский делец Джемс Лоу и местный «истеблишмент» принимает его за представителя американского государства. Чтобы получить американскую помощь от (мнимого) представителя США они готовы продать ему национальный символ города, статую льва. Всё это происходит под аккомпанемент рабочих забастовок. Местный французский «высший свет» изображён набором насквозь разложившихся персонажей, как в личном, так и в общественном отношении. Мэр, фабрикант, председатель торговой палаты, редактор городской газеты – все они сотрудничали с режимом Виши³⁰³, причём конкретно председатель торговой палаты спекулировал недвижимостью, которую немцы отняли у евреев³⁰⁴. Кроме этого, они «делят» между собой одну и ту же проститутку и соревнуются в угодничестве перед США: семья мэра желает выдать за американца свою дочку, фабрикант пытается скомпрометировать мэра как социалиста в глазах Джемса Лоу. Красной нитью через повествование проводится идея о том, что США продолжает дело гитлеровской Германии как в Европе, так и в противостоянии СССР. Кульминации это достигает в речи фабриканта Дело в честь американского жулика, переделанной из речи, произнесённой в 1943 году в честь немецкого коменданта: *«...Мы глубоко уважаем, господин фон... господин Лоу, вашу оздоравливающую мир расовую политику и те принципы нового порядка, которые блистательно изложены в сочинении «Майн кампф»... простите, в «доктрине Трумэна». <...> Франция умеет быть признательной, она знает, что ее судьба тесно связана с судьбой... <...> с судьбой Америки, и она просит передать великодушному Адольфу... ве-*

³⁰² Эренбург И.Г. Лев на площади. Москва; Ленинград: Искусство, 1948. С. 83

³⁰³ Там же. С. 15-16

³⁰⁴ Там же С. 54

ликотушному Гарри Трумэну, чей портрет украшает эти стены, нашу чистосердечную признательность»³⁰⁵.

Помимо этого, по твёрдому настоянию Джемса Лоу, городской совет исключает из своих членов представителя старой французской аристократии, маркиза де Шампиньи, из-за «цветной» (негритянской) крови в жилах³⁰⁶.

Сам же Лоу представляет собой крайне вульгарного, циничного, жестокого и невежественного человека, одержимого страстью переделать всё, что он видит вокруг себя, на американский лад. Однако на фоне европейских поклонников Америки, он обладает определённой цельностью. Главная его функция в пьесе – произносить хвастливые речи о США, в которых саморазоблачается «американский образ жизни». От заявлений, что мэр его родного города замечательный человек – очень любит виски и поэтому голосует за сухой закон³⁰⁷, до заявлений о том, что «глупо и безнравственно» воевать на своей территории, а вот на территории других стран – совсем другое дело³⁰⁸; или про необходимость как можно скорее сбросить несколько десятков атомных бомб на русских, потому что они мешают делать доллары³⁰⁹. В промежутки укладываются заявления о том, что в Джексоне нормально для рекламы страховки недвижимости спалить заживо негра и требования отвести не нравящихся ему людей в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности³¹⁰. Однако в конце пьесы, когда раскрывается то, что Лоу – никакой не наблюдатель, он произносит неожиданно серьёзные для комедии слова: «...Вы говорите, что это «символ вашей независимости»? Допустим. Тогда я хотел отобрать «символ вашей независимости». Пустяки. Можно прожить и без символов. А вот когда придут «настоящие», они заберут и символ и независимость. Угу. Я Джима знаю, как облупленного. Лев на время останется здесь. Но я вам уже сказал — укротители едут...»³¹¹. Стоит заметить, что Лоу позже «перекочует» в роман «Девятый вал» - уже в качестве сенатора США от штата Миссисипи.

Однако стоит заметить, что у этого новообретённого коммунистического национализма были и свои границы – в первую очередь, в Советском Союзе. Возьмём для примера творчество русского советского писателя К.М. Симонова. В своём сборнике «В эти годы» в статьях периода Великой Отечественной войны слово «русский» часто употреблялось

³⁰⁵ Эренбург И.Г. Лев на площади. С. 93-94

³⁰⁶ Там же. С. 61-62, 92-93

³⁰⁷ Там же. С. 47. К слову, эта тема позже перекочует в его роман «Девятый вал», где один из антагонистов, бывший майор армии США по фамилии Сиддл, является сторонником сухого закона и владельцем кабака рядом с границей «сухого» штата Миссисипи. (Эренбург И.Г. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952-1954. Т.3. С. 13)

³⁰⁸ Там же. С. 51

³⁰⁹ Там же. С. 28

³¹⁰ Там же. С.27, 56, 79

³¹¹ Там же. С. 103-104

для декламаций вполне националистического толка: например, что величайшей силой на свете является русский (именно русский, не советский) пехотинец³¹² или что хотя не каждый солдат знает географию в совершенстве, но что его чувство Родины подсказывает «...как далеко еще на запад тянется земля, где слышится русская речь»³¹³.

Для сравнения, после войны тон стал несколько иным. Говоря о своём желании поскорее вернуться на Родину в статье «Уроки одного кругосветного путешествия» (1946 год) К.М. Симонов писал, что это: «...не только бессознательная тяга русского человека к русской земле и русской природе, не только тоска по родине – это было прежде всего сознательное желание поскорей вернуться в условия нашего нового мира, нашего социалистического строя»³¹⁴. А в статье «Иуда Кравченко и его американские хозяева» (написанной в 1949 году) он писал так: «...В тот самый Париж, над которым сейчас развеваются не фашистские знамена со свастикой, а французский национальный флаг только потому, что одетый в шинели советский народ спас человечество, спас Европу, спас Францию от готовой до конца раздавить их железной пяты фашизма»³¹⁵. В свою очередь, национальные черты поверженного врага затушёвывались – говорилось о фашистах³¹⁶, гитлеровцах/гитлеровском³¹⁷, немецко-фашистской пропаганде³¹⁸, но слово «немцы» упоминалось реже³¹⁹. Война всё меньше и меньше трактовалась как противостояние народов и всё больше и больше – как противостояние идеологий. Фактически, вся «русская» тема, столь ярко выраженная в публицистике военных лет, как бы исчезает из публицистики К.М. Симонова периода ранней Холодной войны.

Однако это в меньшей степени касалось других авторов. Так начавший свою писательскую карьеру в период позднего сталинизма русский писатель В. Д. Иванов в своём первом произведении, «Энергия подвластна нам» (изданном 90000 тиражом), главным врагом выводил англо-американский оружейный концерн, который, используя экснацистских учёных, пытается уничтожить Советский Союз с помощью своего рода «лучей смерти». Характерно то, как описывается происхождение этого концерна. Автором неоднократно подчёркивается не только то, что деятельность этой фирмы но и то, что она направлена конкретно против России в любой её форме, и отсюда рефрен, что оружие этой фирмы испытывалось на русских солдатах: во время Крымской войны, русско-

³¹² Симонов К. М. В эти годы. С. 87

³¹³ Там же. С. 87

³¹⁴ Там же. С. 340

³¹⁵ Там же. С. 363, 375

³¹⁶ Там же. С. 362, 363, 364, 366, 373, 375

³¹⁷ Там же. С. 373-374

³¹⁸ Там же. С. 367

³¹⁹ Там же. С. 364, 374, 375

турецкой войны 1877-1878 года и русско-японской войны³²⁰. В русле господствующей идеологии того времени было и упоминание, что основатель фирмы сочувствовал «реакционной» Пруссии.

Стоит заметить, что это очень хорошо укладывается в отмеченную Е. Добренко «...смену классовости на народность»³²¹. По мере того, как сталинский режим в поисках своей исторической легитимации всё больше обращался к дореволюционной истории российского государства, враждебность западных держав к СССР опрокидывалась в прошлое и отличительной чертой противника неизбежно становилось враждебное отношение к России как таковой, независимо от её общественного строя.

Но к моменту описываемых действий фирма становится всё более и более американской³²² - так в зеркале советской литературы отражался упадок Британской империи и её замещение в роли первой державы мира Соединёнными Штатами Америки.

Однако в книжном издании есть заметные англофобские нотки, например, приписывание сомнительной чести изобретения «расовой теории» англичанам, а не немцам, как и действия в её духе³²³. Вполне закономерно, что глава концерна изображается духовным преемником Адольфа Гитлера: «...Тянется обгорелая рука отвратительнейшего убийцы и самого гнусного врага человечества с первого дня его сознательного существования. Сам Шикльгрубер-Гитлер сидит из-под опалённых усиков:

– Убивайте! Убивайте! Это я освободил вас от совести! Только убивайте...

И босс кивает головой: Да, да, да!»³²⁴.

Стоит обратить внимание на крайнюю эмоциональную напряжённость образов, связанных с приравниванием актуального врага (англо-американского) к поверженному нацистскому; можно даже сказать, что в пространстве книги происходит своего рода *translatio imperii*, в данном случае статуса абсолютного, сатанинского врага (не только государства Советский Союз, но и всего человечества в принципе) от нацистской Германии к империалистической Америке. И, кроме того, на воспроизведение фактоида о том, что якобы настоящей фамилией рейхсканцлера Гитлера была «Шикльгрубер» (это не так; более того, эта версия была пущена в оборот конкурирующими с Гитлером нацистами для его дискредитации, задолго до Второй Мировой войны). Стоит заметить, что новый враг пока что не называется открыто. «Босс» говорит о «нашем образе жизни» - понятно по контексту, что речь об американском образе жизни (к слову сказать, это тоже пропаган-

³²⁰ Иванов В.Д. Энергия подвластна нам. М.: Трудрезервиздат, 1951. С.62-66

³²¹ Гюнтер Х., Добренко Е. Соцреалистический канон// Е. Добренко. Занимательная история: Исторический роман и социалистический реализм. С.892

³²² Иванов В.Д. Энергия подвластна нам. С. 68

³²³ Там же. С.139

³²⁴ Там же. С.261

дистский новодел, изобретённый американскими публицистами в 1930-е годы), но это не проговаривается прямо. Врагу даётся достаточно признаков, чтобы можно было его безошибочно указать на карте мира, но имя его не называется открыто.

Тем самым автор изображает, как немецкие планы мирового господства сменяются американскими – полностью в духе советской антиамериканской и антианглийской пропаганды, начиная с ответа И.В. Сталина на фултонскую речь У. Черчилля: «...Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира»³²⁵.

Однако есть и модификация. Американцы намерены полностью уничтожить всё население Советского Союза с последующим мародёрством на его руинах, причём это изображается не просто как план одного только американского концерна, но и как цель американской государственной политики: «...*Знакомые слова! Не так уж много лет прошло с того времени, когда проповеди мирового господства, извергаемые бесноватым «фюрером», засоряли эфир. И вот они снова звучат, – на этот раз из-за океана»*³²⁶

Однако при всём при том эти замыслы изображаются обречёнными на провал. Автором описывается, как политика силы привела Германию к краху и что она же обрекает её духовных наследников на ту же судьбу: «...*Не раз и не два указывала им история на причины катастрофического провала. <...> Бессмысленную мечту о господстве над миром методами массового убийства, насилия и уничтожения унаследовал от последнего хозяина Хаггера – Гитлера – мистер Томас Макнилл»*³²⁷.

Поэтому конец романа, в котором замок на Рейне – база англо-американского концерна – гибнет не так из-за противодействия советского щита, как из-за ошибок в расчётах учёных концерна, которые «...не были вооружены <...> диалектикой»³²⁸, выглядит в рамках предпосылок романа глубоко закономерным явлением. Морализм сплетается с пропагандой, создавая образ одновременного зверски жестокого, но в конечном итоге всегда проигрывающего именно из-за своей жестокости врага. Стоит заметить, что это свидетельствует об определённой преемственности со старой моралистской традицией: «...*Сотни лет воспитывавшиеся на книгах, где в последней главе непременно торже-*

³²⁵ «Правда» - 1946 - № 62 (10144)

³²⁶ Иванов В.Д. Энергия подвластна нам. С.117

³²⁷ Там же. С.215-216

³²⁸ Там же. С. 269

ствует Добро, мы полуинстинктивно верим, что злые силы с ходом времени покарают сами себя»³²⁹.

Но помимо внешнего врага представлен и враг внутренний. Завербованный англо-американцами советский гражданин Анатолий Заклинкин описывается как растратчик, дезертир, эгоист, лентяй и в целом как полное ничтожество, желающее жить, не работая³³⁰. Таким образом, внутренний враг изображается как ни на что не годный, трусливый, аморальный человек. Примечательно, что в том же 1949 году гремел процесс «невозвращенца» Виктора Кравченко, и К.М. Симонов, русский советский писатель и одна из крупнейших фигур в сталинской послевоенной пропаганде, так описывал Кравченко: «...бездельник и лодырь <...> наглый ловкач, получивший звание инженера жульническим образом, <...> потом прожженный пройдоха, <...> потом симулянт, <...> потом снова казнокрад и растратчик <...> потом вредитель, в военное время отправивший из США к себе на родину партию заведомо негодных труб <...> и, наконец, дезертир и изменник своей родины»³³¹. Общие черты, которые приписываются обоим врагам советского правительства, как реальному, так и вымышленному, схожи: личная трусость, лень, бездарность, дезертирство и, в конечном счёте, предательство.

При этом сам Заклинкин далеко не безобиден: он не просто стал агентом враждебной державы, но и испытывает садистские чувства к своим более порядочным согражданам: «...Заклинкин ненавидел их дикой злобой крысы, попавшей в капкан...<...> Уж он бы их и руками, и ногами, и зубами, и ножом, и клещами, и огнем! <...> Ведь они уже мешали ему надевать каждый день новые костюмы, обувь, кутить в ресторанах, бездельничать, жить лёгкой наживой!»³³²

Другие внутренние враги, входящие в диверсионную группу, описываются автором как уголовник, заброшенный через границу предатель, профессиональный шпион под прикрытием, уцелевший «бывший» и диверсант³³³. Видно, что никакой собственной силы у внутренних врагов нет, они просто марионетки в руках иностранных держав. Они изображаются опасными ничтожествами и энергично демонизируются вполне в духе, который можно назвать квазиманихейским: «...Это передовой отряд врага. Агенты атомной, чумной, водородной и прочих бомб. Сотрудники смерти и противники жизни»³³⁴.

В этом дебютном произведении Валентина Иванова хорошо заметно та особенность в конструировании образа врага, которую выделял в советской «культуре 2» (гос-

³²⁹ Оруэлл Дж. Мысли в пути. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 110

³³⁰ Иванов В.Д. Энергия подвластна нам. С. 120

³³¹ Симонов К.М. В эти годы. С.371-372

³³² Иванов В.Д. Энергия подвластна нам. С.179

³³³ Там же. С.229

³³⁴ Там же. С.230

подствовавшей в сталинское время и достигшей апогея именно в период позднего сталинизма) Владимир Паперный. В ней враги представлены как творящие: «...Зло во имя Зла. Этому Злу свойственна, как сказал Вышинский на процессе Пятакова, «дьявольская безграничность преступлений» <...> Такое событие, как, скажем, война, рассматривается культурой — вне всякой связи с исповедуемым марксизмом — как результат действия черных сил и их главы, «князя тьмы» Гитлера». Особенно это представление резонирует с цитированными выше пассажами про «сотрудников смерти» и «гнуснейшего врага человечества».

Образы внешнего врага и внутреннего в итоге переплетались, и «космополитизм» был намертво привязан к симпатиям к США, причём даже за пределами собственно пропагандистских ведомств. Из материалов отдела по изучению иностранного опыта и информации Академии педагогических наук РСФСР (июль 1949 года): «*Оруженосцы современного американского империализма усиленно используют в своих захватнических целях космополитизм, чтобы заставить другие народы отказаться от своего суверенитета, неугодного новоявленным любителям чужого добра. <...> разговоры о «мировом гражданстве» предназначены для других стран, самостоятельность которых невыгодна американским претендентам на господство над миром*»³³⁵. Неудивительно, что довольно пронизательные члены советского общества так трактовали суть такой яростной кампании: «*«Война. Готовить нужно народ к новой войне. Она близится»*»³³⁶.

Кроме литературы и публицистики активно использовались и иные средства для конструирования образа врага и донесения его до населения. Так, в мае 1949 года Г.М. Маленкову сообщали о масштабе антиамериканской кампании в области драматургии: так, пьесу Н. Вирты «Заговор обречённых» ставили в 50 театрах и ещё 75 включили её в свой репертуар, пьесу К.М. Симонова «Чужая тень» – в 49 театрах, пьесу С.М. Михалкова «Я хочу домой» – в совокупности в 25 театрах и т.д.; больше того, «*...весь репертуар артистов эстрады (разговорный жанр) резко перестроен. В основном он подчинен разоблачению политики поджигателей войны, двурушничеству, лживости и моральному обнищанию идеологии американских деятелей*»³³⁷; «*...разоблачение империалистической политики американской капиталистической клики*»³³⁸ не обошло стороной ни музыкальные комедии (оперетты), ни даже цирк («*...В целях усиления антиамериканской пропаганды,*

³³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 195. Л. 179-180

³³⁶ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). С. 211

³³⁷ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 // Отв. ред: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова. С.402

³³⁸ Там же. С.404

Главцирком заказано большое количество произведений малых форм для всех цирковых артистов разговорного жанра»³³⁹.)

Таким было положение до начала Корейской войны. Образ врага стал более радикальным и жёстким, прямо уподоблявшимся «абсолютному злу» в советской картине мира – немецкому нацизму. Он соединял в себе его расизм и замыслы достижения мирового господства, колониализм старых империалистических держав (теперь обратившийся против самих европейских стран), антидемократизм, агрессивность внутри и вовне страны, антикоммунизм. Но одновременно при бесконечной злобе и неистощимости на «хитрые планы» враг изображался как обречённый на полный и неизбежный разгром в связи с тем, что у него не было (и в советской картине мира быть не могло) никакой прочной поддержки даже в собственном народе, не говоря уже о других. Корейская война внесла некоторые изменения в эти представления.

2.3. Эволюция советской информационной политики, 1950-1953

В этот период, период Корейской войны, тон пропаганды стал ещё более жёстким. Так, первый значимый советский отклик на решение ООН о военном вмешательстве в боевые действия на Корейском полуострове, был озаглавлен «Кровавые дураки». Слово «дураки» на трёх колонках печатного текста использовалось больше двадцати раз. Но при этом основная ответственность по-прежнему возлагалась на «империалистические круги» США, а европейцы изображались, скорее, заложниками американских амбиций и антикоммунизма своих правительств. Вот, например, об Англии: *«...Это место в Совете Безопасности ООН – только для тех, кто умеет проявлять гибкость, для тех, кто твердо понял, что англичанам нужно научиться молчать, когда разговаривают американцы»³⁴⁰.* Схожие выпады делались в адрес французского³⁴¹ и норвежского правительств³⁴². Тут страны Европы представлены как полностью утратившие всякую самостоятельность и всецело покорные воле США.

Практически то же самое в своих статьях 1950-1951 годов писал И.Г. Эренбург. Например, в «Лондонских впечатлениях» он писал следующее: *«...выскачка из Колорадо пытался водить британского льва на поводке, выдавая его за стриженого пуделя, и теперь лев радуется, что укротителю приходится удирать во все лопатки. Американцы*

³³⁹ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 // Отв. ред: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова. С.404-405

³⁴⁰ «Литературная газета» – 1950. – №55 (2646)

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же.

любят говорить о своем родстве с англичанами: <...> Англичане долго слушали, порой наивно умилялись, но теперь уже раздаются голоса: «Не довольно ли?..»³⁴³.

А в свою очередь, основная ответственность за Корейскую войну возлагается на Америку и только на Америку, причем дело подается в таких выражениях: «говорит [представитель США на Совете Безопасности ООН], что надо задушить свободный корейский народ, разбомбить его города, убить его детей и женщин. <...> По очереди, строго взглянув в покорные, перепуганные, по-собачьи преданные глаза своих младших компаньонов <...>, прочитав в их глазах согласие на всё, что будет угодно Америке, <...> На корейские города падают американские бомбы»³⁴⁴.

С самого начала используется один из сильнейших образов любой военной пропаганды: обвинение врага в том, что он убивает заведомых нон-комбатантов, женщин и детей. Дальше тема нарушения американцами законов и обычаев войны весьма энергично использовалась советской пропагандой, вплоть до обвинений в ведении бактериологической войны против КНДР и КНР. Уже 27 июля 1950 года «Литературная газета» поместила на своей первой странице открытое письмо советских учёных микробиологам США. В нём их просили не участвовать в работах над созданием бактериологического оружия и «встать под знамена борцов за мир»³⁴⁵. Американское же правительство аттестовалось «...бандой империалистических заговорщиков, мечтающих об уничтожении цивилизации, о диктатуре смерти, о превращении целых стран в огромные кладбища»³⁴⁶, и для этой цели: «...Самолеты, сделанные в вашей стране, разрушают мирные города Кореи, убивают тысячи женщин, стариков и детей. <...> Крупные концерны, действующие в вашей стране, наживаются на войне. Они начали осуществлять свои человеконенавистнические планы»³⁴⁷.

Уже на этом этапе Корейской войны враг обвиняется, фактически, в стремлении уничтожить всю жизнь на земле. Помимо этого, американцев прямым текстом называли фашистами. Вот что писал Александр Чаковский в выпуске «Литературной газеты» за 10 августа 1950 года: «...Я был очевидцем фашистских бомбежек Ленинграда. Я утверждаю, что американские фашисты превзошли немецких <...> Американский фашизм точит зубы. Он заносит топор над шеей человечества. Испания и Абиссиния были кровавой репетицией второй мировой войны. В Корее американские фашисты репетируют тре-

³⁴³ Эренбург И.Г. Лондонские впечатления// Эренбург И.Г. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952-1954. Т.5. 1954. С.577-578

³⁴⁴ «Литературная газета» – 1950. – №55 (2646)

³⁴⁵ «Литературная газета» – 1950. – №61 (2652)

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же.

тью»³⁴⁸. Несложно заметить почти апокалиптические нотки в описании намерений и возможных действий врага, стремящегося теперь уже не просто избежать кризиса или добиться более выгодного для себя положения в мире, но угрожающему всему человечеству. Или, как писал позже Константин Симонов: «...Они, сверлившие пулями женщин,

*Лившие пламя, чтоб дети сгорали,
Они сегодня – ни больше, ни меньше –
Они нам говорят о морали!
<...>*

*Такой морали за день не родиться!
И слыша далеки вопли: «Хайль!»,
Мы не отрицаем, она с традициями,
Эта ваша мораль»³⁴⁹.*

Закономерным следствием такого отношения являлось то, что любая критика противника переходила в брань и, можно сказать, в амок, основной которого был метод рассуждения по аналогии. Показательным является сборник фельетонов сталинского пропагандиста Д. Заславского «Пещерная Америка» (1951 года издания; 100000 экземпляров). Характерным для его стиля является сравнение проамериканских европейских политиков с работницами публичных домов³⁵⁰; американского советолога Дж. Робинсона с «гамлетизированным боровом»³⁵¹; а генерала Д. Эйзенхауэра с вождями варваров Атилой и Аларихом³⁵². Красной нитью через фельетоны проходила убежденность в тождественности политики и идеологии американского правительства с политикой нацистской Германии³⁵³.

Весьма интересна реакция Д. Заславского на статью директора Русского института Колумбийского университета (центра американской советологии) Дж. Робинсона «Идеологическая борьба»³⁵⁴, опубликованную в журнале *Foreign Affairs*. На трёх страницах короткого фельетона Заславский успевает сделать несколько личных выпадов в сторону американского рецензируемого автора, приравнять его идеи к идеям Гитлера и Муссолини, заявить, что он желает выстроить «фашистскую утопию»³⁵⁵, и выразить убежденность в невозможности победить советскую идеологию.

Однако стоит заметить, что утверждение Робинсона о том, что в идеологическом отношении США по-прежнему вооружены лишь идеями 1775 года, вызывает у Заславско-

³⁴⁸ «Литературная газета» – 1950. – №67 (2658)

³⁴⁹ Симонов К.М. Стихи 1954 года. М.: Советский писатель, 1954. С. 42, 46

³⁵⁰ Заславский Д. Пещерная Америка (фельетоны). М.: Правда, 1951. С. 22

³⁵¹ Там же. С. 14

³⁵² Там же. С. 61-62

³⁵³ Там же. С. 14, 21, 31.

³⁵⁴ Сама статья Робинсона будет более подробно разобрана в третьей главе данного исследования.

³⁵⁵ Там же. С. 14

го бурную реакцию: «...*Это вздор. За эти идеи американских демократов ныне сажают в тюрьму. Неверно также, будто эти идеи выражали только философию буржуазного индивидуализма. В них была также философия независимости народов <...> а за эту философию господина Робинсона ныне бросают в тюрьму честных американцев*»³⁵⁶. Тем самым, несмотря на откровенную брань в адрес США, имплицитно признаётся существование «Другой Америки», основанной на «прогрессивных» идеях.

Однако это никак не уменьшает inferнальности замыслов и идей американского правительства и его союзников. Показателен следующий пассаж Заславского относительно проамериканских сил в Европе: «...*Смерть витает над всем, что предпринимают европейские агенты американского империализма. Смерть в их политических планах, смерть в их философии и культуре*»³⁵⁷.

Убеждённость в том, что американские правящие круги готовы погубить всё человечество в буквальном смысле этого слова, не ограничивалась газетами. В повести Валентина Иванова «По следу» (1952 год издания, 30000 экземпляров) американская диверсионная группа устраивает закладки с суперсаранчой для уничтожения советского сельского хозяйства; причём делает это она по приказу американского генерала, в котором крайне прозрачно выведен Дуайт Эйзенхауэр, будущий президент США, а тогда командующий американскими войсками в Европе.

Генерал же Эйзенхауэр под пером Валентина Иванова сочетает в себе все негативные качества, обычно приписываемые американцам: это фигура, раздутая с помощью рекламы; это некультурный человек, не знающий даже имени Шиллера, и с предельной грубостью отзывающийся даже о собственных союзниках, вроде западнонемецкого канцлера; расист и член Ку-Клукс-Клана; корыстолюбивый человек, санкционирующий вымаривание голодом всего Старого Света, включая и подконтрольные американцам страны, только после того, как его убедили в том, что такая катастрофа обеспечит ему лично колоссальный простор для биржевых спекуляций³⁵⁸.

Неудивительно, что в финале книги один из эпизодических положительных героев, пастор Альтенмайер, восклицает: «...*Злоба сильных мира сделалась беспредельной, и они грозят всему человечеству. Их союзники – чума, оспа, тиф и холера. Союз зла уже пробует свои силы, уже испытывает свои новые дьявольские изобретения над несчастным народом Кореи. Каждый должен поспешить выбрать между добром и злом*»³⁵⁹.

³⁵⁶ Заславский Д. Пещерная Америка (фельетоны). С. 13

³⁵⁷ Там же. С. 21

³⁵⁸ Иванов В.Д. По следу. М.: Трудрезервиздат, 1952. С. 109-110, 119, 138, 145, 149.

³⁵⁹ Там же. С. 218

Примечательно как использование резкой риторики о борьбе добра и зла, так и указание на Корею в связке с бактериологическим оружием: одной из главных тем советской антиамериканской пропаганды периода войны в Корее было утверждение, что американцы используют против КНДР и северных районов Китая бактериологическое оружие. В последующих, послесталинских, изданиях почти вся «зарубежная» четверть книги, в которой описывались замыслы Эйзенхауэра и изобретателя «суперсарачни» Джереми Бартериджа, не воспроизводилась.

Не менее показательна повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне», принадлежащая перу советского разведчика сначала, писателя потом Романа Кима. В ней повествование по большей части ведётся от лица японского офицера, в итоге ставшего агентом американской разведки. В ней не только подробно и крайне графически описывается патологическая жестокость, проявляемая сначала японцами самостоятельно, во время Второй Мировой войны, а затем в подчинении и по приказам американцев. Злодей-протагонист, который и вёл заглавную тетрадь, в итоге попавшую в руки к северо-корейцам, поедал печень американских пленных в годы Второй Мировой войны, а затем, уже на службе американцев, конвейерным методом пытал корейцев, и, среди прочего, убивал корейских детей³⁶⁰. Один из положительных персонажей прямо говорит о том, что американский империализм является перерождением немецкого национал-социализма: «...*Так говорят буддисты, а мы говорим: немецкого эсэсовца уничтожили, а он возродился в образе американского фашиста Хаш-хаша. А Хиропон – это японский милитарист, которому даже не пришлось возрождаться. Американцы сохранили его и пустили теперь в ход*». ³⁶¹ Кроме этого стоит обратить внимание на то, что отрицательные персонажи у Кима являются, строго говоря, наркоманами: отрицательный герой, который и ведёт заглавную тетрадь, после войны подсаживается на японский аналог первитина «хиропон» (от чего и идёт его прозвище), а его непосредственный начальник Харшбергер, по кличке «Хаш-хаш», курит сигареты, пропитанные героином³⁶². Красной нитью через книгу проходит отрицательное к американцам, излагаемое от лица злодея-протагониста: сперва взятый им в годы Второй Мировой войны в плен Харшбергер (будущий его начальник уже в американской разведке) быстро раскалывается и выдаёт секретные сведения, и, сверх этого, признаётся, что было бы лучше, если бы Япония и США выступили бы единым фронтом против СССР³⁶³; подчёркивается, что стратегические бомбардировки Японии, включая атомные, не имели

³⁶⁰ Ким Р. Тетрадь, найденная в Сунчоне. М.: Советский писатель, 1952. С. 76-77, 147-148, 155

³⁶¹ Там же. С. 170-171

³⁶² Там же. С. 71, 147-148

³⁶³ Там же. С. 20-21. Также о желательности совместного выступления Японии и США против СССР говорит один из менторов злодея-протагониста ещё до капитуляции Японии (С. 34)

серьёзного военного значения и лишь терзали гражданское население³⁶⁴; акцентируется внимание на то, что американцы с самого начала оккупации Японии принимали все меры для сохранения японского военного потенциала³⁶⁵; как и на том, что американские вооружённые силы полагаются исключительно на своё численное и техническое превосходство и отличаются смесью садистского отношения, окрашенного расизмом, к гражданскому населению, и личной трусости³⁶⁶. Между прочим, взятие американской армией Пхеньяна в Корейской войне прямо приравнивается к Нанкинской резне³⁶⁷. Разумеется, не обходится вниманием тема разработки и испытаний бактериологического оружия: сперва в годы Второй Мировой войны под руководством печально известного Сиро Исии, затем в годы Корейской войны³⁶⁸. Неудивительно, что повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне» завершается следующим пассажем: «...Бойцы громко запели песню о генерале Ким Ир Сене и пошли дальше - на юг. Они знали: впереди еще много боев, еще много трудностей, еще много испытаний, но впереди – победа над врагами человечества»³⁶⁹. Действительно, столь демонизированный образ врага делает неизбежным представление о нём как о враге не только конкретной страны, но и всего человечества.

Довольно схожие образы использовались в творчестве того периода Лазаря Лагина, к тому времени уже состоявшегося писателя средней руки, пусть и более всего известного сказкой-повестью «Старик Хоттабыч». Но у детского писателя была и другая сторона: сталинского краснофлотца, участника героической обороны Севастополя, участника кампании по борьбе с космополитизмом. Участвовал он в ней и как писатель. Продемонстрируем это на примере его романа «Остров разочарования (впервые издан в 1951 году 30000 тиражом; второе издание – 1953 год, тираж – 75000 экземпляров).

В «Острове разочарования» Лазаря Лагина мы сталкиваемся с тенденциями, принадлежащими уже только послевоенному сталинизму. На этот раз острие сатиры не против абстрактного капитализма и не только против нацистов, но и против бывших союзников, англичан и особенно американцев – причём очень энергично.

Характерно то, как по-разному изображаются англичане и американцы. Один англичанин, хрестоматийный «трудолюбивый», кочегар Смит переходит на сторону главного положительного персонажа, русского морского офицера, ветерана Севастополя, Егорычева. Но и второй англичанин, антагонист Цератод, изображён, по крайней мере, более осторожным относительно нацистов и Германии, чем оба американца. Это, впрочем, не

³⁶⁴ Ким Р. Тетрадь, найденная в Сунчоне. С. 31, 40

³⁶⁵ Там же. С. 76-80

³⁶⁶ Там же. С. 16, 147-148, 152-154, 163

³⁶⁷ Там же. С. 158

³⁶⁸ Там же. С. 30, 132, 159

³⁶⁹ Там же. С. 175

делает его менее карикатурным – он даже получил «говорящую» (вовсе не английскую) фамилию, означающую двоякодышащую рыбу, существующую в гниющей питательной среде – очевидный намёк на ослабление Британской империи. Однако если помянутый Цератод способен на, по крайней мере, некоторое благоразумие и даже дипломатичность относительно русских, то об американцах этого сказать нельзя.

Фламмери, потомок первооткрывателя острова Разочарования, Пентакоста-Сквирса, открыто выражает своё сочувствие немцам и прямо говорит, что второй фронт будет открыт не раньше, чем СССР и Германия окончательно обескровят друг друга³⁷⁰. Он же всячески расхваливает взятого в плен Егорычевым офицера войск СС и своего делового партнёра и даже полагает, что «...было бы невпример приятней видеть на положении арестанта этого въедливого большевистского фанатика, нежели Фремденгута»³⁷¹. Его прихвостень Джон Мообс является типичным американским журналистом в представлении советской пропаганды: циничный, невежественный человек, готовый пойти на любую подлость, лишь бы она была ему выгодна.

Немцы же изображаются или как жестокие трусы (барон фон Фремденгут, член СС и участник «массовых очистительных акций» под Керчью и Бабьим Яром – недвусмысленное указание, насколько это было возможно в годы позднего сталинизма, на трагедию еврейского народа) или просто как трусы (как ефрейтор Кумахер, который готов, будучи взят в плен рассыпаться в изъявлениях верности «лучезарному идеалу социализма») – и гибнут максимально бесславно.

С имагологической точки зрения интересно то, что стан врагов изображён как место постоянных внутренних раздоров: американцы ненавидят англичан, немцы, хотя принимают услуги, оказанные им англичанами и американцами, в итоге просто-напросто убивают своих благодетелей, да и сами американцы не едины, поскольку журналист Мообс, на людях угодничая перед банкиром и производителем вооружения Фламмери, относится к нему сугубо потребительски. Это отражение в художественной форме тезиса советской пропаганды о том, что «межимпериалистические противоречия» приближают победу социализма.

Автор также использует характерный приём, когда англо-американские персонажи говорят о достоинствах советской системы и недостатках своей. Пожалуй, самым ярким примером использования такого приёма в тексте романа является обсуждение англичанином Цератодом и американцами кому всё-таки должен остров Разочарования: и в качестве обоснования британских и американских территориальных притязаний обе стороны ис-

³⁷⁰ Лагин Л. Остров разочарования. М.: Молодая гвардия, 1951. С.106

³⁷¹ Там же. С.143

пользуют плохое обращение с цветным населением своих стран. Каждая из сторон доказывает, что она хуже обращается с собственным цветным населением и именно поэтому остров должен принадлежать именно ей³⁷².

Конец нарочито нравоучительный: предатели-англосаксы расстреляны своими немецкими «друзьями» под возглас «Хайль Гитлер!», а положительные герои пережили взрыв немецкого атомного устройства, устроенный себе на погибель антагонистами.

В области, так сказать, проводится чёткое разделение, между англичанами, приобщение которых к социализму ещё возможно, и американцами, которые неисправимы – журналист Мообс поначалу демонстрировал искреннюю симпатию к Егорычеву, но его алчность превратила его во врага, и сделала его ещё более отрицательным. «Простой американец» в отличие от «простого англичанина» в рамках «Острова разочарования» не может встать над пресмыкательством перед сильными и над собственными расистскими (против русских как «цветных») предрассудками («...все русские - самые настоящие цветные. В них течет монгольская или волжская (забыл в точности, какая именно, но определенно цветная) кровь»³⁷³). На этом фоне дежурное положительное упоминание Франклина Рузвельта советским персонажем звучит несколько фальшиво: как же возможен прогрессивный президент в стране населённой фламмери и мообсами?

Сравнительно с «Патентом АВ» «Остров разочарования» гораздо более энергично создаёт образ врага: не просто как порочной общественной системы на социальном уровне и безжалостного социопата на уровне персонажа, но союзников-предателей на уровне государственном, и невероятно подлых, лицемерных и трусливых субъектов на уровне персонажа. Проводится различие между Англией и Америкой, уменьшается вера в возможность демократического воздействия в буржуазных странах, всеми силами принижается вклад западных союзников в победу над Германией, вообще положительный герой Егорычев прямо утверждает, что для правящих классов США и Великобритании Вторая Мировая война является не тотальной войной против фашизма, но всего лишь ещё одной войной за свои корыстные интересы.

Тем не менее, «Острову Разочарованию» далеко в смысле демонизации врага до «Энергии подвластна нам» и «По следу». Лагин не приписывает врагу стремление непременно истребить население Советского Союза; и, несмотря на декларацию его симпатии к нацизму, Лагин не стремится продемонстрировать то, что США являются преемником гитлеровской империи. В связи с особенностями сюжета Лагин также совсем не касается образов внутренних врагов. Стоит заметить, что по тексту роману периодически рассыпа-

³⁷² Лагин Л. Остров разочарования. С.203

³⁷³ Там же. С. 319

ны утверждения о том, что туземцы острова Разочарования ведут более здоровую физическую и духовную жизнь, чем жители «белых» стран, свободную, что проявляется в их исключительном физическом здоровье и высоком уровне бытовой нравственности; можно сказать, один из ярких признаков советского влечения к народам Третьего Мира, которое в полный рост расцветёт при первом секретаре Н.С. Хрущёве.

По мере того, как Корейская война раскаляла общественную атмосферу добела по обе стороны Железного Занавеса, советская сторона была всё ближе к тому, чтобы считать США если и не «фашистской», то стремительно идущей к ней страной. Вот, к примеру, какой образ США давался в «Справку о фашизации США» в Коминформе летом 1952 года: «...*Стремясь развязать новую мировую войну, империалисты США стали на путь усиленной милитаризации и фашизации страны, превращая США в фашистско-полицейское государство*»³⁷⁴. Более того, американское государство аттестовалось не только «фашистско-полицейским», но и создавшим у себя предпосылки для «тоталитарного» (sic!) режима³⁷⁵, а усиление исполнительной власти в США является не только частью процесса превращения Америки в «фашистско-полицейское государство» (ФБР, между прочим, было аттестовано как «американское гестапо»³⁷⁶), но и «*все больше и больше ставит президента в положение фашистского диктатора*»³⁷⁷. Политические изменения в США трактовались в том духе, что истинные хозяева США, монополии, ведут страну к «фашизму и войне»³⁷⁸, что расширение полномочий исполнительной власти фактически убило конституцию и билль о правах ради более активной милитаризации³⁷⁹. Общая же ситуация в США описывалась так: «...*В Америке фактически уничтожены остатки буржуазной демократии, запрещено забастовочное движение; установлен контроль над мыслями, всякий «инакомыслящий» преследуется по закону; большинство руководителей компартии осуждены и посажены в тюрьмы, остальная часть загнана в подполье; страна покрывается сетью новых тюрем и концентрационных лагерей; в США и на сегодняшний день открыто действует закон Линча; в стране свободно функционируют сотни фашистских и неонацистских террористических организаций*»³⁸⁰.

При этом та же враждебность, с которой рисовали американцев в те годы, разворачивалась и на прошлое, в том числе и на период союзнических отношений. Так, даже в научных трудах писалось подчас буквально следующее: «...*Американские и английские*

³⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 14

³⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 14

³⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 18

³⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 18

³⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 17

³⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 18

³⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 245. Л. 14

вооружённые силы на Дальнем Востоке ни до капитуляции Германии, ни после неё не добились каких-либо решающих успехов в войне против дальневосточного агрессора»³⁸¹. Фактически, враг изображался, несмотря на все свои военные приготовления, совершенно бессильным и малопригодным к «честному бою». Академик Е.В. Тарле, рецензируя книгу, посвящённую совсем другому вопросу, специально уделял внимание этому: «...Говоря о моральном уровне и боевой подготовке американских войск, <....> следовало бы остановиться на вполне доказанном ещё до позорной войны против Северной Кореи слабосилии американской пехоты»³⁸². Итак, враг, в рамках образов, выстраиваемых советской пропагандистской машиной, несмотря на всю свою жестокость и коварство, несмотря на все унижения, всё же не мог из себя представлять значительную военной угрозы в прямом смысле этого слова: он мог убивать женщин и детей авианалётами и применять оружие массового поражения, но не одерживать решающие военные победы.

Но тем не менее, принципиального изменения линии на изображение врага, взятой после окончательного раскола бывших союзников по Второй Мировой войне, не произошло. По-прежнему враг изображался, несмотря на всю свою злобу и коварство, обречённым на поражение. В известных словах И.В. Сталина, произнесённых на XIX съезде КПСС: «...Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». <...> Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий»³⁸³

Не было ничего принципиального нового сравнительно с докладом того же Сулова на третьем совещании Коминформа. Но произнесённые со столь высокой трибуны эти слова свидетельствовали об окончательном её утверждении как догмы. Образ врага в советской пропаганде стал значительно менее марксистским и коммунистическим, основное противостояние шло не столько по линии «пролетариат-буржуазия», сколько по линии «народ – его враги-империалисты», громадное значение обрёл мотив борьбы с внешним врагом и его прислужниками за собственную национальную независимость. Это свидетельствовало, как ни парадоксально, о «нормализации» Советского Союза, о его отдалении от своего первоначального состояния страны рискованных социальных экспериментов, в русло более традиционного для великих держав XIX-XX века либерально-прогрессивной и национально-патриотической системы образов. Это укладывается и в

³⁸¹ Аварин В.Я. Борьба за Тихий Океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С.309

³⁸² Архив РАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 140. Л. 9

³⁸³ «Правда» - 1952. – № 289 (12491)

реконструкцию Д. Бранденбергером общей эволюции советской пропагандистской и информационной политики в сторону формулы: «*«Советская власть – это история русского народа плюс миф “победоносный опыт войны”»»*³⁸⁴.

Самым важным успехом советской информационной политики было то, что ей удалось легитимизировать и оправдать курс на скорейшее военное усиление страны, не было серьёзных всплесков недовольства ни в народе, ни в элитах СССР и ориентированных на него стран. Это позволило избежать рисков оспаривания правительственного консенсуса в этом отношении и потенциально возможных требований «приспособления» к американской гегемонии. Здесь советская пропаганда стояла на твёрдой почве: *«...большинство русских, украинцев, белорусов и других народов того поколения, испытавших нацистское нашествие, не ставили под сомнение военную и внешнюю политику Кремля, пока она, казалось, обеспечивала защиту, хоть бы и иллюзорную, от кошмара ещё одной большой войны»*³⁸⁵. Тем не менее, и у демонизации внешнего врага существовали определённые границы. Несмотря на то, что в период борьбы с космополитизмом и Корейской войны советская пропаганда слабо сдерживала себя в создании образа врага, всё же, были некоторые линии, которые она не могла пересечь. В первую очередь, представление о существовании «Двух Америк» (реакционной и прогрессивной). Это будет рассмотрено в следующем и последнем параграфе главы.

2.4. Красные линии сталинской пропаганды: казус Эренбурга.

Тем не менее, даже несмотря на описанную выше эскалацию вражды, в советской пропаганде существовали определённые пределы демонизации противника. Рассмотрим их на примере творчества «гранда» сталинской пропаганды (заместитель председателя Советского Комитета защиты мира с 30 июня 1950 года), Ильи Григорьевича Эренбурга, крупного писателя и лауреата Международной Сталинской премии (Эренбург был одним из двух граждан СССР, получившим эту премию, предназначавшуюся для иностранных «людей доброй воли»). В 1949 году к Илье Эренбургу обратилось издательство «Советский Писатель» с просьбой дополнить его путевой очерк «В Америке» (1946). Эренбург решил, что его очерк устарел и что его нужно, с учётом международной обстановки, переработать. Результатом переработки стал памфлет «Ночь Америки», который.... Издательство не решилось печатать, ссылаясь на отсутствие в памфлете «второй Америки». Отдел Агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) мнение издательства поддержал. Памфлет рекомен-

³⁸⁴ Бранденбергер Д.Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 216

³⁸⁵ Zubok V., Pleshakov S. Inside the Kremlin's Cold War. P. 279

довали отправить на доработку, и он в итоге так и не был издан. Роза Магнусдоттир считает, что «...более поздние наблюдатели пришли к выводу, что в этой книге не было ничего, что противоречило бы советской пропаганде и она могла быть с лёгкостью напечатана в текущем виде»³⁸⁶. Официальные причины отказа (признававшие, впрочем, что «книга с интересом читается») были следующие: «...Недостатком книги является отсутствие четких граней между американским простым народом и его угнетателями. <...> Огульный подход к характеристике американского народа часто приводит автора к неверным выводам»³⁸⁷.

Обратимся непосредственно к тексту рукописи. С одной стороны, И.Г. Эренбург воспроизводит основные темы советской пропаганды того времени. Он подчёркивает социальные контрасты в США³⁸⁸, подхватывает тему с американским затягиванием второго фронта³⁸⁹, влияния рекламы³⁹⁰, полицейской жестокости³⁹¹. Поднимается и тема расовой дискриминации – причём не только негров, но и евреев³⁹² (стоит вспомнить, что вплоть до революции гражданских прав в США в престижных университетах существовали «еврейские квоты»). Только здесь Эренбург совершает первый отход от советской ортодоксии. Если в рамках последней в грехе расизма были виновны лишь верхи капиталистических общества, которые спускают его вниз по социальной лестнице, то Эренбург указывает на его всеобщее распространение в США, даже в профсоюзах моряков, и заканчивает раздел своего памфлета, посвящённый этой теме, следующими словами: «*Страшная страна, ей нужно много пережить и многое искупить*»³⁹³. Вполне в русле мейнстрима позднего сталинизма его обличения американской политики в Европе и Азии: «...*Сверхчеловеки распоряжаются в Европе, как у себя дома. <...> Из-за них в Греции который год не затихают пушки. Из-за них французы не отстроили разрушенных городов. Из-за них в Бельгии больше нет рабочих: все безработные. <...> Они ненавидят Советский Союз: как смеют русские не поклоняться доллару? Как они смеют не подчиняться сверхчеловекам? <...>. Американцы не могут понять, что на этой универсальной бирже одно не подлежит котировке: жизнь и честь советских людей*»³⁹⁴. То же во многом касается и подчёркивания

³⁸⁶ Magnusdottir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945-1959. P. 31

³⁸⁷ Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 // Отв. ред: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова. С. 498

³⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 70

³⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 18

³⁹⁰ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 40, 42

³⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 56

³⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 87

³⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 93

³⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 110-111

страха США перед кризисом и желая разогреть свою экономику на военных заказах³⁹⁵. Как и постоянных утверждений, что именно Советский Союз вынес основную тяжесть войны, пока в США был военный бум: «...Сенатор Брукс не помнит, что мы его спасли в годы войны. Он не помнит, что воевали мы, а они галдели и делали доллары <...> Когда на свете шла война, они старались воевать поменьше: для боев у них не было времени – они отпускали свиную тушонку, пришивали к мундирам своих солдат последние пуговицы, которые неизменно оказывались предпоследними, они молились за успехи своих союзников и, помолвившись, делали доллары»³⁹⁶.

Часто встречаются сравнение «американизма» и национал-социализма: «...Я не берусь решить, кто кого научил: куклуксклановцы эсэсовцев, или эсэсовцы куклуксклановцев. Одно бесспорно: они друг друга стоят <...> Американцы удивляются, даже обижаются, когда им напоминают, что они говорят на языке Гитлера и Геббельса. Они хотят быть оригиналами, в Америке все свое. Хорошо, у них свой фашизм, он называется американизм»³⁹⁷.

Но эта тема аранжируется несколько по-другому, в гораздо более апокалиптическом тоне: «...С газетных листов на серийного американца смотрит смерть. Она нажимает кнопку и умирают материки. Сохнут вековые американские сосны. Падают на лету чайки. Смерть держит пробирку. Она идет по улицам, как по бороздам, она несет сибирскую язву, тиф, чуму <...> А людоеды не спят, они торопятся, они готовят новое рекордное оружие <...> и больше нет на земле ни человека, ни дерева, ни птицы»³⁹⁸. К этому добавляются постоянные указания на жестокость американской жизни и культуры, включая пристальный интерес к смертным казням.

Однако взятые автором тон и темы серьёзно отличают «Ночь Америки» от других советских произведений в таком духе. Например, подчёркивается полная духовная неоригинальность «средней Америки», вплоть до того, что невозможно отличить один «серийный» американский город от другого и одного «серийного» американца от другого: «...Все улицы пронумерованы и похожи одна на другую. Все города похожи друг на друга. <...> У каждого домика веранда, на каждой веранде качалка, в каждой качалке вечером сидит серийный американец и сосет погасшую сигару»³⁹⁹.

Красной нитью проходит тема полной духовной чуждости США странам европейской культуры. Вплоть до того, что Эренбург сравнивает американцев с кочевниками

³⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 115, 128

³⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 233. Л. 49, 109

³⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 88, 102, 107

³⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 123

³⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 27

(«...Отцы или деды этих людей бросили родные места, погрузились на суда, перекочевали в Новый Свет. <...> Они могут описывать в длинных изданиях свою короткую историю. Они все же остаются огромным кочевым племенем»)⁴⁰⁰ и с выскочками. Неоднократно подчёркивается, что средний американец сейчас не в состоянии понять, что такое культура и даже что такое любовь («...А между тем им не нужно учить, им нужно учиться – с самых азов - с букваря человеческой культуры <...> Они могут пить самый лучший шотландский виски и катать своих партнеры в самых лучших восьмицилиндровых автомобилях. Но до любви они еще не доросли»)⁴⁰¹.

В ряде мест своего памфлета Эренбург занимается расчеловечиванием «серийных» американцев, сравнивая их с роботами: *«...Робот женится, голосует за республиканцев или демократов, «делает доллары» и улыбается, потому что он – американец. Доктор Норберт Винер недавно выпустил книгу «Сибернетика». Американцы упоены: машины будут думать за них. <...> Люди-роботы облегченно вздыхают: машины вскоре будут изобретать, голосовать, рожать детей, учиться. Тогда-то настанет золотой век Америки: роботы будут только получать доллары и улыбаться улыбкой победителя»⁴⁰² и говорит, что американцы поработены своей техникой, что «...На самом деле в Америке проживают машины, которые правят американцами»⁴⁰³. Это последнее тоже было отклонением от советской идеологии, с её технооптимизмом и склонностью позитивно оценивать «американскую деловитость».*

И расчеловечивание американцев не ограничивалось сравнением с одними лишь роботами. Взяв за основу замечание одного американского студента, Эренбург характеризует американцев как «немыслящих баобабов»: *«...Студент сопроводил цитату следующим комментарием: «Паскаль был французом и жил триста лет тому назад. Он не мог предвидеть силу современного американца, которого можно сравнить с гигантским баобабом» <...> Студент забыл отметить одно: в отличие от мыслящего тростника, американский спесивец это немыслящий баобаб»⁴⁰⁴. Эта тема активно развивается в «Ночи Америки», например: *«...Баобаб жуёт, пускает пузырь и любитесь. Потом? Потом пузырь лопаётся. Потом баобаб умирает. Вместо него вырастает новый – без единой мысли, но с большим запасом жевательной резинки»⁴⁰⁵. Эренбург идёт дальше и даёт примерное количество «баобабов» в США: *«...Говоря иначе на пять налоговых единиц –***

⁴⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132, Д. 233. Л. 45-46

⁴⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132, Д. 233. Л. 50, 55

⁴⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 26

⁴⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 23

⁴⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 132, Д. 233. Л. 32

⁴⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 38

один человек и четыре немыслящих баобаба»⁴⁰⁶ – таким образом, 80% населения США, т.е. абсолютное большинство, являются «роботами», «серийными» и «немыслящими баобабамии». Очень далеко от пролетарского интернационализма.

Когда враг кажется не только жестоким, но и внутренне ничтожным – это, безусловно, снимает моральные проблемы, связанные с его ликвидацией. Поэтому, помимо подчёркивания «роботизированности», «серийности» американцев Эренбург подчёркивает их моральные недостатки. Например, что женщины там слишком рано начинают половую жизнь: «...Американка начинает практиковаться рано. <...> Чем больше у нее походов, тем она опытнее: подруги ей завидуют. Завидуют не тому, что у нее позади много переживаний, а тому, что у нее впереди много перспектив»⁴⁰⁷.

Или тому, что основную массу американцев, от мала до велика, интересует лишь загребание денег: «...Когда я буду большим, я сделаю много долларов» - сказал мне мальчик лет семи-восьми. Мне стало не по себе, я отвернулся: в этой стране все думают об одном: дети и агонизирующие старики, студенты, фермеры, влюбленные, писатели»⁴⁰⁸. И, более того, что подавляющее большинство американцев искренне поклоняются богатству: «...Им удалось заразить культом долларов и тех, у кого нет долларов. Один рабочий мне сказал: «Мы знаем, что капиталисты берут львиную долю, но и нам кое-что перепадает. Я был в Париже, в Лондоне. Нам не на что жаловаться»».⁴⁰⁹

В дело подшиваются и разного рода анекдоты, выставяющего среднего американца в гротескном виде, например о рекорде хождения на голове в Чикаго, который доказывает, что: «...Голова баобабам нужна совсем для другого: на голове нужно прыгать»⁴¹⁰, или о пари, что студент мичиганского университета съест больше, чем подсвинок с саркастическим выводом, что «...свинья была подавлена величиим американца»⁴¹¹.

Перед завершением параграфа стоит сделать небольшой шаг в сторону. В своём сборе материала для антиамериканской пропаганды Эренбург наткнулся на идеолога либертарианства Айн Рэнд. Вот что сказано в «Ночи Америки»: «...В Голливуде опубликован новый декалог. Эти десять заповедей – символ веры американизма:

«Не хулите системы частной инициативы.

Не клеветите на промышленность.

Не поносите богатство.

Не черните законных барышей.

⁴⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 37

⁴⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 52

⁴⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 67

⁴⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 63, 65

⁴¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 32

⁴¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 34

Не осмеивайте удачу.

Не превозносите неудачу.

Не обожествляйте человека с улицы.

Не приукрашивайте коллектива.

Не относитесь легкомысленно к политике.

Не бросайте тени на государственные учреждения Америки»»⁴¹².

Дело в том, что как раз в это время, Айн Рэнд, тогда ещё сценаристка, написала путеводитель или, как сказали бы сейчас, «методичку», для одной голливудской антикоммунистической группы Motion Picture Alliance for the Preservation of American Ideals⁴¹³, в которой давала советы тем, кто хотел, чтобы их фильмы никоим образом не поддерживали коммунизм. Советы у Айн Рэнд были следующие: 1. Не относитесь к политике легкомысленно; 2. Не очерняйте свободное предпринимательство. 3. Не очерняйте промышленников. 4. Не очерняйте богатство. 5. Не очерняйте мотив прибыли. 6. Не очерняйте успех. 7. Не прославляйте неудачу. 8. Не прославляйте извращённость. 9. Не обожествляйте «простого человека». 10. Не прославляйте коллектив. 11. Не очерняйте независимых людей. 12. Не используйте современные события беззаботно. 13. Не очерняйте американские политические институты⁴¹⁴. Правда, ради пропагандистского эффекта тринадцать пунктов под пером Эренбурга сократились до десяти – чтобы продемонстрировать кощунственную природу «долларопоклонничества».

Таким образом, средний американец под пером Эренбурга – это душевно чёрствый, патологически жестокий расист, некультурный человек, одержимый лишь «деланием долларов», и духовный преемник национал-социалистов в кровожадности, национальной нетерпимости и человеконенавистничестве. В этом и заключалось отклонение Ильи Эренбурга от генеральной линии советской пропаганды, сделавшее его «Ночь Америки» неприемлемой для неё. Там, где советская пропаганда предполагала, что большинство населения США является, в конечном счёте, жертвой её государственной и экономической системы, Эренбург указывал на это большинство, как на её винтиков и соучастников. В этом отношении, когда издательство и Агитпроп указывали на отсутствие в книге «Другой Америки» они не лукавили. Они не хотели перейти эту линию.

Подытоживая, можно сказать следующее: по мере того, как советская идеология, на доктринальном уровне, делала уступки национализму, причём не только и не столько

⁴¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 233. Л. 105

⁴¹³ Стоит заметить, что в эту группу, среди прочих, входили Уолт Дисней, Кларк Гейбл, Гэри Купер, Рональд Рейган, Джордж Мёрфи (позже сенатор от Калифорнии) и Джон Уэйн.

⁴¹⁴ Doherty B. Radicals for Capitalism. A Freewheeling History of American Libertarian Movement. Public Affairs, 2007. P. 187-188

русскому национализму, сколько национализму как общему принципу, она всё сильнее и сильнее склонна была относиться к государственной независимости (даже в случае «буржуазных» стран») как к абсолютной ценности. Конструируемый советской пропагандой образ США был синтетичен: с одной стороны, образу США придавались инфернальные черты, как государства, чьи правители ради своей алчности готовы даже на использование оружия массового поражения и уничтожение жизни на земле, государства, являющегося центром мировой реакции и, в годы Корейской войны, опасно дрейфующего к фашизму; с другой стороны, советская пропаганда даже на пике Корейской войны не могла отказаться от представления и/или надежды о «Другой Америке», с которой были бы возможны нормальные и дружественные отношения. И за счёт этой тенденции СССР не смог в своей пропаганде достичь предельной демонизации США и даже в пропаганде трактовать их как монолит зла, который возможно лишь уничтожить.

Глава 3. Образ Советского Союза в журнале *Foreign Affairs*, 1945-1953.

3.1. Создание канона образов «советской угрозы» в журнале *Foreign Affairs*.

Выступление члена Политбюро ЦК ВКП(б) Андрея Жданова в Шклярске-Порембе 22 сентября 1947 года на совещании европейских коммунистических партий, в котором декларировалось о том, что мир расколот на лагерь империализма во главе с США и лагерь демократии во главе с СССР. Это был советский ответ на речь президента США Гарри Трумэна 12 марта 1947 года перед Конгрессом США. Он означал, что брошенный американским президентом вызов принят; что Европа и мир отныне действительно расколоты на два лагеря. Холодная война началась, ей создали американский вызов и советский отказ капитулировать перед ним.

Следующий период был отмечен чередой кризисов (удаление коммунистов из западноевропейских правительств и удаление некоммунистов из правительств восточноевропейских; блокада Берлина и переворот в Чехословакии; создание НАТО и оформление раскола Германии на два государства; победа коммунистов в китайской гражданской войне и конец американской монополии на атомное оружие).

Разумеется, новое положение требовало осмысления и оформления новой политики, в том числе и информационной, со стороны американцев. Рассмотрим теперь, какие основные образы Советского Союза создавались авторами, писавшими в этом журнале в 1947-1950 годах.

В первую очередь, следует выделить лейтмотив большинства таковых публикаций: Советский Союз рассматривался как держава, действующая из догматических (=иррациональных) соображений, что, в свою очередь, обесмысливало политику компромисса в её отношении. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Первой статьёй в рассматриваемый промежуток времени была статья Генри Стимсона «Вызов американцам», опубликованная в октябрьском выпуске журнала за 1947 год. В ней Стимсон, с одной стороны, жёстко критиковал тех, кто был уверен, что со сталинским Советским Союзом возможно улучшение отношений, аттестуя их как наивных глупцов или закоренелых негодяев⁴¹⁵. Но, с другой стороны, он выступает против перевода

⁴¹⁵ Stimson H.L. The Challenge to Americans// *Foreign Affairs*. 1947. Vol. 26. № 1. P.8

Холодной войны в войну «горячую» и превентивной войны как верного средства пресечения угрозы коммунизма. В целом действия советской стороны трактуются как мотивируемые догматическим следованием ошибочной теории Карла Маркса и убеждению, что некоммунистические государства обречены. Но при этом военную агрессию СССР Стимсон находит маловероятной и считает наилучшим способом добиться перехода СССР к более мягкой политике – продемонстрировать жизнеспособность и твёрдость западных держав с одной стороны и их неагрессивность с другой. Эта комбинация должна рано или поздно привести к изменению советской политики в желательном направлении, либо посредством смены курса текущего советского правительства во внешней политике, либо смены правительства вообще⁴¹⁶.

Тем самым, «советская угроза» непосредственно трактуется как не самая серьёзная, которую можно сдержать и одолеть сочетанием правильной внутренней политики и простого сдерживания попыток Советского Союза расширить свою сферу влияния. В целом, рефреном статьи является то, что стоящие перед американской внешней политикой задачи связаны не так с акциями Советского Союза, как со способностью дать ответ на вопрос: смогут ли Соединённые Штаты добиться свободы и процветания? И если Америка это может, «...то тогда коммунизм не является угрозой. Если же нет, то наша цивилизация неизбежно рухнет, всё равно, с коммунизмом или без такового»⁴¹⁷. Статья выдержана в относительно умеренном и реалистическом тоне, Советский Союз описывается как соперник США, но не как непримиримый враг, и даже в качестве обязательного условия возможного сотрудничества с ним не называется смена режима или идеологии. Более важным, с точки зрения более поздних исследователей американской стратегии и внешней политики, был призыв Стимсона не ограничиваться полумерами и не тешить себя иллюзиями, что можно быть частично ответственными за мир, а частично безответственными⁴¹⁸. С точки же зрения актуальной американской политики того времени решающее значение имело сочетание авторитета Стимсона, как военного министра в годы Второй Мировой войны, и излагаемой им идеологии либерального интернационализма – так что *Foreign Affairs* распространил эту статью (отдельным изданием) двухсоттысячным тиражом⁴¹⁹.

В январском номере журнала за 1949 год Советскому Союзу уделено много места. В 40-страничной статье «Сталин о революции» автор под псевдонимом «Историкус» ана-

⁴¹⁶ Stimson H.L. The Challenge to Americans// *Foreign Affairs*. 1947. Vol. 26. № 1. P.9-10

⁴¹⁷ Ibid. P.10

⁴¹⁸ Clarke M. *American Grand Strategy and National Security. The Dilemmas of Primacy and Decline from the Founding to Trump*. Palgrave Macmillan, 2021. P.233

⁴¹⁹ Tevelow Amos A. *From Corporate Liberalism to Neoliberalism: A History of American Think Tanks*. (thesis). P.141

лизировал взгляды Сталина на стратегию и тактику Советского Союза относительно мирового коммунистического движения. «Историкус» считал, что советские заявления о готовности к мирному сосуществованию являются лишь маскировкой, тактическим приёмом при подготовке к агрессии⁴²⁰. В целом, «Историкус» считает Сталина именно что убеждённым марксистом-революционером и сторонником мировой революции⁴²¹ (что идёт вразрез с более ранними статьями в этом журнале, где больше подчёркивалась либо неревOLUTIONность Сталина, либо его относительно меньшая революционность в сравнении с более ранними советскими правителями. Однако несмотря на утверждение, о несгибаемой верности СССР догме коммунистической революции автор всё же считает, что сейчас угрозы нападения СССР нет, поскольку это государство занято восстановлением и улучшением своей промышленности. Изображение противника «догматическим» или по иной причине действующего не вполне рационально является одним из способов обесценивания предложений найти с ним компромисс и убедить собственную публику в принципиальной бесполезности и невозможности смягчения отношений с ним.

В статье Макса Белоффа «Ни мира, ни войны» развивается тема советского руководства как догматически-революционного и параноидального, в духе статьи «Источники советского поведения», на которую Белофф прямо ссылается и утверждает, что нужно оценить ту степень, в которой советское правительство верит в свою якобы миссию по распространению коммунизма⁴²².

Тем не менее, Белофф не только отвергает «военное решение» проблемы СССР, в том числе и потому, что оно создаст для западных стран больше проблем, чем решит, но и признаёт, что у русских есть свои легитимные интересы, которые следует соблюдать во избежание вручения советской пропаганде подарков: например, таких действий, которые помогут советскому государству убедить русский народ в неискоренимой враждебности к нему западных держав⁴²³, в частности, именно поэтому западным державам не стоит ни в коей мере поддерживать немецкий реваншизм. Белофф заходит настолько далеко, что даже не оспаривает территориальные приобретения, сделанные СССР по итогам пакта Молотова-Риббентропа⁴²⁴.

Тем самым, Советский Союз, хотя более и не считается «нормальным» государством, но в то же время он и не должен подвергаться чрезмерному давлению, как показывают цитаты выше, хотя бы, чтобы не сплачивать избыточным давлением извне правите-

⁴²⁰ *Historicus. Stalin on Revolution// Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 2. P.207-208*

⁴²¹ *Ibid. P.214*

⁴²² *Beloff M. No Peace, No War// Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 2. P.216-217*

⁴²³ *Ibid. P.225*

⁴²⁴ *Ibid. P.227*

лей и подданных. С точки зрения Беллоффа следовало ясно продемонстрировать, что врагом являются не восточноевропейские государства-сателлиты и русский народ, но «международный коммунизм»⁴²⁵. Борьба с Советским Союзом будет долгой и залогом конечной победы, помимо силы Америки и сотрудничества Западной Европы и США, является превосходство политической системы западных стран над любой разновидностью «тоталитаризма»⁴²⁶.

Но в июле 1949 года журнал вновь берётся за борьбу на фронте идей. Так, статья Дж. Робинсона, одного из «отцов» американской советологии, «Идеологическая борьба» начинается бодро, по-боевому: «...США сталкиваются с кризисом 1949 года с военным снаряжением 1950 года и идеологическим снаряжением 1775 года»⁴²⁷. Хотя в статье непосредственно Советскому Союзу уделяется не так много места, но основной темой статьи является призыв воспользоваться возможностью, предоставленной идеологическим вызовом со стороны СССР и приспособить к актуальному политическому контексту западную традицию индивидуализма. В выводах отдельно указывается на важность идеологической борьбы в Азии и Африке, где нельзя допустить, чтобы коммунизм стал единственной идеологией, стремящейся к реформам и независимости - и на опасность коммунистической индоктринации за «железным занавесом», из-за которой, может быть, удастся заставить людей «...думать, как коммунисты»⁴²⁸.

Но в целом автор статьи разделяет линию на сдерживание и считает, что сохранение американского военного превосходства в сочетании с оперативным реагированием на идущие дипломатические кризисы должны убедить догматическое советское руководство, что нормой в отношениях между США и их союзниками являются не кризисы и конфликты, но компромиссы. И тогда: «...Даже и вопреки свету их откровения мы, возможно, сможем, на долгой дистанции, убедить их стать непрaktикующими приверженцами мировой революции»⁴²⁹. И вновь ключевой образ – иррациональность советского правительства, объяснение его политики сугубо через его религиозную, сектантскую приверженность революционному кредо. Стоит заметить, что Дж. Робинсон твёрдо придерживался идей о том, что ключом к пониманию советской идеологии и государственности является её «византийско-азиатское» поведение, и что Россия как «восточная» страна всегда была противоположностью «западных» стран: мистической, а не рациональной, коллективист-

⁴²⁵ Beloff M. No Peace, No War// Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 2.. P.229

⁴²⁶ Ibid. P.231

⁴²⁷ Robinson G.T. The Ideological Combat// Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 4. P.525

⁴²⁸ Ibid. P. 539

⁴²⁹ Ibid. P.539

ской, а не индивидуалистической, диктаторской, а не демократической⁴³⁰. Опять-таки, троп России как якобы наследницы одновременно Византии (т.е. Восточной Римской Империи) и Орды и потом являющейся «восточной» (негативно маркированной) страной фигурировал в американских представлениях о ней задолго до 1917 года. Как писал конгрессмен У. Фульк в своей книге «Славянин или сакс» (1887 года издания): ««Восточный» тип правления <...> закрепился в России в результате слияния влияний Византии и Татаро-монгольской империй»⁴³¹.

В статье «Испытание Ялты» Макджордж Банди последовательно излагает взгляд на Ялтинскую конференцию и последовавшие за ней политические события, как сознательный отказ правительства Советского Союза от предложенной руки сотрудничества - в связи с фундаментальным непониманием того, как работают западные общества и какова в них роль общественного мнения⁴³².

Но при этом Банди указывает на то, что советские действия были относительно малоэффективными. Даже если не ставить под сомнение их конечную цель, Макджордж Банди отмечает, что жёсткая и прямолинейная форма советской оппозиции больше, чем что-либо иное способствовала консолидации общественного мнения в западных государствах вокруг доктрины Трумэна и плана Маршалла. И, поскольку с точки зрения Банди, фундаментом советской политики является: «...концепция человеческого общества не просто чуждого нашему, но активно ему враждебному»⁴³³, то США и западноевропейским странам следует гораздо больше опасаться возможной смены советской политики на более гибкую. То есть, такую, которая будет не мобилизовать общественное мнение США вокруг антисоветского консенсуса, но демобилизовать его.

Другим примером использования довода «иррациональности» поведения противника является статья Ленор О'Бойл «Теории социалистического империализма». В ней на примере немецкой довоенной социал-демократии автор стремится показать, как социалистическая риторика может стать прикрытием для экспансионистских планов, и что социализм не исключает империализма⁴³⁴. Автор постоянно проводит параллели между националистической фракцией немецких социал-демократов и современной ему советской пропагандой. И из этого делается вывод, что обе эти идеологические линии одинаково иррациональны: «...хотя русские используют более рациональные доводы, всё же у них есть

⁴³⁰ Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise And Fall of America's Soviet Experts. P. 32

⁴³¹ Цит. по: Спартак С. А. Исторические корни политического образа России и США. С. 70

⁴³² Bundy M. The Test of Yalta // Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 4. P.623

⁴³³ Ibid. P.629

⁴³⁴ O'Boyle L. Theories of Socialist Imperialism// Foreign Affairs. 1950. Vol. 28. № 2. P.290

та же «мистика», что и у немецких националистов, которую столь же трудно понять в рациональных терминах»⁴³⁵.

С указанной выше концепцией об иррациональном характере советской политике пересекается представление о её ненасытности. И эта концепция тоже, в конечном счёте, исключает всякий серьёзный компромисс.

Чрезвычайно характерным примером является опубликованная в журнале в апреле 1948 года статья афинского корреспондента New York Times А. Сэджвика «Заговор против Греции». В ней положение изображается во вполне апокалиптических тонах, Грецию относят к горячей точке в глобальном противостоянии между «тоталитаризмом» и «демократией». Контролируемые СССР греческие коммунисты желают расчленить Грецию и превратить её осколки в советские сателлиты⁴³⁶. Более того, если допустить установление прокоммунистического режима в Греции, то: «...Турция будет окружена и Дарданеллы сменяют владельца. <....>. Красная армия захватит Суэц, поставит под контроль арабские государства и, в конечном счёте, весь мусульманский мир. Африка будет открыта для советского вторжения <...> Наши полушария окажутся в осаде»⁴³⁷. Это, безусловно, первая столь агрессивная и почти манихейская по своему восприятию мира статья в журнале в эти годы, но не последняя. Примечательно колоссальное преувеличение советских военных возможностей (молниеносное завоевание Восточного Полушария в случае установления контроля над Грецией, ни больше, ни меньше), агрессивное использование весьма эмоциональной риторики (греческие партизаны описываются как «бандиты»), глобальное противостояние окрашено не только в идеологические краски, но и в этнические, отсюда упоминание о «славяно-коммунистической машине» и использование наименований «Россия» и «Советский Союз» как взаимозаменяемых. В отличие от предыдущих статей, стремившихся сохранять определённый уровень респектабельности и объективности, статья Сэджвика, по сути, ничем не отличается от бойцовского памфлета. Она полностью выдержана в духе известного совета сенатора Ванденберга (республиканца от штата Мичиган) президенту Трумэну, что для того, чтобы убедить Конгресс выделить деньги на поддержание правительств Греции и Турции ему нужно «напугать до чёртиков» американцев.

Другим примером статьи, создающей образ Советского Союза как ненасытного и непримиримого врага США, не заинтересованного в улучшении отношений с ними, является «Упадок дипломатии». Её автор, патриарх британской внешней политики лорд

⁴³⁵ O'Boyle L. Theories of Socialist Imperialism// Foreign Affairs. 1950. Vol. 28. № 2. P.298

⁴³⁶ Sedgwick A.C. The Plot Against Greece // Foreign Affairs. 1948. Vol. 26. № 3. P.486

⁴³⁷ Ibid. P.487-488

Ванситтарт решительно декларировал, что серьёзные переговоры с Советским Союзом невозможны, поскольку для тоталитарных стран плохие отношения с демократиями являются необходимым условием выживания⁴³⁸. И, поскольку «тоталитарные» государства так зависят от плохих отношений с демократическими странами, то их дипломаты занимаются исключительно подрывной пропагандой и саботажем в демократических странах. Конкретно же советская дипломатия занимается тем, что стремится к экономическому разорению и ослаблению стран, которые она стремится завоевать, посредством организации «неофициальных» стачек и использования дипломатического прикрытия для агрессивной пропаганды с целью «...убедить так много людей, как возможно <...> ненавидеть и презирать собственную страну <...> финансирование «обществ дружбы», служащих прикрытием для мерзавцев, которые вербуют дураков»⁴³⁹. Интересно то, что автором придаётся такое большое значение конкретно подрывной деятельности Советского Союза, вплоть до обильного использования бранной лексики, что довольно редко встречалось на страницах журнала в то время. В отличие от более «уличной» информационной политики: например, видный американский евангелист Билли Грэхэм в 1949 году на своём первом «ревайвале» в Лос-Анджелесе заявил, что «...коммунизм является религией, вдохновенной, руководимой и мотивируемой самим дьяволом, объявившим войну Господу Всемогущему»⁴⁴⁰. Стоит, впрочем, заметить, что озлобленность статьи Ванситтарта может быть объяснена не только политической конъюнктурой, но и острым осознанием того, что время «традиционной дипломатии», с высокой степенью самостоятельности дипломатов, ушло безвозвратно⁴⁴¹.

Последняя статья, посвящённая теме восточного блока в этом номере журнала, является переводом статьи венгерского марксистского автора Иосифа Реваи о характере «народной демократии» и сопровождается введением от редакции. В нём утверждается, что статья Реваи доказывает, что венгерская коммунистическая партия с самого начала и неуклонно стремилась к строительству в Венгрии социализма по советскому образцу⁴⁴². И, далее, что победа венгерских коммунистов стала возможной в основном благодаря помощи СССР, которая и делает возможным для них продвижение к социализму посредством силовых методов, ибо они всегда могут рассчитывать на помощь «старшего брата» в трудную минуту.

⁴³⁸ Lord Vansittart. The Decline of Diplomacy// Foreign Affairs. 1950. Vol.28. № 2. P.180

⁴³⁹ Ibid. P.181

⁴⁴⁰ Preston A. The Spirit of Democracy Religious Liberty and American Anti-Communism during the Cold War// Uncertain Empire: American History and the Idea of the Cold War. (edited by J. Isaac and D. Bell). P. 147

⁴⁴¹ Именно в таком контексте на эту статью Р. Ванситтарта ссылаются в: Sofer S. Old and New Diplomacy: A Debate Revisited// Review of International Studies. 1988. Vol. 14. № 3. P.205; Hall, Ian. The transformation of Diplomacy: Mysteries, Insurgencies And Public Relations// International Affairs. 2010. Vol. 86. № 1. P.250

⁴⁴² The Character of a «People's Democracy»// Foreign Affairs. 1949. Vol.28. № 1. P.143

Тем самым, венгерские коммунисты сводятся не просто к марионеткам Советского Союза, но и их конечной целью является не столько просоветский социалистический режим, сколько прямое копирование сталинского Советского Союза. В заключение к этой статье прямо сказано о том, что восточно-европейские коммунисты в частности и коммунисты вообще никогда не намерены были идти на компромисс. Всякая надежда на то, что режимы Восточной Европы будут более либеральными, оставила американцев: «...*Не осталось надежды на искренние попытки компромисса с целью сохранить какое-то подобие демократии или прав человека*»⁴⁴³.

В целом за этот период был сделан большой шаг вперёд в изображении Советского Союза и дружественных ему правительств в Восточной Европе как недоговороспособных акторов: Советского Союза как державы, нацеленной именно на идеологическую и политическую экспансию, а просоветских правительств как советских марионеток, не обладающих никакой самостоятельностью.

Тему «нерациональности» и «ненасытности», как определяющих советскую внешнюю политику, дополняют утверждения о своего рода «преемственности» между внешней политикой Российской Империи и внешней политикой Советского Союза. В разительном контрасте с утверждениями более ранних лет сходство СССР с царской Россией стало считаться отрицательной чертой этого государства.

Так, в летнем выпуске журнала за 1948 год сэр Гарольд Батлер в статье с названием «Новый мир обретает форму» приходил к выводу, что впервые за несколько веков западные страны теряют своё влияние и силу. Ещё в начале XX века, по мнению автора, только Российская Империя была вне орбиты влияния западноевропейских стран и их политического строя. Тем самым используется старый пропагандистский образ России как якобы «неевропейской» державы. Дальше эта мысль развивается британским автором, в виде проведения преемственности между Российской Империей и Советским Союзом - и тому, насколько быстрым и неожиданным оказалось возрождение русской силы за четверть века, прошедшую после революции 1917 года. Советский Союз, тем самым, изображается более опасным врагом, чем царская Россия, в первую очередь, благодаря своей идеологии⁴⁴⁴. Хуже для Европы то, что этот ренессанс привёл к проекции могущества российского государства за его пределы, в восточноевропейские страны, где теперь демократию заменяют «...*полицейским государством в традициях Московии*»⁴⁴⁵. Характерно это обращение к расизму – и представление о славянах как о «восточных» нациях и использование

⁴⁴³ The Character of a «People's Democracy»// Foreign Affairs. 1949. Vol.28. № 1. P.151-152

⁴⁴⁴ Butler H. A New World Takes Shape// Foreign Affairs. 1948. Vol.26. № 4. P.605

⁴⁴⁵ Ibid. P.607

расистского термина «Московия», обычно используемого для принижения России. Этот антирусский расизм органически дополняется беспокойством о судьбе колониальных владений в Азии, ведь там «...прошедшие обучение в московских революционных академиях эмиссары»⁴⁴⁶ подбивают «цветных» бунтовать против колонизаторов.

Образ врага в виде «орды варваров» сливается с образом «подстрекателей к мятежу», создавая, тем самым, классическую «теорию дьявола» в международных отношениях – что внешнеполитические проблемы вызываются сугубо волей определённой группы людей, мотивированных собственной злобой и порочностью⁴⁴⁷. Чрезвычайно показательным, что если в самой первой статье рассматриваемого временного промежутка возвращение Советского Союза к дипломатическим традициям Российской Империи рассматривалось как желаемый, но так и не реализованный вариант, то с этой статьи начиная в журнале будут рассматривать как непреложный факт взаимосвязь между внешней политикой Российской Империи и сталинского Советского Союза – и рассматривать неизбежно негативно. То, что ранее считалось возвращением СССР к «норме» обычного, неревolutionного государства, теперь стало восприниматься как свидетельство его неукротимого стремления к экспансии и «врождённого» стремления сохранять диктатуру внутри страны.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в статье турецкого автора Неджмеддина Садака «Турция встречается с Советами» (в апрельском выпуске журнала за 1949 год). В ней образ Советского Союза в ней несколько отклоняется от обычных представлений о нём: «...Произошла величайшая революция в истории России. Царь был низложен. Ничего не осталось от русской политики экспансионизма. Турция, вынужденная вести семь войн с Россией на протяжении двух с половиной веков, была теперь освобождена от кошмара московитского империализма. Далее, Россия, появившаяся в ходе большевистской революции, создала демократический режим...»⁴⁴⁸. Тем самым, с точки зрения турецкого автора большевистская Россия представляла меньшую опасность, чем царская Россия и даже была более демократической(!). Тем не менее, эта турецко-большевистская идиллия длилась не так уж долго. После подписания конвенции Монтрё Советский Союз постоянно пытался ревизовать её в более благоприятную для себя сторону. Садак изображает политику Советского Союза как принципиально двуличную, готовой пойти на союз с кем угодно, чтобы очернить в глазах союзника Турцию и вырвать у неё проливы.

⁴⁴⁶ Butler H. A New World Takes Shape// Foreign Affairs. 1948. Vol.26. № 4. P.608-609

⁴⁴⁷ Hoffman Stanley (ed.). Contemporary Theory In International Relations. Prentice-Hall of India, Ltd. New Delhi, 1964. P.97

⁴⁴⁸ Sadak N. Turkey Faces the Soviets// Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 3. P.450-451

Однако главным недостатком Советского Союза с точки зрения турецкого автора является то, что он не так сильно и изменился, в сравнении с царской Россией⁴⁴⁹. И более того, его не успокоят никакие уступки, после возможного утверждения в Проливах Советский Союз обязательно потребует установления коммунистического правительства⁴⁵⁰. Вновь мы видим, что преемственность с Российской Империей рассматривается как важная черта в конструировании образа врага относительно Советского Союза.

В статье «Гонка между Россией и реформами в Иране» автор, Т. К. Янг, обвиняет СССР в создании внутренних проблем в Иране и стремлении разрушить это государство и, больше того, саму иранскую нацию⁴⁵¹; о запрете левой партии «Туде» говорится в таких выражениях: «...поставлена вне закона и дискредитирована своей проституцией в пользу Москвы»⁴⁵². Слова «русский» и «советский» используются как взаимозаменяемые; в целом советская политика изображается сугубо экспансионистской и только загоняющей Иран в рамки союза с США и Великобританией⁴⁵³. Здесь сливаются несколько образов: во-первых, Советского Союза как мирового подстрекателя, у которого не может быть благонамеренных симпатизантов; во-вторых, Советского Союза как агрессивной державы, поползновения которой вызывают почти рефлекторный отпор.

Чрезвычайно показательное представление о связи Российской Империи и Советского Союза в умах американцев того времени даёт опубликованная в этом журнале сочувственная рецензия на книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Её автор Льюис Галантир, прямо писал, что ценность рецензируемой им старой книги заключается в её актуальности для антирусской пропаганды⁴⁵⁴. Стержнем статьи является тезис о тождестве царской России и России советской: «...чем больше Россия меняется, тем больше она остаётся собой <...> в словосочетании «русский коммунизм» прилагательное значит больше, чем существительное. Советское государство – это <...> аутентично-русская вещь»⁴⁵⁵. И при этом советское государство (а вместе с ним – и старая монархическая Россия) прямо приравнивается к фашистскому государству, а помазанный монарх – к дуче⁴⁵⁶. Как отмечает Дэниэл Перис в статье «Custiniana», одним из двух текстов, давших сигнал к

⁴⁴⁹ Sadak N. Turkey Faces the Soviets// Foreign Affairs. 1949. Vol. 27. № 3. P.459

⁴⁵⁰ Ibid. P.459-460

⁴⁵¹ Young T.C. The Race Between Russia and Reform in Iran// Foreign Affairs. 1950. Vol.28. № 2. P.279

⁴⁵² Ibid. P.284

⁴⁵³ Ibid. P.278

⁴⁵⁴ Galantiere L. Through the Russian Looking-Glass// Foreign Affairs. 1949. Vol.28. № 1. P.115

⁴⁵⁵ Ibid. P.124

⁴⁵⁶ Ibid. P.123-124

возрождению интереса к де Кюстину в США после Второй Мировой войны, была именно что статья Льюиса Галантира в *Foreign Affairs*⁴⁵⁷.

Стоит заметить, что не менее важной, хотя пока что лишь появляющейся темой было сравнение Советского Союза и нацистской Германии. Так, в уже цитированной нами статье «Заговор против Греции» (в апрельском выпуске 1948 года), её автор называл греческих партизан «*учениками СС*»⁴⁵⁸(!), (ни больше, ни меньше). В том же выпуске журнала Х.Ф. Артур Шёнфельд не только прямо обвинял СССР в империализме, но и прямо сравнивал советскую пропаганду с нацистской, как минимум, по используемым ею методам⁴⁵⁹.

Этот пропагандистский приём, тождества СССР и нацистской Германии, используется в статье «Бенеш и Советы» Эдварда Таборского, посвящённой советско-чехословацким взаимоотношениям до государственного переворота февраля 1948 года. В ней советский строй называется «тоталитарным» и его сравнивают с гитлеровской Германией в смысле вероломства и неуважения к подписанным договорам и, следовательно, никакое сотрудничество и дипломатия с Советским Союзом невозможны: «...*крах Бенеша доказал миру, что никакие клятвы Советского Союза <...> не могут быть фундаментом для сотрудничества*»⁴⁶⁰.

Другим примером активного использования образа СССР как чего-то тождественного нацистской Германии является статья Марион Дёнгоф «Германия ставит свободу выше единства». В ней положение восточных немцев описывается как рабское, без каких-либо эвфемизмов: «...*рабство и экономическая нищета <...> почти у каждого немца есть прямой или косвенный опыт столкновения с русским рабством*»⁴⁶¹. Полностью уравнивается нацистское правление и советское⁴⁶². Само то, что СССР был союзником США ставится в иронические кавычки - также, как и слово «освобождение»⁴⁶³. Попытки прийти к компромиссу с Советским Союзом прямо клеймятся как «*политика умиротворения*»; и более того, такие попытки не просто аморальны, но они вредны, поскольку каждая такая сделка лишь улучшит положение противника⁴⁶⁴. Это характерное проявление как нарастающей враждебности к СССР (сравнение его с национал-социалистической Германией) в конечном счёте интересно способами делегитимизации попыток достижения

⁴⁵⁷ Peris Daniel. Custiniana: The Many Histories of a Single Trip to Russia 180 Years Ago, and Why It Matters Today// *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2021. Vol. 22. № 2. P.352

⁴⁵⁸ A.C. Sedgwick. The Plot Against Greece // *Foreign Affairs*. 1948. Vol. 26. № 3. P.496

⁴⁵⁹ Schoenfeld H.F.A. Soviet Imperialism in Hungary// *Foreign Affairs*. 1948. Vol. 26. № 3. P.554

⁴⁶⁰ Taborsky E. Benes and the Soviets. // *Foreign Affairs*. 1949. Vol. 27. № 2. P.314

⁴⁶¹ Denhoff M. Germany Puts Freedom Before Unity// *Foreign Affairs*. 1950. Vol. 28. № 3. P.398, 400

⁴⁶² Ibid. P.399

⁴⁶³ Ibid. P.411

⁴⁶⁴ Ibid. P.402

компромисса с СССР. Как прагматически (что всякий такой компромисс усилит позиции Советского Союза за счёт США и союзников), так и идеалистически (приравнивая Советский Союз к нацистской Германии, т.е. светскому аналогу абсолютного зла).

К ней примыкает стремление некоторых авторов всячески поставить под сомнение роль СССР как союзника США и Британской империи в недавней борьбе против Германии. Например, автор, скрывавшийся под псевдонимом R, в статье «Судьба польского социализма» слово освобождение Польши (от нацистов) сразу ставится в иронические кавычки⁴⁶⁵. Описываются четыре основные тактики СССР, использованные для подчинения польских социалистов польским коммунистам: навязывание дихотомии между «прогрессивной» диктатурой или возвращением довоенных порядков; использование своего авторитета как арбитра между социалистами и коммунистами; установление коммунистического контроля над массовыми организациями, такими, как профсоюзы и кооперативы; активное использование политической полиции⁴⁶⁶. Но в целом советский режим изображается как принципиально недоговороспособный: «...компромисс со сталинизмом является концом свободы»⁴⁶⁷. Это является лейтмотивом всех статей, касающихся восточно-европейской темы в указанный период, что было продемонстрировано выше.

Тем самым, в отличие от многих предыдущих статей, рисовалась гораздо более мрачная картина советского режима, фактически, исключавшая с ним нормальные (пусть и напряжённые) дипломатические сношения.

Справедливости ради, стоит отметить, что в тот период были и статьи, в которых выражались более умеренные взгляды. Например, в статье Джона Кэмпбелла «Европейское территориальное устройство», в которой давался обзор территориальных изменений в Европе после Второй Мировой войны. Хотя создание советской зоны влияния в Восточной Европе уже не считается чем-то положительным, но в статье подчёркивается, что текущее положение, пусть и не оптимально, но является единственно возможным. Ведь в условиях союза военного времени с СССР и его значения для антигитлеровской коалиции, США могли либо молча смириться с советскими требованиями, либо рисковать расколом коалиции⁴⁶⁸. Статья примечательна отсутствием агрессивной риторики: так, в числе достоинств американской политики в Париже указывается на то, что, она, одновременно сдержав русскую экспансию в регион Средиземноморья, всё же не исключила вероятности более широкого соглашения с СССР⁴⁶⁹. Раскол признан, ответственность на него воз-

⁴⁶⁵ R. The Fate of Polish Socialism// Foreign Affairs. 1949. Vol. 28. № 1. P.128

⁴⁶⁶ Ibid. P.126-127

⁴⁶⁷ Ibid. P.142

⁴⁶⁸ Campbell J.C. The European Territorial Settlement // Foreign Affairs. 1947. Vol.26. № 1. P.199

⁴⁶⁹ Ibid. P.218

лагается в основном на советское продвижение на запад, но он ещё не осознан как постоянный и жёсткий. Само сотрудничество с СССР ранее воспринимается как легитимное и необходимое, «полезное прошлое» или, говоря словами академика Покровского «политика, опрокинутое в прошлое» не затронула (пока что) в полной мере военное сотрудничество СССР и США в прошлой войне.

И в январе 1949 года тот же автор на примере Белградской конференции указывал, что в условиях открытого соперничества США и их союзников с СССР за лояльность европейских стран основная надежда для США заключается в том, чтобы обвинение в «империализме» было бы более убедительным, если оно направлено против СССР; и что реальное изменение ситуации на Дунае возможно лишь в случае ослабления советской хватки в Восточной Европе по югославскому сценарию⁴⁷⁰.

В номере за январь 1948 года Фредерик Баргхорн, советолог, неоднократно консультировавший в тот период различные государственные ведомства, включая государственный департамент, ЦРУ и военно-воздушные силы⁴⁷¹, в статье «Что русские думают об американцах» указывает на то, что советский народ не разделяет антиамериканского отношения, которое в нём пытается посеять советская власть. Косвенным доказательством служит сама колоссальная антиамериканская послевоенная пропагандистская кампания, которой приходится прикладывать очень серьёзные усилия для того, чтобы убедить советских граждан ненавидеть США⁴⁷². В статье проводится жёсткое различие между советским государством и пропагандистским аппаратом и населением СССР, и безусловным врагом является лишь первое.

Другой представитель этого, сравнительно более умеренного направления, Абрам Бергсон в статье «Русские оборонные расходы» указывал на то, что демобилизация Советской Армии и процесс постепенного возвращения промышленности на гражданские рельсы доказывают неверность более ранних прогнозов, что СССР и после завершения Второй Мировой войны намерен сохранить нечто вроде экономики военного времени⁴⁷³. Автором делается вывод, что нынешняя советская политика относительно военных расходов не позволяет сделать вывод, о неизбежности попыток со стороны русских захватить Европейский континент⁴⁷⁴. Стоит заметить, что господин Бергсон в годы второй Мировой войны был главой всех экономистов, служивших в Управлении Стратегических Служб⁴⁷⁵.

⁴⁷⁰ Campbell J. C. Diplomacy on the Danube//Foreign Affairs. 1949. Vol.27. № 2. P.327

⁴⁷¹ Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise And Fall of America's Soviet Experts. P. 220

⁴⁷² Barghoorn F. C. What Russians Think Of Americans// Foreign Affairs. 1948. Vol. 26. № 2. P.301

⁴⁷³ Bergson A. Russian Defense Expenditures// Foreign Affairs. 1948. Vol.26. № 2. P.375

⁴⁷⁴ Ibid. P.376

⁴⁷⁵ Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise And Fall of America's Soviet Experts. P. 29

Даже некоторое время после чехословацкого государственного переворота в феврале 1948 года, вызвавшего всеобщее негодование на Западе, в статье Брюса Локкарта «Чехословацкая революция» (о коммунистическом перевороте 1948 года) восточноевропейская политика СССР, по мнению Локкарта, больше продиктована желанием обеспечить свою безопасность, чем желанием подготовить плацдарм для нападения. Успехи же коммунистов объясняются через то, что решающую роль в освобождении Чехословакии от немцев сыграл СССР и что коммунисты умело сыграли на германофобии чехов и тактических ошибках предыдущего правительства. Это сочетание и позволило коммунистам продемонстрировать, что решительное, беспощадное и сплоченное меньшинство, контролирующее ключевые позиции в государстве, способно захватить власть над большинством без насилия и иностранной помощи⁴⁷⁶.

Одним из последних умеренных текстов, опубликованных в журнале в указанный промежуток времени, была статья «Коалиция ради мира». Она открывала октябрьский номер журнала за 1948 год, её автор, Гамильтон Фиш Армстронг, взял в ней относительно примирительный тон. Конечно, ответственность на напряжённую мировую обстановку возлагается на злоупотребление Советского Союза правом вето, который характеризуется как полицейское государство. Но при этом Армстронг, однако, призывает к осторожности в «русской» политике. Действительная опасность войны заключается в неясности правил поведения в мировой политике, когда один политический блок уверен в том, что «коллективная безопасность» есть, а другой намерен воспользоваться тем, что с его точки зрения, таковой «коллективной безопасности» не существует. И даже возможность сознательной агрессии СССР «...не так сильна, как опасность того, <...> что в своём невежестве он совершит акт, так мало отличающийся от агрессии, что мы неизбежно примем контрмеры – с непредсказуемыми результатами»⁴⁷⁷. Хотя СССР изображается как диктатура, тем не менее, он не является ни как особенно агрессивная диктатура, ни как фанатичный враг США, опасность исходит не от его злонамеренности, но от его непонимания функционирования механизмов американской и западноевропейской политики и дипломатии. В этом, отличие позиции Армстронга от позиции того же Макджорджа Банди, в рамках которой советское общество не просто инаковое, но ещё и активно-злонамеренно.

Однако это были последние всплески умеренности в данный период, они были в безнадёжном меньшинстве. Их голоса тонули в ранее указанном море враждебных Советскому Союзу образов. И лишь совершенно неожиданные изменения в балансе сил в пользу СССР могли побудить американцев к осторожности. Так, в апреле 1950 года журнал

⁴⁷⁶ Lockhart R.B. The Czechoslovak Revolution// Foreign Affairs. 1948. Vol. 26. № 4. P.644

⁴⁷⁷ Armstrong H.F. Coalition for Peace// Foreign Affairs. 1948. Vol. 27. № 1. P.13

постепенно рефлексировал двойной шок, испытанный американской внешней политикой осенью 1949 года: когда пала американская монополия на атомную бомбу и когда гражданская война в Китае окончилась победой коммунистов. В статье «Стратегия для двух атомных миров» Хэнсон Болдуин писал, что США теперь должны считаться с тем, что у России есть возможность использовать атомную бомбу и что её атомный арсенал будет расти⁴⁷⁸. Но всё же это не означает, что Советский Союз готов к немедленному военному удару по США и их союзникам. Поэтому-то американскому правительству следует как можно скорее принять такие меры, которые убедят СССР, что им не удастся выиграть «горячую» войну с США, даже имея в своём распоряжении атомные бомбы⁴⁷⁹. Но при этом советское правительство не изображается настолько демоническим, что это оправдывало бы против него превентивную атомную войну до достижения им паритета по количеству атомных бомб. Это вполне разумно, в связи с тем, что ранее в статье оплакивалась утрата атомной монополии США. Без таковой любая война с сопоставимым по военному потенциалу противником становится на порядок более рискованным предприятием.

В июне 1950 года началась Корейская война, открывшая очередную главу в мировой истории вообще и в истории Холодной войны в частности. Она потребует соответствующих изменений в политике и риторике стран западного блока. Тем не менее, в период между оглашением «доктрины Жданова» и началом Корейской войны были сформулированы основные столпы западной политики относительно Советского Союза: единство США и Западной Европы под эгидой США, недопущение распространения советского влияния за пределы Восточной Европы, сохранение экономического и политического превосходства над Советским Союзом, отказ от сознательной эскалации противостояния с Советским Союзом до уровня «горячей» войны.

При этом постепенно были стёрты проводимые поначалу отличия между «режимом» и «страной» и проблема восточного блока постепенно рефлексировалась не столько как проблема его основного социалистического режима, но как своего рода продолжение старых, дореволюционных русских государственных традиций. Следовательно, проблема советской внешней политики (с точки зрения западных наблюдателей) заключалась не в том, что она была революционной и, тем самым, «ненормальной» с точки зрения других государств, но в том, что она была слишком «нормальной» с точки зрения их государств и неприятно напоминающей о старой России (которая, стоит помнить, была полноправным членом европейского концерта держав, а не страной-изгоем). Характерным признаком была взаимозаменяемость образов «Советского Союза» и «России». Если раньше в воен-

⁴⁷⁸ Baldwin H. The Strategy for Two Atomic Worlds// Foreign Affairs. 1950. Vol.28. № 3. P.386

⁴⁷⁹ Ibid. P.386, 397

ные и первые послевоенные годы то или иное сближение с царской Россией воспринималось как знак своего рода «нормализации» Советского Союза, шаг на пути к превращению из «революционного» государства в «обычное», то теперь таковое сближение трактовалось как проявление отрицательных черт как советского политического строя, так и в целом стремления к экспансионизму, или же, используя популярное по обе стороны Железного Занавеса, слово, «империализму». Активно начинает использоваться такой приём, как приравнивание советского государственного строя к немецкому национал-социализму. Это являлось тревожным признаком ухудшения советско-американских отношений, ибо недавно побеждённая национал-социалистическая Германия в пропаганде обеих блоков была (заслуженно) сделана секулярной версией абсолютного зла – и, соответственно, приравнивание политики оппонента или его строя к нацистскому, серьёзно способствовало демонизации образа враждебного государства. Стоит отметить, что в большинстве случаев авторы, родом из союзных США государств или эмигрантских диаспор, демонстрировали гораздо большую ожесточённость и враждебность к СССР, чем урождённые американские авторы – что и видно на примере таких авторов, как Батлер, Ванситтарт, Таборский, Дёнгоф, Садак.

Само восприятие советской угрозы также изменилось, чем ближе к концу обозреваемого периода, тем больше она воспринималась в военном ключе. Если в статьях конца 1947 – начала 1948 года суть противостояния осознавалась как создание стабильного и процветающего общества на несоциалистических рельсах, политический и экономический ответ на притягательность социалистической идеологии в условиях послевоенной разрухи, то к началу 1950 года она перетекала в военную область. Точкой перелома можно считать апрельский выпуск 1948 года. После него в журнале воцарилась ортодоксия «сдерживания» Советского Союза, воспринимавшая это государство как иррационально враждебное американским идеям, ценностям и интересам и стремящееся к власти над миром, но при этом пока что не считавшая его непосредственной целью *скорую* войну за мировое господство. Однако стоит обратить внимание на резкое несовпадение между реальным и декларируемым уровнем угрозы американским интересам. Как отмечали такие историки Холодной войны как Одд Арне Вестаг, Советский Союз никогда не обладал экономическим, технологическим и даже военным полным паритетом с США, никогда не был «другой сверхдержавой»⁴⁸⁰. Несмотря на это и большинство авторов журнала *Foreign Affairs* и авторы принятой в апреле 1950 года NSC-68 не сомневались в желании и возможности Советского Союза стремиться к власти над всем миром. Дж. А. Томпсон и А. Стефансон

⁴⁸⁰ Thompson J. *The Geopolitical Vision: The Myth of an Outmatched USA// Uncertain Empire: American History and the Idea of the Cold War.* (edited by J. Isaac and D. Bell). P. 92

указывали, что одной из причин такого дисбаланса между масштабом угрозы и страха перед ней был идеологический фактор, унаследованное от более ранних глав американской истории ощущение, что свобода всегда находится под угрозой со стороны сил тирании и рабства – британского короля Георга III, Папы Римского, южных плантаторов⁴⁸¹.

Исчезли и полутона в восприятии советского присутствия в Восточной Европе: если до 1947 года возможен был как относительный оптимизм относительно просоветских режимов в Восточной Европе, так и признание их определённой автономии, то в рассматриваемый период авторы в журнале *Foreign Affairs* сосредоточились на подчёркивании их полной несамостоятельности и зависимости от советских войск и поддержки. Все просоветские страны стали восприниматься как простые марионетки Кремля. Хотя в основном статьи были свободны от эмоционально-заряженной бранной риторики, тем не менее, она проникала и в некоторые весьма важные статьи (например, цитированную «Упадок дипломатии» лорда Ванситтарта), что является свидетельством значительного пропагандистского напряжения. Но всё же при этом не проводилась линия на опрокидывание настоящего в прошлое, что доказывается наличием статей, защищающих, пусть и с оговорками, политику Франклина Рузвельта в Ялте. То, что позже, на завершающих стадиях Холодной войны и в особенности после неё, станет в западных странах синонимом «Мюнхена», т.е. нечистой сделки с тоталитарной диктатурой, пока ещё воспринималось как пусть неидеальный, но необходимый для своего времени компромисс. Сохранялись и голоса, утверждавшие, что Советский Союз не стремится сознательно к агрессии, что его восточноевропейская политика вытекает скорее из сочетания стремления добиться собственной безопасности и непонимания того, как устроены западные общества.

В целом в указанный период американский журнал самого высшего уровня полностью принял (и, можно сказать, активно участвовал в создании) канона образов Холодной войны. Некоторые эти образы, например, представление о том, что противники США исходят из нерациональных соображений, или что в русской дореволюционной традиции лежит корень экспансионистской политики СССР, пережили и саму Холодную войну, весьма способствовав отравлению международных отношений в пору после завершения Холодной войны.

⁴⁸¹ Thompson J. *The Geopolitical Vision: The Myth of an Outmatched USA// Uncertain Empire: American History and the Idea of the Cold War.* (edited by J. Isaac and D. Bell). P. 92

3.2. Радикализация антисоветской пропаганды в журнале *Foreign Affairs* в 1950-1953 гг.

Корейская война 1950-1953 годов была одним из важнейших событий второй половины XX века. Она подвела собой черту под эрой ранней Холодной войны, зафиксировав контуры нового, двухполярного мира и очертив его границы. Она интенсифицировала самые мрачные черты во внутривнутриполитической жизни двух супердержав – шпиономию, озлобление, подозрительность.

С самого начала Корейской войны советская внешняя политика стала одной из постоянных и часто избираемых тем для статей, публикуемых в журнале. Особенный интерес для русского исследователя представляют оценки роли Советского Союза мировой политике тех лет.

Война, ставшая сперва неожиданностью для США, а потом ставшая неожиданно тяжёлой (после вступления в войну КНР), способствовала крайне серьёзной радикализации риторики относительно Советского Союза. Довольно распространёнными стали сравнения Советского Союза с гитлеровской Германией, а в восточно-европейском контексте освобождение восточно-европейских стран ставилось в иронические кавычки. Некоторые заходили так далеко, что считали в этом отношении советское владычество хуже немецкого. Например, в статье Барри Бранена «Советское завоевание Румынии» утверждалось, что: «...В 1944 году Румынию попросили сбросить немецкие цепи и она сделала это. <...> но после выборов в ноябре 1946 года народ Румынии обнаружил, что оказался в жесточайшем рабстве, которое когда-либо знала страна»⁴⁸² и её опыт взаимодействия с Советским Союзом после 1945 года автор описывает как предостережение всем государствам мира: не доверять Советскому Союзу и любым договорам с ним⁴⁸³. Примечательно, что в повествовании заслуга освобождения Румынии от нацистского контроля целиком приписывается самим румынам, а роль армии СССР сведена к навязыванию Румынии социализма.

Другие авторы в этом отношении были лишь немногим менее радикальны. В статье Пола Зиннера «Марксизм в действии. Захват власти в Чехословакии» действия Советского Союза во время государственного переворота в Праге в феврале 1948 года сравниваются с уничтожением чехословацкой государственности Адольфом Гитлером. Как в смысле непосредственно действий, так и в смысле вызванного этими действиями негодования в

⁴⁸² Brannen B. The Soviet Conquest of Rumania// *Foreign Affairs*. 1952. Vol. 30. № 3. P.487

⁴⁸³ Ibid. P.466

западных державах⁴⁸⁴. Подобные акции выводятся автором прямо из коммунистического *modus operandi*, в рамках которого левые прогрессисты используются как прикрытие и полезные попутчики на пути к захвату власти. После захвата власти прогрессистов отбрасывают в сторону, и автор сожалеет о том, что не все левые некоммунистические партии (т.е. социалисты) усвоили этот исторический урок. Всё это показывает просоветские силы и сам Советский Союз как исключительно опасную в своей последовательности и готовности к вероломству силу. Впрочем, делается оговорка, что хотя в Чехословакии использовалась другая тактика, чем в Польше, Венгрии и других восточноевропейских сателлитах, но общий шаблон действий Советского Союза остаётся одним и тем же⁴⁸⁵. Помимо очевидного сравнения с действиями гитлеровской Германии (что серьёзно повышает пропагандистские ставки, хотя и полностью в русле обрисованной нами в прошлой главе тенденции) Советский Союз изображается как недоговороспособная (из-за своего восприятия мира) сила; сила, с которой невозможен не то, что прочный союз и положительное взаимодействие, но и вообще нормальные отношения. Не менее важен и акцент, который сделан на убеждении социалистов, что для коммунистов они лишь временные попутчики, от которых нужно избавиться. Важное замечание, учитывая традиционную силу левых партий в западноевропейских странах, чья интеграция в американоцентричные атлантические структуры была одним из приоритетов внешней политики США того времени.

К такой стратегии вплотную примыкают те авторы, которые «опрокидывают в прошлое» плохие советско-американские взаимоотношения, распространяя их на период военного союзничества. Например, Артур Грей-младший в статье «Тридцать восьмая параллель» демонстрирует характерный пропагандистский приём как опрокидывание текущей политики в прошлое. Исходя из современных ему затруднений американской в политике в Корее, автор ретроспективно считал допуск СССР до участия в войне против Японии ошибкой американского военно-политического руководства. Ошибкой технической, основанной на неверных оценках японского военного потенциала, и политической (само принципиальное решение пустить Советский Союз участвовать в войне на Тихом Океане и получить, следовательно, статус победителя и трофеи) – и в итоге эта ошибка привела к усилению русского влияния на Тихом Океане вообще и в Корее в частности⁴⁸⁶.

Обратной стороной этого приёма, принижения сотрудничества СССР и США в годы войны, рассмотрения его как прелюдии к текущему противостоянию, было то, что «тождество» Советского Союза и нацистской Германии стремились доказать, обвиняя

⁴⁸⁴ Zinner P. Marxism in Action. The Seizure of Power In Czechoslovakia// Foreign Affairs. 1950. Vol.28. № 4. P.644

⁴⁸⁵ Ibid. P.658

⁴⁸⁶ Grey Jr A. The Thirty-Eighth Parallel// Foreign Affairs. 1951. Vol.29. № 3. P.482

И.В. Сталина в пособничестве гитлеризму с момента его прихода к власти. Так, в статье Гордона У. Милликана «Наука советской политики: «Правда» о Гитлере в 1933 году» СССР прямо обвиняется в том, что его жёсткая позиция помогла привести Адольфа Гитлера к власти в Германии, что Кремль слева, а нацисты справа уничтожили политический центр Веймарской республики⁴⁸⁷. С учётом демонизированности фигуры Гитлера, помощь в его приходе к власти (так же, как и обвинения в том, что пакт о ненападении с Германией являлся формой военного союза), несомненно, являлась сильным средством для того, чтобы повредить продвигаемый Советским Союзом свой образ как главной антифашистской силы.

Впрочем, несмотря на (а, возможно, благодаря тому что) то, что приравнение СССР к недавно разгромленному и дискредитированному германскому рейху значительно повышало пропагандистские ставки в условиях уже идущей «ограниченной» войны, основной упор в создании образа врага делался на иные вещи.

Во-первых, Советский Союз изображался как эгоистическая и шовинистическая держава, наследник Российской Империи, следующий лишь своим интересам. Так К.М. Чан в статье «Коммунизм и национализм в Китае» в июльском выпуске журнала за 1950 год писал о том, что Сталин превратил мировое коммунистическое движение в орудие русской великодержавной политики, а Советский Союз – в русское «ультрашовинистическое» государство. Само слово «интернационализм» при нём стало означать то, что помогает интересам Советского Союза⁴⁸⁸. Но при этом, хотя Советский Союз проводит «ультрашовинистическую» политику, то просоветские силы вообще и просоветские силы в Китае в особенности не способны отстаивать свои национальные интересы и вести себя независимо относительно СССР. Красной нитью через статью проходит мысль, что пока у власти в Китае остаётся КПК, то Китайская Народная Республика продолжит быть верным советским вассалом, что все ожидания на раскол между советскими и китайскими коммунистами на почве национализма наивны и что китайские коммунисты душевно готовы к тому, чтобы стать сателлитами Москвы⁴⁸⁹; и даже что пока в Китае власть принадлежит коммунистической партии, там неизбежно будут усиливаться позиции «русского шовинизма». (Конечно же, действительность несколько отличалась от этих пессимистических ожиданий, иногда разительно, как в случае с якобы имевшей место быть психологической готовностью КПК принять статус сателлита ВКП(б)-КПСС). Другим образом, используемым относительно СССР в данной статье, является обвинение его в попытке ан-

⁴⁸⁷ Millikan G. The Science of Soviet Politics. «Pravda» on Hitler in 1933// Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. № 3. P. 485

⁴⁸⁸ Chang C. M. Communism and Nationalism in China// Foreign Affairs. 1950. Vol. 28. № 4. P. 557

⁴⁸⁹ Ibid. P. 560-561

нексировать Маньчжурию, на тот момент самый развитый промышленный регион Китая. Доказательством являлись ссылка на слова тогдашнего государственного секретаря США Дина Ачесона и утверждение, что якобы в Маньчжурии русский язык сделан обязательным языком обучения, а на селе проводится коллективизация⁴⁹⁰. Советский Союз, тем самым, изображается в первую очередь как агрессивное националистическое государство. Но, конечно же, основной целью статьи является компрометация сторонников более мягкого отношения к КНР и сторонников тезиса, что США могут эксплуатировать национальные противоречия между КНР и СССР. В этом отношении «тайваньское лобби», имевшее возможность тесно контактировать с американской элитой на всех уровнях и широко распространять свои воззрения на тихоокеанскую политику США во влиятельных изданиях, своего добились. Как мы знаем, вплоть до 1970-х годов между КНР и США не существовало нормальных дипломатических отношений. Здесь стоит заметить наше резкое расхождение с взглядами А.О. Буранка и Д.А. Нестерова, считающими, что Чан относился к Мао Цзэдуну как к китайскому националисту⁴⁹¹.

С этим образом врага как шовинистически настроенной великой державы неразрывно было связано изображение Советского Союза как прямого наследника Российской Империи. В том же выпуске журнала Фицрой Маклин в статье «Восточный вопрос в современной одежде» походя писал: «...наследники Ленина стали загрывать чужие земли в лоно Руси-матушки так резво, как не могли себе представить Александр III и Николай II»⁴⁹², сплетая тем самым образы русской и «советской» агрессивности и при этом недвусмысленно указывая на то, что последняя всё же опасней за счёт амбициозности своих политических и стратегических целей.

Английский географ У. Гордон Ист использовал старые «геополитические» концепции Хэлфорда Маккиндера для анализа советских военных возможностей и перспектив. Используя взаимозаменяемо слова «русский» и «советский», он, тем не менее, указывал на критическую важность для США и их союзников не допускать попадания под контроль СССР, уже контролирующего и Восточную Европу и маккиндеровский «Хартлэнд», также Западной и Южной Европы, Ближнего Востока и Японии⁴⁹³. В другой своей статье за тот же период, «Новые границы Советского Союза», Ист, перечисляя территориальные изменения по итогам Второй Мировой войны, указывал, что традиционные русские территориальные амбиции теперь являются частью советской внешней политики и что на не-

⁴⁹⁰ Chang C. M. Communism and Nationalism in China// Foreign Affairs. 1950. Vol. 28. № 4. P.563

⁴⁹¹ Буранок А.О., Нестеров Д.А. Гражданская война в Китае по материалам журнала «Foreign Affairs»// Самарский научный вестник. - 2020 - №9(3). - С.225

⁴⁹² Maclean F. The Eastern Question in Modern Dress// Foreign Affairs. 1951. Vol. 29. № 2. P. 238

⁴⁹³ East G.W. How Strong Is the Heartland? // Foreign Affairs. 1950. Vol. 29. № 1. P. 93

которых стратегических направлениях СССР расширился за пределы Российской Империи⁴⁹⁴.

В том же духе писал Франк Улиг-младший в статье «Угроза советского флота». В ней он долго описывает советские военно-морские приготовления, указывая на сильные и слабые стороны русского флота. Само то, что советский флот усиливается и становится реальным противником на море⁴⁹⁵, является доказательством экспансионистских замыслов СССР. Причём замыслов не новых, а являющихся прямым продолжением русской внешней политики на протяжении пяти веков – выйти к тёплым морям⁴⁹⁶. Эти историко-философские спекуляции о вековом стремлении (с невольной лестью старым и новым правителям России, что все они без исключения пытались расширить русские пределы) русского государства к расширению и к тёплым морям дополняются стратегическим тезисом, ведь : «...*Мало смысла для русских в том <...> если их стратеги всего лишь намерены скрывать их [строящиеся корабли] за крепостными стенами – и это когда добычей, за которую ведётся бой, является весь остальной мир*»⁴⁹⁷. Тем самым, экспансионизм советский, с точки зрения Улига, будучи продолжением экспансионизма царского, ставит перед собой гораздо более широкую цель мирового господства. Кроме того, сама обширность ставок, с точки зрения автора, судящего о советском флоте по американскому опыту военно-морского строительства и использования военно-морских сил в мирное время, будет неизбежно толкать советскую военно-морскую политику к активным действиям. И это, в свою очередь, позволяет подкрепить процитированные выше спекулятивные рассуждения об «историческом русском экспансионизме» рационализирующими доводами о неизбежной агрессивности советской военно-морской политики.

Одной из наиболее показательных статей в этом отношении являлась статья профессора Фрэнка Танненбаума «Американская традиция дипломатии». В ней автор дал чрезвычайно интересный пример восприятия мира значительной частью американской интеллигенции. Танненбаум (стоит отметить, не будучи специалистом по международным отношениям или по России) резко критикует традиционную европейскую дипломатию как аморальную, не соответствующую американским ценностям и доведшую ряд своих исповедников до национальной катастрофы. Что же касается проблем во взаимоотношениях с Россией, то: «...*Мы не можем принять отказ России от признания равного характера прочих государств. Мы не верим в Большую Пятёрку, Большую Тройку или Большую Двойку*». Тем самым, формально сводя образ советского (русского) врага к его неуваже-

⁴⁹⁴ East G.W. The New Frontiers of the Soviet Union // Foreign Affairs. 1951. Vol. 29. № 4. P. 592, 596

⁴⁹⁵ Uhlig, jr F. The Threat of the Soviet Navy// Foreign Affairs. 1952. Vol.30. № 3. P.448

⁴⁹⁶ Ibid. P.453

⁴⁹⁷ Ibid. P.454

нию к правам малых наций, подход Танненбаума по сути декларировал готовность к горячей войне из-за этого: «...В американской традиции <...> нет места тому, чтобы по жертвовать России любую нацию, <...> ради того, чтобы гарантировать ослабление «холодной» войны или ради того, чтобы она не переросла в горячую»⁴⁹⁸. Более того, делается резкое и абсолютистское утверждение: «...наша защита Кореи объяснима только на основании того, что единственный мир, в котором американцы могут комфортно жить, это мир, в котором у Кореи не больше права атаковать и расчленять Россию, чем у России – атаковать и расчленять Корею или Финляндию»⁴⁹⁹. По сути, статья призывала к отказу от использования традиционных средств достижения компромисса и отказу от традиционной дипломатии в пользу резко американоцентричного восприятия мира, пусть даже ценой за этой будет риск атомной войны – и это говорилось прямым текстом. Характерно, что о враге в основном говорится как о «России», а не о «Советском Союзе», образ врага, создаётся более глубокий и прочный, чем разницы социального и экономического строя СССР и США.

В целом можно сказать, что с точки зрения американских авторов в описываемый период врагом США был не только Советский Союз сам по себе и не его идеология, но государственность России. И чем более сближался (хотя бы лишь формально) Советский Союз со своей предшественницей, тем острее проявлялась эта враждебность, поскольку для большинства авторов СССР был лишь той же старой Россией, но более амбициозной и энергичной.

К этой линии критики примыкает критика Советского Союза «слева» - за то, что он, по сути, не является «социалистическим» государством, но лишь притворяется таковым. Так, в статье «Албания, советская пешка» Владимир Дедиер разводил в разные стороны образы Советского Союза и социализма; социализм является стремлением к равенству между людьми и народами, он не имеет ничего общего с политикой Советского Союза⁵⁰⁰. Отрицалось то, что Советский Союз является социалистической страной; наоборот, там государственный капитализм в духе царской России⁵⁰¹. Эту преемственность Дедиер находил не только в целях Российской Империи и Советского Союза, но и в средствах, например, в обвинении жертвы перед будущим ударом по ней. Тем самым, стандартные для левых идеологий образы врага («капитализм», «империализм», «угнетение малых наций») использовались против СССР.

⁴⁹⁸ Tannenbaum F. The American Tradition of Foreign Relations//Foreign Affairs. 1951. Vol.30. № 1. P.50

⁴⁹⁹ Ibid. P.34

⁵⁰⁰ Dedijer V. Albania, the Soviet Pawn// Foreign Affairs. 1951. Vol.30. № 1. P.103

⁵⁰¹ Ibid. P.104

Однако Дедиер, указывая на то, что Советский Союз продолжал политику царской России, отмечал, вслед за многими другими авторами в рассматриваемый период, что он гораздо опаснее, ибо стремится к мировому господству, ставит не ограниченные цели, как «царизм», но тотальные⁵⁰².

Другим примером такой критики Советского Союза «слева» является статья М.С. Хандлера «Коммунистическая догма и югославская практика». Стремясь показать значимость Югославии для американской политики в Европе и на Балканах⁵⁰³, он недвусмысленно проводит различие между югославским социализмом и советским, в том числе и в их взаимоотношениях между партийным и государственным аппаратом. Если в Советском Союзе коммунистическая партия стала чиновничеством, то в Югославии - нет⁵⁰⁴. Здесь образ «огосударствившейся» коммунистической партии используется не только для критики советской внутренней политики, но и для демонстрации американскому читателю, что Югославия (тоже социалистическая страна) принципиально, с точки зрения американских идей, ценностей и интересов, отличается в лучшую сторону от СССР. Стоит отметить, что в отсутствие европейского аналога «китайского лобби» журнал демонстрировал готовность, не колеблясь, пользоваться национальным расколом в «мировом коммунистическом движении», в данном конкретном случае – советско-югославским.

К использованию старых антимонархических, антирусских образов подчас примыкали и надежды на своего рода воскрешение нового антиправительственного движения, по аналогии, в первую очередь, с декабристским движением первой четверти XIX века. Так, в статье В.В. Кульского, «Может ли Россия оставить цивилизацию?» оспаривается взгляд на Россию и на Советский Союз как на государство неевропейской культуры⁵⁰⁵. Но такая относительная умеренность в конструировании образа врага и ограничение критики его культуры вытекает из надежды на то, что именно европейские элементы в советском блоке и в пределах самого Советского Союза окажутся особенно восприимчивы к антиправительственным настроениям. Настроениям, которые Советский Союз и дружественные ему правительства не смогут искоренить никакими показательными процессами. И, более того, автор полагает, что экспансия Советского Союза в Восточную Европу приведёт не только к тому, что СССР будет навязывать странам-сателлитам свои политические идеи, но и к тому, что подрывные для Советского Союза политические идеи также смогут проникать в него через этот регион⁵⁰⁶. Следует запомнить этот тезис. Он неоднократно

⁵⁰² Dedijer V. Albania, the Soviet Pawn// Foreign Affairs. 1951. Vol.30. № 1. P.107

⁵⁰³ Handler M.S. Communist Dogma and Yugoslav Practice// Foreign Affairs. 1952. Vol. 30. № 3. P.443

⁵⁰⁴ Ibid. P.431

⁵⁰⁵ Kulski W. Can Russia Withdraw from Civilisation? // Foreign Affairs. 1950. Vol.28. № 4. P.627

⁵⁰⁶ Ibid. P.643

будет повторяться в этом журнале и, шире, в западной (и не только западной) историографии о том, что ознакомление личного состава серьезно усилило либеральные и оппозиционные настроения в СССР и это, в свою очередь, побудило советское правительство «закручивать гайки» после войны во внешней и внутренней политике.

Другим примером слияния воедино образов России и Советского Союза как врагов США и последующей их критики «слева» была статья Соломона Шварца «Пересматривая историю русского колониализма». В ней декларируется, что целью исторической политики сталинского Советского Союза является реабилитация дореволюционной русской политики⁵⁰⁷. С точки зрения Соломона Шварца «...*независимо мыслящие писатели никогда не сомневались в том, что негативные факторы преобладали*»⁵⁰⁸ во время русского территориального расширения до революции. Тем самым, обвинение в «колониализме», выдвигаемое советской стороной против западных держав, пытались возлагать на Россию, включая использование старых революционных и либеральных штампов о «тюрьме народов». Американская пропаганда, несмотря на свой искренний антикоммунизм, не намерена была отказываться от набора шаблонов и представлений левого политического фланга. И это несмотря на то, что значительный сегмент американского общества с трудом был готов переварить союзничество с лейбористской Англией как «социалистической» (как раз незадолго до публикации вышецитированной статьи сенатор от Висконсина Дж. Маккарти публично упрекал лейбористское правительство Великобритании в пособничестве СССР⁵⁰⁹). Между прочим, статья С. Шварца до сих пор периодически используется по своему прямому пропагандистскому назначению. Например, в статье Г. Осканяна «Очень двусмысленная империя»⁵¹⁰ и во вступительной статье к монографии *EU and Russian Hegemony in the 'Shared Neighbourhood'*⁵¹¹.

Третьим средством было изображение Советского Союза как державы, неуклонно стремящейся к мировому господству и потому активно участвующей в разжигании войны – не только Холодной войны, но и Второй Мировой. В октябрьском выпуске за 1950 году Ху Ши в статье «Китай в сталинской большой стратегии» сделал амбициозное заявление: «...*Я предлагаю изучить сталинскую большую стратегию захвата мира*»⁵¹². Указанная цель в виде - ни больше ни меньше - достижения мирового господства, по мнению Ху Ши

⁵⁰⁷ Schwarz S. Revising the History of Russian Colonialism// Foreign Affairs. 1952. Vol.30. № 3. P.488

⁵⁰⁸ Ibid. P.490

⁵⁰⁹ Jussi M. Hasimaki. 'The Number One Reason': McCarthy, Eisenhower and the Decline of American Prestige in Britain, 1952-1954// (edited by J. Hollowell) Twentieth Century Anglo-American Relationship. New York: Palgrave Macmillan, 2001. P.107

⁵¹⁰ Oskanian K. K. A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism// Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. № 1. P. 26–52.

⁵¹¹ Burmester I. EU and Russian Hegemony in the 'Shared Neighbourhood'. The European Union in International Affairs. Palgrave Macmillan, Cham., 2024.

⁵¹² Shih H. China in Stalin's Grand Strategy// Foreign Affairs. 1950. Vol. 29. № 1. P.11

достигается преимущественно за счёт грубой военной силы и обмана, а такие средства и такая стратегия не могут преуспевать в мире без войны и хаоса⁵¹³. Советский Союз вновь изображается как сила, принципиально и неизменно разжигающая войны, включая Вторую Мировую войну, в разжигании и затягивании которой обвиняется Сталин, и не способная без таковых существовать. Показателен и возбуждённый тон статьи, даже не пытающийся претендовать на объективность.

В статье Байрона Декстера «Клаузевиц и советская стратегия», как и в предыдущей статье, советскому государству приписываются далекоидущие цели, но при этом арсенал задействованных им средств описывается гораздо более разнообразно и эмоционально. Целью Советского Союза является уничтожение всех демократических правительств с заменой на просоветские марионеточные диктатуры. Средства для этого используются самые разнообразные: «*«Мирное наступление» в Москве, культурная конференция в Варшаве, забастовка во Франции, вооружённое восстание в Чехословакии, вторжение в Грецию и в Корею полностью экипированными войсками»*⁵¹⁴. Таким образом, СССР приписываются тотальные политические цели и способность активно использовать и координировать антиамериканскую активность по всему миру, вплоть до, с точки зрения Декстера, прямой военной интервенции в Грецию (очевидно неверное заявление, ибо после советско-югославского раскола 1948 года СССР лишился множества возможностей помощи греческим повстанцам – не говоря уже о том, что советские войска никогда не помогали прямо антиправительственным силам в Греции). Специфика советской «большой стратегии» выводится из догматической приверженности коммунистических вождей идеям Карла Клаузевица о войне. Статья завершается на довольно тревожной ноте, намекающей на возможное перерастание Холодной войны в горячую, и что, в связи с этим, есть причины как можно лучше изучать идеи Клаузевица, которые лежат (якобы) в основе советской стратегии⁵¹⁵. Как видим, переплетаются пропагандистские темы «мирового господства» и «догматизма», как основные мотивы действия вражеской державы. Сочетание их позволяет грубо объяснить упорство противника: почему ему необходимо вредить? Потому что он стремится к власти над миром. А почему он стремится к власти над миром? Потому что руководство догматично верит в что-то. При этом отдельно подчёркивается, что догматизм неразрывно связан с чем-то прошлым, устаревшим, в конкретном случае – с доктринами Карла Клаузевица, но в более широком контексте этот же тезис касался и марксизма, что позволяло создать образ Советского Союза как, в конечном счёте «устаревшей» дер-

⁵¹³ Shih H. China in Stalin's Grand Strategy// Foreign Affairs. 1950. Vol. 29. № 1. P.14

⁵¹⁴ Dexter B. Clausewitz and Soviet Strategy// Foreign Affairs. 1950. Vol.29. № 1. P.41

⁵¹⁵ Ibid. P.55

жавы в сравнении с «прогрессивной» Америкой. Стоит заметить, этот публицистический текст имел достаточно большое значение для изучения советской военной науки в западных странах, и ссылки на него имеются и в труде Г. Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика» и в монографии Р. Гартхоффа о советской военной доктрине и даже в пропагандистско-публицистической коллективной работе о «русской политической войне»⁵¹⁶.

В январском выпуске за 1951 году Самнер Уэллес в статье «Два решения Рузвельта: один дебет, один кредит» целиком взваливает проблемы послевоенного устройства мира на неуступчивость советской дипломатии⁵¹⁷. Впрочем, основная задача статьи Уэллеса заключалась больше в защите образа своего бывшего шефа, Франклина Делано Рузвельта, от обвинений в мягкости относительно коммунизма (бывшими ходовой монетой во время американских дискуссий о внешней политике в те времена). Поэтому Уэллес заливается соловьём, что для Франклина Делано Рузвельта коммунизм был «нетерпимой» вещью, и что главным союзником коммунизма является война⁵¹⁸. Снова мы видим создание образа Советского Союза как государственного образования, кровно заинтересованного в войне, в кризисе, не могущего существовать без них. Это позволяет перебросить своего рода мост к критике Советского Союза с позиций морального абсолютизма.

Другим примером критики Советского Союза за готовность твёрдо отстаивать свои национальные интересы является статья Дж. Питера Неттла «Немецкие репарации в советской империи». В ней подробно рассматриваются методы извлечения репараций Советским Союзом и их объёмы. Активно используются иронические кавычки при слове «освобождение» (в контексте освобождения от немцев и японцев) Польши, Чехословакии и Маньчжурии – и яркие образы из мира животных (например, «*осьминог советских репараций*»)⁵¹⁹. Активное стремление СССР к получению репараций критикуется автором как эгоистическое, жестокое и немало способствовавшее ухудшению отношений с западными державами, немецким общественным мнением и даже немецкими коммунистами⁵²⁰. В целом Советский Союз изображён как своего рода «красный Шейлок», зверски-эгоистическое государство, которое ради ограниченных, но материальных приобретений готово идти на политическое обострение с бывшим союзником, каким бы выгодным в более отдалённой перспективе было бы сотрудничество. И, следовательно, возможные попытки найти с ним компромисс в прошлом, настоящем или будущем бессмысленны.

⁵¹⁶ См. на [Google Scholar](#).

⁵¹⁷ Welles S. Two Roosevelt Decisions. One Debit, One Credit// Foreign Affairs. 1951. Vol. 29. № 2. P.185

⁵¹⁸ Ibid. P.204

⁵¹⁹ Nettl P. German Reparations in the Soviet Empire// Foreign Affairs. 1951. Vol. 29. № 2. P. 300, 306

⁵²⁰ Ibid. P.307

Но всё же львиная доля критики в этот период была связана, в первую очередь, с обвинениями моралистского характера. Так, в октябрьском выпуске 1951 года в статье «Единые в навязывании мира» сенатор от штата Иллинойс (от демократической партии) Пол Дуглас обрушивается с яростной эмоциональной критикой на советское поведение в ООН и клеймит её сателлитов «...*свитой рабских государств*»⁵²¹. Характерно использование эмоционально заряженного оборота «рабские государства» относительно советских сателлитов. Главной темой статьи является критика права вето со стороны постоянных членов Совета Безопасности ООН и в статье предлагаются способы, как было бы возможно его обойти теми или иными средствами, поскольку используя его Россия способна удерживать от действий проамериканские государство в ООН⁵²². В целом, признавая то, что право вето выгодно также и США, автор выстраивает образ России как *единственного* препятствия в деле международной кооперации и реализации международного права. И при этом противостояние связано, с точки зрения автора, не только и не столько с практическими расхождениями национальных интересов, но и, разумеется, в духе «доктрины Трумэна», с противостоянием (американских) «свободных» государств и (советских) «рабских», а также приравнивания взаимодействий государств между собой с взаимодействиями людьми в пределах одного государства (ср. процитированный выше пассаж про «законопослушные нации»).

Эта мысль получила развитие в июльском выпуске журнала за 1952 год. Артур Спенсер в статье «Советское давление на Скандинавию» утверждает, что Холодная война и связанная с ней борьба идеологий имеет не юридический, а моральный характер⁵²³. Сама использование образа «моральной» борьбы означает резкое сужение поле для компромисса, ибо между добром и злом, свободой и рабством, моралью и аморализмом невозможен компромисс. Если разногласия осознают как разногласия практического толка, то компромисс, по крайней мере, в виде отказа от самых радикальных требований обеих сторон, является весьма вероятным. Но изображение противостояния как «морального» сокращает вероятность такого сценария.

Эта мысль, об абсолютном и моральном характере советско-американского противостояния, особенно рьяно развивалась бывшими американскими левыми, которые по мере нарастания советско-американских противоречий с энтузиазмом «сжигали то, чему поклонялись, и поклонялись тому, что сжигали». Так, в октябрьском выпуске журнала за 1952 года Бертрам Вольф в статье «Операция переписывания. Агония советских истори-

⁵²¹ Douglas P. United to Enforce Peace// Foreign Affairs. 1951. Vol.30. № 1. P.1

⁵²² Ibid. P.2

⁵²³ Spencer A. Soviet Pressure on Scandinavia// Foreign Affairs. 1952. Vol.30. № 4. P.653

ков» в крайне резких выражениях характеризует цели исторической политики позднего сталинизма: «...уничтожить критическое мышление, <...> искоренить настолько сильно, насколько это возможно, всякое дружелюбие и всякие простые человеческие чувства к народам, избранным в качестве следующих жертв <...> подготовить следующие шаги для достижения долгосрочной цели: тотального мирового господства»⁵²⁴. Характерно повторение фразы про «тотальное мировое господство», ранее уже встречавшегося в статьях за этот период. Но при этом не может не обратить внимания столь резкое усиление моралистской компоненты, стремления изобразить врага стремящимся покончить не только и не столько с политической оппозицией, сколько с объективностью как таковой и даже с дружелюбием(!). Стоит заметить, что Вольф был одним из основателей американской коммунистической партии, но был из неё исключён после того, как в 1927 году выступил против политики И.В. Сталина. В период ранней Холодной войны Вольф часто выступал на Радио Свободная Европа и работал на Гуверовский институт. Как отмечает Дэвид Энгерман радикализм не препятствовал участию Вольфа в его советологической деятельности, и он регулярно контактировал с истеблишментом американских университетов⁵²⁵.

На основании анализа советской историографии Вольф делает следующий вывод – что не будет никакого смягчения советской политики, ни внутри страны, ни за её пределами⁵²⁶. Интересен апокалиптический, квазиманихейский тон статьи. Ведь, согласно автору, Советский Союз противостоит не Америке, не Западу даже, но «всем народам Земли», ни больше, ни меньше.

А в апрельском выпуске 1953 года Бернанд Таурер в статье «Последний тезис Сталина» крайне эмоционально излагает свой образ Советского Союза и его правителей: «*в этом есть некий вид <...> безумия, которое признаёт факты только до той степени, пока они укладываются в концепцию*»; «*советский фюрер*»; «*такое словесное уродство как «народные демократии»*»⁵²⁷. Сравняется отношение довоенного СССР к гитлеровской Германии и отношение послевоенного СССР к западным державам и делается вывод, что из-за «родственности душ» между СССР и Германией, сталинский Кремль относился более мягко к тогдашней Германии, чем к современным ему США⁵²⁸. Больше того, Советский Союз обвиняется в поддержке ультраправых националистических сил на Западе с конечной целью спровоцировать войну между капиталистическими державами: «*Его ла-*

⁵²⁴ Wolfe B. Operation Rewrite: The Agony of Soviet Historians// Foreign Affairs. 1952. Vol. 31. № 1. P.55-56

⁵²⁵ Engerman D. C. Know Your Enemy: The Rise And Fall of America's Soviet Experts. P. 166-167

⁵²⁶ Wolfe B. Operation Rewrite: The Agony of Soviet Historians// Foreign Affairs. 1952. Vol. 31. № 1. P.56

⁵²⁷ Taurer B. Stalin's Last Thesis // Foreign Affairs. 1953. Vol.31. № 3. P. 373, 378-379

⁵²⁸ Ibid. P.379

кеев во всех странах, что не под советской пятой, призвали делать всё, что в их силах, чтобы усилить силы крайнего национализма, включая фашизм и нацизм»⁵²⁹. Подобные образы априори разрушают попытки коммуникации с Советским Союзом, изображая его поистине недоговороспособным государством.

Филипп Мосли в своей статье «Девятнадцатый съезд партии» также обвинял Советский Союз в том, что тот сейчас стремится к «...временным союзам с ультранационалистическими и полутоталитарными силами против демократического центра»⁵³⁰. Именно Филип Мосли являлся самым крупным и значимым советологом того поколения⁵³¹. Он был политическим советником государственного департамента во время Второй Мировой войны и присутствовал на дипломатических конференциях стран-союзников в Париже, Москве и Потсдаме.

Чуть позже, уже после прихода к власти республиканской администрации Эйзенхауэра Филип Мосли, как и Джордж Кеннан и некоторые другие учёные был привлечён к проекту «Соляриум», анализирувавшему основные варианты американской политической стратегии (изоляция, сдерживание и «отбрасывание» коммунизма). В итоге рекомендации всех трёх групп свелись к дальнейшему увеличению американских военных расходов⁵³².

В июльском выпуске журнала за 1953 год в статье «Борьба за советское наследство» Бертрам Вольф продолжал использовать квазиманихейский, демонический образ Советского Союза, как державы неустанно стремящейся к завоеванию мира, системы основанной на перманентном подавлении народов СССР и желающая совершить то же самое со всеми другими народами. И из-за этой своей, по сути, оккупационной, природы, не могущая выработать легитимность⁵³³. Опять сравниваются Советский Союз и фашистские государства, с точки зрения их государственного строя⁵³⁴, так и национальной политики: «...Некогда интернационалистическая коммунистическая партия долго играла с огнём великорусского национализма и шовинизма»⁵³⁵. И при этом, с точки зрения Вольфа всякие уступки со стороны СССР являются лишь тактическими уловками, вызванными собственной слабостью.

Не менее важным средством в арсенале американских авторов было изображение советской политики как догматической. Скажем, в октябрьском выпуске журнала за 1952

⁵²⁹ Taurer B. Stalin's Last Thesis // Foreign Affairs. 1953. Vol.31. № 3. P.381

⁵³⁰ Mosely P. The Nineteenth Party Congress // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. № 2. P.253

⁵³¹ Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise And Fall of America's Soviet Experts. P. 14

⁵³² Ibid. P. 115-116

⁵³³ Wolfe B. The Struggle for the Soviet Succession// Foreign Affairs. 1953. Vol. 31 № 4. P.550

⁵³⁴ Ibid. P.553-554

⁵³⁵ Ibid. P.563

год этот образ используется в статье Лазаря Волина «Завинчивание гаек в советском сельском хозяйстве». Там автор объяснял изменения в советской аграрной политике следствием неуёмного и непреклонного марксистского догматизма большевистского руководства. Но затем, вполне в духе общего настроения авторов журнала того времени, укрупнение колхозов связывалось с возможной подготовкой СССР к агрессивной войне в ближайшие несколько лет⁵³⁶. При этом твёрдость (обусловленная, с точки зрения Волина, догматическим марксизмом) Кремля такова, что он готов идти даже на самые незначительные послабления только под угрозой социального взрыва. И, как только непосредственная угроза проходит, советское правительство ликвидирует и эти послабления⁵³⁷.

Тот же лейтмотив догматизма как основы советской политики, используется в статье Кальвина Гувера «Советское государство не смогло отмереть». В ней советское правительство сравнивается с иноверцами-завоевателями, контролирующими определённую территорию и не могущими отказаться от догм своей веры даже в мелочах⁵³⁸. При этом разводятся в разные стороны марксизм и социализм, с одной стороны, и советское государство с другой, подчёркивается, что марксистская доктрина не оправдывает сталинский режим. Основная критика сосредоточена (помимо действий советского государства) на «тоталитаризме» и «коллективизме», например: «*«Временная» диктатура пролетариата породила самое тоталитарное государство современного времени*»⁵³⁹. В целом, здесь скрещивается воедино образ Советского Союза как реакционной державы, лишь прикрывающейся марксизмом, и Советского Союза как по сути, «религии с государством», отсюда сравнение его идеологии с государственной религией, навязанной некоей территории завоевателями. Это подменяет необходимость рациональной дискуссии о советской внешней политике и её взаимосвязи с внешней политикой других держав и с советской же внутренней политикой декларациями о её непоколебимом, по сути религиозном, догматизме.

Иногда к этому образу идеологического догматизма добавлялись новые элементы. Возьмем, например, статью О. Утиса⁵⁴⁰ «Генералиссимус Сталин и искусство управления» изображает Советский Союз как государство, чья политика определяется неизменными догмами марксизма, причём неизменными в буквальном смысле: «...никакое серьёзное изменение основ марксистской теории невероятно внутри системы, чьей центральной

⁵³⁶ Volin L. The Turn of the Screw in the Soviet Agriculture// Foreign Affairs. 1952. Vol.30. № 2. P.287

⁵³⁷ Ibid. P.288

⁵³⁸ Hoover C. The Soviet State Fails to Wither // Foreign Affairs.1952. Vol. 31. № 1. P.115

⁵³⁹ Ibid. P.120

⁵⁴⁰ Под этим псевдонимом скрывался известный британский философ и историк идей Исайя Берлин

догмой она является»⁵⁴¹. Сталин, с точки зрения Утиса, создал жестокий, но эффективный пропагандистский аппарат, позволяющий ему контролировать настроения в партии и в стране. И это средство, несмотря даже на то, что идеологическая монополия могла пострадать из-за столкновения многих советских людей с жизнью в Европе по результатам Второй Мировой войны и посеять семена новой версии декабризма, обладает большим запасом прочности. Ведь мало правительств было уничтожено сугубо процессом внутреннего разложения, без толчка извне⁵⁴². Интересна, что относительно советских правителей, говорится о деморализующем влиянии деспотизма, что не только привносит элемент моралистского обличения врага, но и надежду на неизбежность ослабления ума и воли руководящего состава противника.

Схожая аргументация используется в статье Евгения Кулишера «Русский мобилизационный потенциал». В ней утверждается, что само внутреннее устройство советского государства на долгой дистанции будет способствовать упадку интеллектуальных и культурных способностей советской интеллигенции: *«Определённо эти числа [работников умственного труда] не отражают воображаемый разрыв между западной цивилизацией, основанной на научном методе, и традиционно полуварварском славянском востоке. <...> смертоносная хватка коммунизма на русских умах вероятно, не будет серьёзно ощущаться до следующего поколения «работников умственного труда»»*⁵⁴³. Характерно использование расистских клише о «полуварварском славянском востоке» для создания образа врага в виде Советского Союза.

В целом, в период Корейской Войны произошла резкая демонизация образа Советского Союза и России в целом. СССР изображали как тоталитарное государство, не сильно отличающееся от гитлеровского, как более опасного наследника якобы экспансионистской царской России, как шовинистическое государство, фанатично стремящееся к мировому господству – иными словами, как образование, борьба с которым имеет в первую очередь моральное значение. Стоит отметить, что наиболее агрессивный тон брали представители этнических лобби (оба китайских автора) и «раскаявшиеся антикоммунисты» (наподобие Бертрама Вольфа), и этот паттерн будет неоднократно воспроизводиться в годы Холодной войны и, к несчастью, после неё.

Однако стоит сказать, что у такой риторики была своя цена. Если Советский Союз и «международный коммунизм» действительно были так скверны, как это проповедовала официальная линия американского правительства, то, согласно американским же мораль-

⁵⁴¹ Utis O. *Generallissimo Stalin and the Art of Government*// *Foreign Affairs*. 1952. Vol.30. № 2. P.207

⁵⁴² *Ibid.* P.205, 213

⁵⁴³ Kulischer E. *Russian Manpower*// *Foreign Affairs*. 1952. Vol. 31. № 1. P. 74

ным стандартам, было бы аморально ограничиться лишь «сдерживанием» такого зла, смиряясь с его властью на обширных территориях⁵⁴⁴. Это приводило к тому, что значительная доля общественного мнения, разгорячённая как официальной пропагандой, так и ухватившейся за это логическое противоречие оппозиционной пропагандой, требовала «превентивной» войны против СССР как основной угрозы. Неслучайно то, что одну из последних своих речей на посту президента США Трумэн посвятил объяснению тому, почему он всё-таки не намерен вести такую войну против СССР и верит в то, что на долгой дистанции структурные недостатки советской системы приведут к её краху⁵⁴⁵.

Фактически, в новой политической обстановке лишь самые авторитетные авторы могли позволить себе призывать к определённой умеренности. Так, в апрельском выпуске журнала за 1951 год Джордж Кеннан (один из архитекторов самой политики «сдерживания»!) в статье «Америка и русское будущее» попытался обрисовать контуры такой России, с которой США могли бы пребывать в дружественных, не враждебных отношениях. Он исключал военный сценарий подобного преобразования⁵⁴⁶; и он исключал вероятность того, что более демократическая Россия будущего будет или должна быть копией Америки в политическом и экономическом отношении: *«Прежде всего, имеет смысл сказать, к какой России нет толку стремиться <...> к капиталистической и либерально-демократической, чьи институты сильно напоминают институты нашей республики»*⁵⁴⁷. Это было разительным контрастом, сравнительно с обычной американской риторикой. Однако эта реалистическая оценка русского положения дополнялась демонизацией советского режима. Автор «Длинной телеграммы» и «Источников советского поведения» считал, что советское правительство является не социалистическим, а государственно-капиталистическим, идеологически стремящимся к мировому господству и уничтожению всех иных политических систем и его основная опасность заключается в навязывании своей модели военной силой⁵⁴⁸. И при этом, с точки зрения Кеннана, советский режим постепенно эволюционирует в сторону гитлеровского. Кеннан даже использовал резкую риторику, когда дело касалось отношения позднего сталинского СССР к иностранцам: *«...Но от [постсоветского] режима, <...> мы будем ожидать того, что <...> он не будет продолжать смотреть на иностранных представителей как на одержимых бесами и отно-*

⁵⁴⁴ Stephanson A. Cold War Degree Zero// Uncertain Empire: American History and the Idea of the Cold War. (edited by J. Isaac and D. Bell). P. 58

⁵⁴⁵ Robert D. Schulzinger. Cementing and Dissolving Consensus. Presidential Rhetoric during the Cold War, 1947–1969// Selling War in a Media Age: The Presidency and Public Opinion in the American Century/edited by Kenneth Osgood and Andrew K. Frank. Gainesville: University Press of Florida, 2010. P. 99

⁵⁴⁶ Kennan G. America and the Russian Future// Foreign Affairs. 1951. Vol. 29. № 3. P. 351

⁵⁴⁷ Ibid. P.352

⁵⁴⁸ Ibid. P. 354, 357, 369

ситься к ним соответственно»⁵⁴⁹. Стоит отметить, что здесь Кеннан предвидел своё личное будущее. Когда в мае-сентябре 1952 года он был послом США в Москве, то оказался в очень суровых условиях, и в итоге был объявлен СССР «персоной нон грата».

Поэтому желательный для Кеннана режим в постсоветской России должен быть противоположностью СССР в этих аспектах: «...она навсегда поднимет Железный Занавес, что она признает определённые ограничения внутренней власти правительства и что она откажется <...> от старой игры империалистической экспансии и угнетения»⁵⁵⁰. И при этом именно в этой статье чётче всего проводится различие между советской государственностью и русским народом и утверждается, что США не смогут победить в Холодной войне, если не сделают русский народ своим союзником: «...те, кто верит в дело свободы, никогда не победят в любой борьбе против подрывной деятельности советского правительства, если русский народ не будет нашим добровольным союзником»⁵⁵¹. Хотя стремление разграничить образы русского народа и советского государства ещё встречается в статьях в этом журнале в этот временной промежуток, но лишь в статье Кеннана столь чётко и конкретно проводится это разделение, вплоть до готовности признать ряд русских территориальных и экономических интересов. Но не стоит переоценивать эту умеренность. Даже понимая различие внутреннего устройства любой некоммунистической (или посткоммунистической) России от Соединённых Штатов Америки, Кеннан ставит необходимым и желательным условием благожелательного отношения США к таковой отказ от независимой внешней политики - что, тем самым, показывает, что претензии к России со стороны иностранных держав начались не в 1917 году и далеко не всегда связаны с её внутренним устройством. Образы Советского Союза, используемые Кеннаном, являются комбинацией всех образов врагов, использованных в этот период другими авторами Foreign Affairs: догматической державы, иррационально стремящейся к мировому господству, шовинистического государства, режима, по своей идеологии и практике близкого к гитлеровскому.

Тем не менее, сама постановка вопроса: а какая Россия устраивала бы США? Резко выделяет Кеннана на общем фоне. Для сравнения, как отмечают в сборнике «Враг номер один» американская пропаганда отличалась от советской отсутствием образа «другой России». Россия была в американской медиа-вселенной одна, и непримиримо-враждебная⁵⁵².

⁵⁴⁹ Kennan G. America and the Russian Future// Foreign Affairs. 1951. Vol. 29. № 3. P.357

⁵⁵⁰ Ibid. P.361-362

⁵⁵¹ Ibid. P.364

⁵⁵² «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под ред. О. В. Рябова. С. 179, 182, 196

Другим примером появления умеренного мнения на страницах журнала в период Корейской была статья «Осада Запада» выдающегося британского учёного Арнольд Тойнби. В ней он относит Россию к незападным странам, которые, благодаря Второй Мировой войне и сокращению технологического отставания, берут западные страны в осаду, и Советский Союз сравнивается с Османской империей и Арабским Халифатом. При этом его угроза гораздо серьезнее и с материальной и с идеологической точки зрения⁵⁵³. Борьба с ним будет долгой, очень долгой. И хотя выход для Запада Тойнби видит в единстве США и Западной Европы, но, с учётом того, что он не считает, что Россию следует судить по условной «западной» мерке, и ориентируется на долгое политическое противостояние, учёный выступает резко против военной эскалации Холодной войны: «...Такая беспрецедентная война будет означать почти верную смерть для обеих воюющих сторон, поэтому у обоих лагерей есть сильнейший общий интерес в поддержании мира. В мире, в котором мы живём сегодня, «живи и дай жить другим» является первым и последним уроком мудрости...»⁵⁵⁴.

Стоит отметить, что в долгосрочной перспективе правда оказалась за Кеннаном и Тойнби. Победа в Холодной войне была достигнута США и их союзниками не только и не столько военными (и/или пропагандистскими) средствами, сколько нарастающим разочарованием народов СССР вообще и русского народа в частности в способности коммунистической партии компетентно управлять страной и отвечать на вызовы времени. Но даже в сообществе «государственных интеллектуалов» западных стран их голоса тонули в гуле поборников «жесткой политики», которая не оставляла места серьёзному компромиссу и подстёгивала напряжённость между двумя полюсами. Поэтому коллапс советского блока был воспринят как победа именно тех людей, с которыми так спорили и Джордж Кеннан, и Арнольд Тойнби, победа тех, кто настаивал на непогрешимой верности манихейского восприятия мира.

На протяжении Корейской войны журнал *Foreign Affairs* энергично и последовательно создавал образ Советского Союза как экспансионистской державы (в пределах стремящейся к мировому господству), чьё поведение объясняется догматической верой её руководства в марксизм-ленинизм и дореволюционными традициями экспансии. При этом активно разрабатывалась тема «тоталитаризма» и прямого или косвенного сопоставления Советского Союза и нацистской Германии. Другой важной чертой в рисуемом образе Советского Союза было то, что с ним невозможно достичь прочного соглашения, а уступки с его стороны – не более чем отвод глаз, обуславливаемый его слабостью.

⁵⁵³ Toynbee A. The Siege of the West // *Foreign Affairs*. 1953. Vol. 31. № 2. P.284

⁵⁵⁴ *Ibid.* P.286

В целом, большинство статей в этот период являются явно пропагандистскими текстами, в ряде случаев посвящённых только демонизации противника. По сути, исчезло различие между сколь-нибудь респектабельными аналитическими статьями и сугубо пропагандистскими текстами. При этом для критики использовались любые мыслимые направления, включая, несмотря на антикоммунистический климат в США в начале 1950-х годов, утверждения, что на деле в Советском Союзе нет социализма. При этом ещё большее озлобление вызывало у большинства авторов то, что сталинский Советский Союз делал хотя бы формальные уступки чувству русского патриотизма в советской внутренней и внешней политике. Преемственность с Российской Империей (неважно, реальная или воспринимаемая) стала окончательно одной из негативных черт советской политики в представлении авторов, пишущих для Совета по международным отношениям. Очень серьёзно выросла доля обвинений СССР в том, что он стремится к мировому господству, они стали тем, что повторяется почти в каждой статье. Укрепился взгляд на то, что советскую внешнюю и внутреннюю политику определяют сугубо догматические соображения, что должно было обесценивать рационалистические доводы о пользе компромисса с Советским Союзом. Стали считаться нормой обвинения СССР в близости к гитлеровской Германии, как в прошлом (обвинения в том, что СССР помог нацистам прийти к власти, что он сотрудничал с гитлеровской Германией с целью организации Второй Мировой войны), так и в настоящем (сравнение его действий в Восточной Европе с гитлеровскими, обвинение в поддержке ультраправых сил по всему миру), сами действия СССР в годы Второй Мировой войны уже почти не воспринимались как действия союзника, одним из признаков чего стало частое использование иронических кавычек при описании освобождения Восточной Европы от немецких войск.

Стоит заметить, что в потоке средств, использованных для создания, журнал не пренебрегал ни одним обвинением. Это касалось не только обычной для правых политических сил и центристов антикоммунистической и антимарксистской риторики, но и использования традиционных для левых политических сил образов антиимпериализма, антиколониализма и даже антикапитализма для критики Советского Союза.

На основании контент-анализа статей, опубликованных на советскую/русскую тематику в журнале *Foreign Affairs*, были выявлена следующая частота использования определённых слов-маркеров. В частности, можно с уверенностью сказать о взаимозаменяемости для американских авторов понятий «Советский Союз» и «Россия», о значительном росте образов «тоталитаризма» и «догматизма», достигших пика в период Корейской войны.

Основные лексемы 69 статей, посвящённых советской тематике в журнале Foreign Affairs
в годы ранней Холодной войны

		Основные лексемы							
	Количество статей	Советский Союз	Россия	Советский	Русский	Тоталитарный	Цари	Догма	Империализм
1945 - 1947	15	129	314	616	329	3	28	5	11
1947 - 1950	24	83	230	644	372	9	18	2	82
1950 - 1953	30	265	323	1208	546	27	59	26	68

Проанализировав статьи, посвящённые советской внешней и внутренней политике в журнале Foreign Affairs, таким образом, можно прийти к выводу, что за три года боевых действий в Корее противостояние с СССР на страницах журнала Foreign Affairs стало восприниматься как тотальное идеологическое и моральное; в ряде отношений была стёрта черта между гитлеровским режимом и советским правительством. И эти концепции, не могли не влиять на восприятие американским истеблишментом Советского Союза и России, не только в описываемый период, но и дальше. «Crème de la crème» американских интеллектуалов ударился в пропаганду самого грубого толка даже на страницах одного из самых взвешенных и тонких американских изданий. Это является одним из свидетельств того, с каким размахом состояние даже ограниченной войны может повлиять на общество (причём весьма демократическое общество) за краткий срок и создать картину мира, серьёзно отличающуюся от реальности даже на верхних этажах общественной лестницы.

В целом же, анализируя журнал Foreign Affairs в годы ранней Холодной войны можно прийти к следующим выводам:

1) В ходе Холодной войны американский истеблишмент идентифицировал своим врагом не только и не столько коммунистическую идеологию, сколько все формы сильной русской государственности – и конструирование столь жёстко-враждебного образа СССР было важнейшим элементом рационализации постоянного американского присутствия далеко за пределами американских границ;

2) По мере затягивания конфликта оформлялась и «застывала» интеллектуальная и институциональная инфраструктура, сохранение и расширение которой зависело от плохих отношений между СССР и США; не только в США, но и в ряде союзных им государств. По мере её эволюции даже первоначальные её творцы подчас оказывались неспособны с должной скоростью подниматься по лестнице эскалации (что подтверждает пример Джорджа Кеннана, за несколько лет ставшего из отца «сдерживания» «голубем»);

3) Несмотря на декларируемый антикоммунизм, чем дальше, тем больше Советский Союз критиковался «слева» как реакционное, националистическое и даже, в конечном счёте, несоциалистическое и немарксистское государство, что показывало постепенную апроприацию американским государством и интеллектуалами левопрогрессистского дискурса;

4) В ряде случаев можно было видеть, как столь жёсткая и непреклонная позиция приводила к своего рода самоотравлению собственной пропагандой.

3.3. Просопографический анализ экспертов *Foreign Affairs* по Советскому Союзу

Любую государственную политику претворяют в жизнь конкретные люди, со своим опытом, убеждениями, пристрастиями. В России уже были опыты просопографического анализа авторов *Foreign Affairs*, писавших на региональные темы, в частности о Китае⁵⁵⁵, но пока не было исследований, посвящённых просопографическому анализу тех авторов журнала *Foreign Affairs*, кто освещал тематику Советского Союза/России. Поэтому было бы разумно перечислить основные общие черты тех 59 авторов, что были использованы нами в этой выборке. Они разделены на три большие категории с точки зрения их гражданства: урождённые американские авторы (28 авторов); иностранные авторы (19 авторов); эмигранты (т.е. люди, сформировавшиеся как личности за пределами США, но в итоге переехавшие туда и ставшие служить американскому государству) (12 человек). С точки же зрения профессиональной принадлежности мы разделили их на категории политиков (в рамках данной работы в эту категорию входят люди, который в рассматриваемые период или ранее участвовали в выработке и/или реализации государственной политики своих стран), учёных и публицистов. (Биографические сведения о каждом из авторов вынесены в Приложение)

Ниже представлена таблица с разбивкой каждой национальной и профессиональной группы по хронологическому принципу:

⁵⁵⁵ Буранок А.О., Нестеров Д.А. Китайские исследования журнала «*Foreign Affairs*» в 1929-1950 гг. (опыт просопографического анализа)// Самарский государственный социально-педагогический университет. - 2020 - №3(2). - С.39-44.

Таблица 2

Распределение авторов по национальному и профессиональному признаку в 1945-1953 годах

	Американцы			Иностранные			Эмигрантские		
	Полит	Учён	Публ	Полит	Учён	Публ	Полит	Учён	Публ
1945-1947	1	3	0	3	1	0	1	1	3
1947-1950	5	5	3	3	1	2	1	0	1
1950-1953	2	5	4	2	6	1	1	3	1
Всего	8	13	7	8	8	3	3	4	5

Таблица 2 показывает, что основной объём текстов на советскую тематику в Foreign Affairs в период 1945-1953 годов создавался интеллектуалами, американскими и представителями стран-союзников США, вносящими свою (вовсе не маленькую) лепту в обработку нового внешнеполитического консенсуса относительно СССР и поиск интеллектуальных и политических решений для укрепления этого консенсуса и требуемого в его рамках образа СССР.

Таблица 3

Профессиональная принадлежность авторов в 1945-1953 годах

Профессиональная принадлежность	1945-1953
Политики	19 (32,2%)
Учёные	26 (44,07%)
Публицисты	14 (23,73%)
Итого	59 (100%)

В свою очередь по таблице 4 заметно, что Foreign Affairs являлся в первую очередь американским журналом. В совокупности доля американских авторов и эмигрантов в США превышала две трети от общего числа авторов. Если же учесть, что большинство иностранных авторов составляли британцы, ключевой союзник США в то время (а оставшиеся иностранцы представляли собой представителей американских союзников), то можно сказать, что американцы по большей части беседовали с британцами и восточноевропейскими эмигрантами о том, как им следует относиться к Советскому Союзу:

Таблица 4

Национальная принадлежность авторов в 1945-1953 годах

Национальная принадлежность	1945-1953
Американские авторы	28 (47,5%)
Иностранные авторы	19 (32,2%)
Эмигрантские авторы	12 (20,3%)
Итого	59 (100%)

Приведём таблицы с разбивкой этих авторов по временным периодам 1945-1947, 1947-1950 и 1950-1953 годов. Начнём с самого хронологически раннего периода, до провозглашения «доктрины Трумэна» и «доктрины Жданова».

Таблица 5

Профессиональная принадлежность авторов в 1945-1947 годы

Профессиональная принадлежность	1945-1947
Учёные	6 (42,85%)
Политики	5 (35,72%)
Публицисты	3 (21,43%)
Всего	14 (100%)

Стоит обратить внимание на то, что в указанный период имеется численное преимущество учёных над политическими фигурами. И при этом практически все политические фигуры, писавшие о советской политике, в тот период были иностранцами (чехословак Э. Бенеш, турок А. Эсмер, поляк В. Кульский, англичанин Г. Никольсон; исключением был лишь американец Дж. Кеннан, который как раз летом 1947 года пустил в широкий оборот свою «длинную телеграмму» в форме статьи «Источники советского поведения»). Это можно считать косвенным свидетельством того, что в описываемый период не было политического консенсуса о неизбежности сознательной и тотальной конфронтации; что взаимоотношения с Советским Союзом в тот промежуток осмыслились ещё через призму интеллектуального, а не «актуально-политического анализа». Тем не менее, не стоит переоценивать этот фактор. Вряд ли можно счесть случайностью, что, по словам Макджорджа Банди, одного из крупных деятелей Совета по международным отношениям, «первым крупным центром региональных исследований» было Управление Стратегических

Служб⁵⁵⁶ – т.е. первая объединённая разведывательная служба США и фундамент будущего ЦРУ.

С точки зрения национального происхождения можно выделить следующие категории авторов, писавших для журнала *Foreign Affairs*: американские граждане, эмигранты (в данном контексте в первую очередь из Восточной и Центральной Европы) и иностранные авторы. В таблице ниже даётся разбивка по авторам 1945-1947 года по этим категориям.

Таблица 6

Национальная принадлежность авторов в 1945-1947 годы

Национальная принадлежность	1945-1947
Американские авторы	4 (28,57%)
Эмигранты	6 (42,86%)
Иностранные авторы	4 (28,57%)
Всего	14 (100%)

Виден некоторый перевес эмигрантских авторов. Стоит заметить, что наиболее жёсткие относительно СССР статьи принадлежали всё-таки иностранным авторам (таким как Г. Никольсон и А. Эсмер). Они более остро ощущали близость к себе СССР, обретшего по итогам Второй Мировой войны статус сверхдержавы. Кроме того, для Великобритании убедить США принять на себя политическую ответственность за Восточное Средиземноморье было важным политическим и символическим решением, означавшим формальную передачу гегемонии заокеанским «кузенам».

Переходя же к периоду оформления Холодной войны и формирования антисоветского консенсуса, мы замечаем следующие изменения:

Таблица 7

Профессиональная принадлежность авторов в 1947-1950 годы

Профессиональная принадлежность	1947-1950
Политики	9 (42,86%)
Учёные	7 (33,33%)
Публицисты	5 (23,81%)
Итого	21 (100%)

⁵⁵⁶ Engerman D.C. *Know Your Enemy: The Rise And Fall of America's Soviet Experts*. P. 3

С точки зрения профессиональной принадлежности видно повышение доли политиков и публицистов в сравнении с периодом 1945-1947 годов. Видно, как на страницах журнала *Foreign Affairs* отношения с Советским Союзом постепенно переходят в область сугубо актуальной внешней и пропагандистской политики, которой подчиняются все остальные соображения. Стоит заметить о том, что это единственный период за 1945-1953 год, когда на темы советской внешней и внутренней политики писало больше политических деятелей, чем учёных – причём политических деятелей первого ранга, вроде бывшего военного министра США Г. Стимсона. Формирование общественного консенсуса и выработка его рамок – это, в первую очередь, политическая задача, не научная. И распределение авторов *Foreign Affairs*, писавших на «советские» темы в тот период, подчёркивает это.

Ещё заметнее этот процесс, если взглянуть на него с точки зрения гражданств авторов:

Таблица 8

Национальная принадлежность авторов в 1947-1950 году

Национальная принадлежность	1947-1950
Американские авторы	13 (61,91%)
Эмигрантские авторы	2 (9,52%)
Иностранные авторы	6 (28,57%)
Итого	21 (100%)

С точки зрения национального бэкграунда мы видим резкий рост доли американских авторов – как в абсолютных, так и относительных числах. Этот период (с точки зрения национального состава авторов) является собой точку перелома: теперь абсолютное большинство авторов, пишущих на советскую тему, являются урождёнными гражданами США. Таким образом, с осени 1947 года можно говорить о решающем вкладе американских интеллектуалов и государственных служащих в публичную пропаганду Холодной войны.

В период Корейской войны мы видим серьёзное увеличение доли учёных и сокращение разрыва между числом политических фигур и публицистов. Консенсус, раз созданный, теперь нуждался лишь в технических уточнениях и разъяснениях, и сугубо пропагандистских приёмах для того, чтобы сделать его убедительным для интеллигентных слоёв населения (Таблица 9).

Профессиональная принадлежность авторов в 1950-1953 годы

Профессиональная принадлежность	1950-1953
Политики	7 (25%)
Учёные	15 (53,58%)
Публицисты	6 (21,42%)
Всего	28 (100%)

Учёные впервые за весь период 1945-1953 годов стали абсолютным большинством, затмив собой не только публицистов, но и политические фигуры. Вероятно, это свидетельствует о том, что теперь нужно было лишь уточнять границы уже существующего консенсуса и пребывать в рамках, который он допускал, а не выработать новые границы. Работа в самый раз для «технических специалистов», пока публицисты, вроде Б. Вольфа и Б. Таурера будут кричать со всех крыш об апокалиптической советской угрозе.

Схожий паттерн заметен и в распределении авторов по гражданству (Таблица 10)

Таблица 10

Национальная принадлежность авторов в 1950-1953 годы

Национальная принадлежность	1950-1953
Американские авторы	12 (42,85%)
Эмигранты	7 (25%)
Иностранные авторы	9 (32,15%)
Всего	28 (100%)

Теперь, когда внешняя политика США определилась, уже не было необходимости в такой перепредставленности урождённых американских граждан и, соответственно, увеличились доля как эмигрантских, так и иностранных авторов. Но, стоит отметить, относительное большинство авторов по-прежнему оставалось за урождёнными американцами. Холодная война была американской войной, и, раз определившись с этим, американское общество больше не сходило с этого пути до самого её конца. Союзники, особенно на раннем этапе, могли быть заинтересованы в американском присутствии в Европе, но это не означало, что они «музыку заказывают» или будут заказывать.

Помимо этих трёх основных кластеров видны несколько подкластеров поменьше (они не были выделены в отдельные ячейки в нижеследующих таблицах. В кластере американских авторов мы видим следующие подкластеры:

1) Подкластер людей, служивших в американских спецслужбах. В этот кластер входит 7 авторов из 28, полная четверть. Из них 5 служили в УСС, а 2 – в разведке родов войск. (Б. Браннен (разведка ВМФ), М. Банди (разведка Армии), А. Бергсон (УСС), К. Гуввер (УСС), Дж. Т. Робинсон (УСС), Э. Мэйсон (УСС), Т.К. Янг (УСС)). Это наглядно демонстрирует переплетение американских спецслужб и интеллектуалов. Все служившие в УСС были серьёзными учёными, в военное время поставившие свой аналитический талант и интеллект на службу государству. Не менее важно то, что все они, как видно по предыдущим параграфам главы, за вычетом несколько более умеренного А. Бергсона, занимали крайне жёсткую позицию относительно СССР;

2) Подкластер людей, являющихся членами Совета по международным отношениям. Таких в итоге оказалось 8 из 28, чуть больше четверти. (М. Банди, Л. Галантир, Б. Декстер, Дж.К. Кэмпбелл, Ф. Мосли, Г.Ф. Армстронг, Г. Стимсон, С. Уэллес). Армстронг и Стимсон занимали несколько более умеренные позиции относительно СССР, остальные более жёсткие.

3) Подкластер людей, являвшихся служащими государственного департамента (Г.Ф.А. Шёнфельд, Ф. Мосли, Г. Стимсон, С. Уэллес, Дж.К. Кэмпбелл, Дж. Кеннан). (6 из 28). Почти четверть - и к тому же эта категория наполовину пересекается с подкластером 2, что наглядно демонстрирует переплетение формально частной организации и государственного министерства иностранных дел.

С поколенческой точки зрения, большинство американских авторов, писавших о советской внешней и внутренней политике в период ранней Холодной войны, относились к поколению, рождённому на рубеже веков, в 1890-е годы (8 человек из 28) и 1900-е годы (8 человек из 28). Средний год рождения – 1901 год, первый год XX века, что по-своему символично. Любопытно, что и самый старый автор всех 59 (Генри Стимсон) и самый молодой (Ф. Улиг-младший) относятся к группе американских авторов.

Свои подкластеры можно выделить и в других кластерах. Так, из кластера в 19 авторов-иностранцев, подавляющее большинство (12 авторов) принадлежит к подданным монарха Великобритании. По сути, весь кластер иностранных авторов, писавших на советские темы, представлен либо британскими авторами, либо авторами стран, напрямую граничащих с советской сферой влияния (Турция, Китай, Западная Германия, Чехословакия, Югославия). Показательно, что одних авторов-британцев было ровно столько же, сколько авторов-эмигрантов всего за этот период. Но и в британском подкластере сильно выделяется группа авторов, тесно связанных с профессией историка в частности и с интеллектуальной сферой вообще. Историк идей И. Берлин, официальный биограф короля Георга V Г. Никольсон, официальный биограф короля Георга VI Дж. Уиллер-Беннет, вы-

дающийся историк и историософ А. Тойнби, историк Макс Беллофф и перспективный историк Дж. П. Неттл, чья слава стала греметь в 1960-е годы – 6 из 12 британских авторов историки, ровно половина.

С поколенческой точки зрения можно выделить два больших кластера среди иностранных авторов: люди, родившиеся в последние двадцать лет XIX века, сформировавшиеся до эры тотальных войн, и люди, родившиеся в преддверии Первой Мировой и после неё. Средний год рождения – 1898. Интересно, что и среди самых старых авторов-иностранцев и среди самых молодых авторов-иностранцев доминируют британцы (Р. Ванситтарт – самый старый, родился в 1881 году; Дж. П. Неттл – самый молодой, родился в 1926 году).

В свою очередь, в эмигрантском кластере заметен подкластер, состоящий из восточноевропейских евреев. Из 12 человек 6 являются эмигрантами-евреями из Восточной Европы, причём, что интересно, заметная часть восточноевропейской эмиграции имела связи с леворадикальными партиями, как российскими (В случае С. Шварца (социал-демократ), М. Вишняка (эсер)), так и американскими (Ф. Танненбаум («Индустриальные рабочие мира»). Наличие такого рода кадров имело двойное значение: во-первых, через них велась пропагандистская борьба за образы и символы, считавшиеся «либеральными» и «левыми» (Например, «антифашизм», «антиколониализм», «антиимпериализм»). С другой стороны, это позволяло сохранить правдоподобное алиби как перед консервативно настроенным американским обществом, так и перед зарубежной аудиторией: со страниц престижного издания обличали Советский Союз как «несоциалистическое» государство не представители американского истеблишмента напрямую, но импортированные из европейских стран научные кадры.

С точки зрения поколенческой можно выделить два основных кластера среди авторов-эмигрантов: люди, родившиеся в 1880-е годы и, тем самым, сформировавшиеся как личности и профессионалы ещё до Первой Мировой войны; и люди, родившиеся в 1900-е годы, чьё взросление пришлось на ПМВ. Для второй категории, именно это (т.е. ПМВ и её последствия) оказали решающее воздействие на формирование личности. И, в отличие от первой категории, другой жизни, кроме созданной тотальной войной, они не знали. Небольшое численное преимущество было у первой категории (7 против 5). Средний год рождения у авторов этой категории: 1895 год.

В целом, за исключением Лазаря Волина (как чиновника американского министерства сельского хозяйства), Евгения Кулишера (как консультанта ряда ведомств, наподобие армии США) и Пола Зиннера (как члена Совета по международным отношениям), никто из эмигрантов не имел касательства к непосредственной выработке американской госу-

дарственной политики. Зато практически все имели отношение к формированию американского общественного мнения (те, кто был журналистом) и воззрений подрастающего поколения американцев (те, кто был университетскими преподавателями). Тем самым, хотя на короткий дистанции их влияние могло проявляться лишь в тех формах, в каких это считалось желательным для редакционной политики журнала в частности и американской политики в целом, на долгой дистанции оно, рассуждая логически, должно было увеличиваться. И действительно, тот же Соломон Шварц, к примеру, считался одним из крупнейших американских авторитетов по «еврейскому вопросу» в Советском Союзе.

Дополнительно стоит отметить колоссальный половой перекося в сторону мужчин. Из 59 рассмотренных авторов к прекрасной половине человечества принадлежали лишь 2, причём одной из этих двух была немецкая аристократка (графиня Марион Дёнгоф).

Несколько упрощая можно сказать, что усреднённый портрет автора статей в журнале *Foreign Affairs* на советские темы выглядит примерно так: мужчина, родившийся на рубеже XIX и XX веков в США или Великобритании, англоязычный, но с примесью крови восточноевропейских народов, с высшим гуманитарным образованием, относящийся к среднему или средне-высшему классу.

Расскажем несколько подробнее о биографиях некоторых наиболее показательных авторов из этой выборки (все 59 кратких биографий приведены в Приложении). В этой главе уже говорилось о воззрениях Фрэнка Танненбаума, выделяющихся своей «идеологической твёрдостью» по части интерпретации международных отношений. Что это был за человек? Фрэнк Танненбаум родился в Австро-Венгрии, в городе Вене в 1893 году в семье еврейских родителей. Его семья эмигрировала в США в 1905 году. Довольно быстро молодом Фрэнку надоела семейная жизнь и он убежал из дома. Средней школы он так и не закончил. Далее был обслуживающим персоналом в заведениях общественного питания (бассер). Был членом радикальной организации «Индустриальные рабочие мира». С 1914 года подстрекал безработных города Нью-Йорка к беспорядкам. В частности, подбивал безработных к тому, чтобы врыватья в церкви во время служб, срывать эти службы и требовать себе еды и крыши над головой. За эти проделки американский суд приговорил его к году тюрьмы и штрафу в 500 долларов. Как только Фрэнк вышел из тюрьмы, то взялся за старое, в частности, участвовал в Байоннских забастовках 1915-1916 года на нефтеперерабатывающих заводах в штате Нью-Джерси – между прочим, в определённый момент бастующие пытались сжечь один из заводов. За это он был вновь посажен в тюрьму. Выйдя из неё, он перестал быть радикалом, и вместо этого, с помощью нескольких филантропов поступил в Колумбийский университет. Среди его однокурсников был и Сэмюэль Рот, известный американский издатель и публицист, прославившийся на ниве

порнографического бизнеса. В 1921 году Танненбаум получил степень бакалавра, после чего продолжил учёбу в Брукингском университете и получил степень доктора экономических наук. На этом Танненбаум временно расстался с науками и поступил в американскую армию. По завершении срока службы исправившийся радикал переехал в Мексику, где изучал аграрную реформу правительства Л. Карденаса. В 1932 году вернулся в США, чтобы преподавать криминологию в университете Корнелл. Что, между прочим, весьма логично, человек с опытом двух тюремных отсидок имеет некоторый практический опыт в этой области. В 1935 году стал профессором латиноамериканской истории в Колумбийском университете. В конце Второй Мировой войны и после неё Танненбаум использовался как лектор в программе Meet the Public, организованной Управлением общественных дел госдепартамента (Office of Public Affairs). Во время Второй Мировой войны публиковался в Foreign Affairs со статьями на латиноамериканскую тематику. Считался видным специалистом по латиноамериканской истории, трудовым отношениям и криминологии. Ушёл на пенсию в 1965 году, но перед этим успел горячо поддержать антикастровскую организацию «Гражданский комитет за свободную Кубу». Скончался Танненбаум в 1969 году. В этом отношении, конечно, вся жизнь Танненбаума поучительна тем, что, несмотря на самые невыгодные биографические данные (побег из семьи, деструктивная деятельность, двукратная отсидка в тюрьме) всегда в итоге можно сделать правильный выбор, войти, так сказать, в «ту дверь» и стать в итоге уважаемым членом американского научного сообщества, и даже убедить филантропов оплатить важнейший, ибо самый первый, шаг на этом пути – а именно, получить высшее образование, не имея среднего.

Другой интересной в житейском плане биографии является биография Льюиса Галантира. Этот американский литературовед и правительственный чиновник родился в 1895 году в городе Чикаго, в семье еврейских эмигрантов из Российской Империи (точнее, из Риги). Первоначальное образование получил в благотворительной школе «движения поселений». В 1908 году семья Галантира переехала в Лос-Анджелес, и на этой стадии среднее образование Галантира закончилось. Далее он работал клерком на железной дороге, потом продавцом. В 1911 году поступил на юридический факультет Университета южной Калифорнии, но не смог завершить обучение. В 1914 году проучился год на программе подготовки библиотекарей в общественной библиотеке Лос-Анджелеса. После этого он работал продавцом книг, до 1918 года, и с 1918 до 1920 год был библиотекарем в библиотеках армии США, и тогда же он начал публиковать свои рецензии. В 1920 году он по знакомству получил работу ассистента в Международной торговой палате, и в этом качестве переехал в Париж. Там он завязал знакомство с Джеймсом Джойсом и Эзрой Паундом, а также с Эрнстом Хемингуэем. В 1926 году, когда истёк срок его контракта с Меж-

дународной торговой палатой, вернулся в Нью-Йорк, где зарабатывал на жизнь тем, что переводил французских авторов – вроде Леона Доде (автора «Тартарена из Тараскона»), Поля Морана и поэта-символиста Реми де Гурмона. В 1928 году, опять-таки, по счастливой случайности, его взял на работу Федеральный резервный банк Нью-Йорка, после чего Галантир вернулся в Париж. Там он познакомился с Джоном Хаусманом, тогда ещё в ипостаси зерноторговца. После начала Великой Депрессии Хаусман предложил Галантиру написать в соавторстве пьесу «Любовники, счастливые любовники» - по мотивам пьесы французского драматурга Саша Гитри «Иллюзионисты». Этот опыт окончательно подтолкнул Хаусмана к тому, чтобы стать продюсером и актёром. Галантир же вернулся к переводам, в частности, переводил отрывки из дневника братьев Гонкур и «Землю людей» Антуана де Сент-Экзюпери. В годы Второй Мировой войны возглавил французскую секцию Управления военной информации, в частности, Галантир надзирал за радиопередачами радиостанции «Голос Америки» на французском языке. В марте 1949 года стал одним из четырёх штатных авторов либерального американского журнала «Репортёр» (Reporter). Как отмечает биограф Галантира Марк Лурье, все четыре штатных автора этого журнала были бывшими членами Управления Стратегических Служб или Управления Военной Информации⁵⁵⁷. Помимо описанной выше статьи о том, как американцам важно читать Кюстина, чтобы понимать всю суть России, Галантир также опубликовал в Foreign Affairs, в июле 1950 года, статью «Америка сегодня: набросок от руки» о достоинствах американского общественного строя, в которой, среди прочего, указывал, что лоббистские группы меньшинств и «групп по интересам» являются одной из важнейшей сдержек, которые есть в США от величайшей опасности демократии – тирании большинства⁵⁵⁸. Статья имела большой успех, и в августе 1950 года Галантир членом Совета по международным отношениям – между прочим, по рекомендации редактора журнала Foreign Affairs, Гамильтона Фиша Армстронга⁵⁵⁹. Вскоре после этого Галантир стал работать консультантом для Радио «Свободная Европа». Надо отметить некоторое чувство юмора Галантира. При трудоустройстве на Радио «Свободная Европа», ЦРУ потребовало от него, как от будущего сотрудника организации, получающей государственное финансирование, изложить свою биографию. Галантир написал, что жил в Азербайджане с 1895 по 1901 год, а в Париже с 1901 по 1917 год, и там же получил высшее гуманитарное образование, и что его отец был владельцем нефтяной компании. У ЦРУ, как ни странно, эта «автобиография» не вызвала никаких вопросов⁵⁶⁰. В 1951 году стал консультантом государственного

⁵⁵⁷ Lurie Mark I. Galantière. The Lost Generation's Forgotten Man. Overlook Press, Florida. 2017. P.159

⁵⁵⁸ Ibid. P.162

⁵⁵⁹ Ibid. P.167

⁵⁶⁰ Ibid. P.165-166

департамента и оставался в этой роли до 1965 года. Между прочим, именно Льюис Галантир отвечал за кампанию пропаганды, направленной на Венгрию в 1950-е годы (так называемая операция «ФОКУС»), вызвавшей официальные протесты правительства Имре Надя⁵⁶¹. В 1965 году ушёл в отставку со всех постов, включая также и Совет по международным отношениям. За свою деятельность на ниве искусства был награждён французским орденом Искусств и литературы. Скончался в 1977 году. Биография Льюиса Галантира интересна, на наш взгляд тем, что в ней, как в капле воды, отражается то переплетение мира искусств и мира разведки, которое так отличало Холодную войну.

Продемонстрируем сделанные с помощью сервиса Google Books Ngram Viewer таблицы с частотой упоминания всех групп авторов, как по профессиональной, так и по национальной принадлежности. Однако стоит помнить о невозможности прямой экстраполяции в данном случае. Авторы принадлежали к узкой, относительно непубличной группе специалистов по внешней политике (или истории таковой), но при этом, в пределах своей специальности, весьма авторитетными и влиятельными персонами. Это следует учитывать при интерпретации относительно низких показателей индекса Ngram. При этом эти показатели позволяют получить представление о характере динамики упоминаний работ этих авторов в разные периоды.

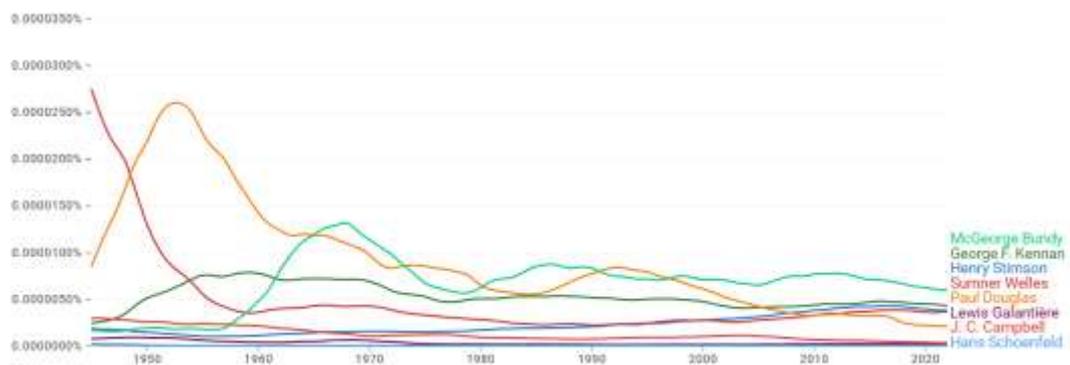

Рисунок 1. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer американских политических фигур, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы.

На рисунке 1 заметен относительно большой интерес к актуальным политикам – действующему сенатору от крупного штата Иллинойс Полу Дугласу и, позже, к Макджорджу Банди как советнику по национальной безопасности при администрациях Кеннеди и Джонсона и поборнику Вьетнамской войны. И наоборот, по мере того как Самнер Уэллес выпадал из обоймы действующих политиков, пропорционально падала его упоминаемость – впрочем, немного отыграв падение, когда Уэллес окончательно стал фи-

⁵⁶¹ Lurie Mark I. Galantière. The Lost Generation's Forgotten Man. P.172-173

гурой, принадлежащей исторической науке вообще и истории дипломатии в частности, а не политической злобе дня.

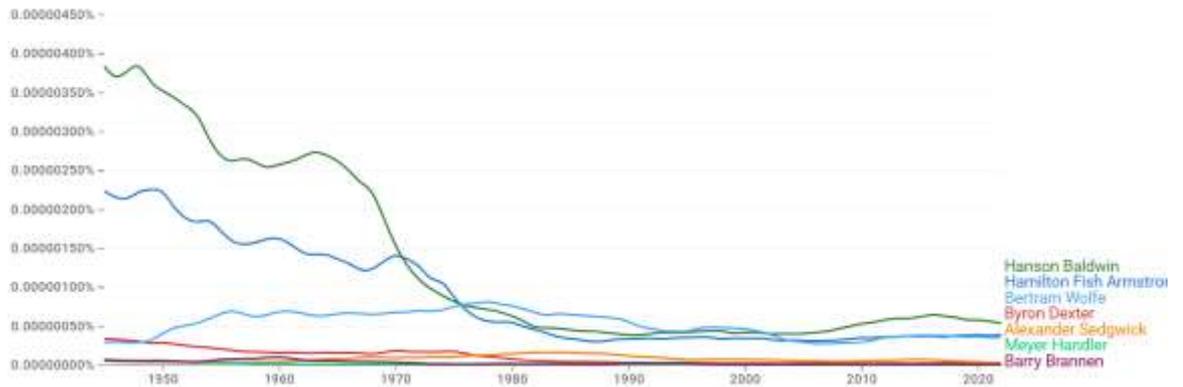

Рисунок 2. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer американских публицистов, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы.

На рисунке 2 заметно то, насколько значительно (в сравнении с прочими публицистами, писавшими в Foreign Affairs в указанный период о советской политике) положение Хэнсона Болдуина как авторитетного военного комментатора для New York Times. В меньшей степени это же касается Гамильтона Фиша Армстронга, как главного редактора престижного журнала в течение многих десятилетий. Однако обоих объединяет быстро падение упоминаемости, как только они отошли от дел; Болдуин в конце 1960-х, по старости, Армстронг в 1972 году, в связи с ухудшением здоровья и близящейся смертью (В 1973 году).

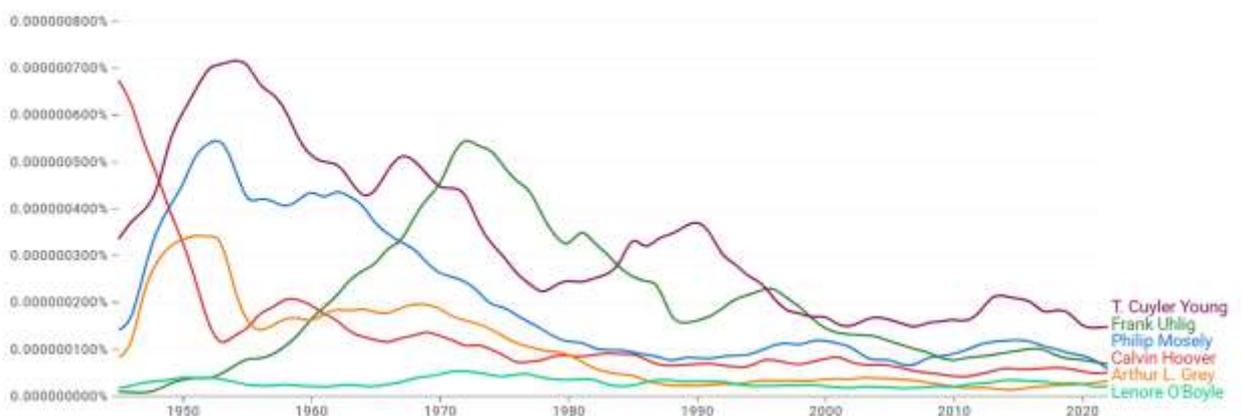

Рисунок 3. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer американских учёных, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы

На рисунке 3 видно резкое падение общественного интереса к Кальвину Гуверу, как только предлагаемая им политика экономического возрождения Германии стала ре-

альностью, пик интереса к востоковеду Янгу и советологу Мосли в начале 1950-х (несомненно, связанные с падением правительства Моссадыка в Иране и смертью И.В. Сталина) и пик интереса к специалисту по ВМФ Улигу в начале 1970-х годов. Тем не менее, видно, что на общем фоне Т. Кайлер Янг как общепризнанный специалист по Ирану практически всегда имел более высокую упоминаемость (за исключением большей части 1970-х годов). В свою очередь небезынтересно то, как упоминаемость Филипа Мосли так и не смогла восстановиться после пика начала 1950-х годов и с тех стабильно шла на спад, несмотря на всплеск интереса к нему в 1990-е годы, после распада СССР.

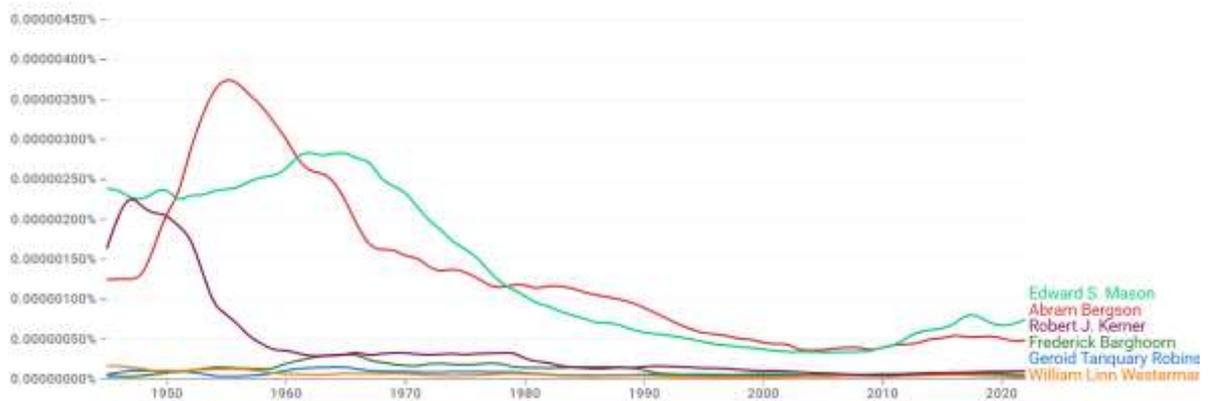

Рисунок 4. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer американских учёных, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы

На рисунке 4 достаточно хорошо заметен пик интереса к американским экономистам (резко выраженный в случае Абрама Бергсона и менее выраженный в случае Эдварда Мэйсона) при индифферентности широкой публики к остальным учёным авторам, включая даже советологов Фредерика Баргхорна и Дж. Т. Робинса. Показательно, что интерес к этим экономистам достиг пика именно в тот период, когда американская общественность боялась перспективы именно что экономической конкуренции со стороны Советского Союза.

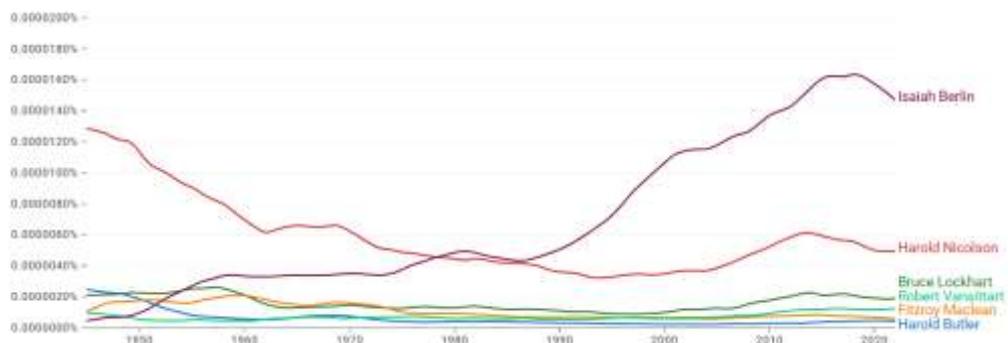

Рисунок 5. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer иностранных (британских) учёных, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы

На рисунке 5 показательно, как выделяется на фоне своих коллег Исая Берлин, интеллектуал с мировым именем, и, в меньшей степени, Гарольд Никольсон как известный писатель на политические темы. Интересен рост упоминаний Берлина, начавшийся с конца 1980-х годов и триумфа либеральной идеи (исповедником которой и был Исая Берлин).

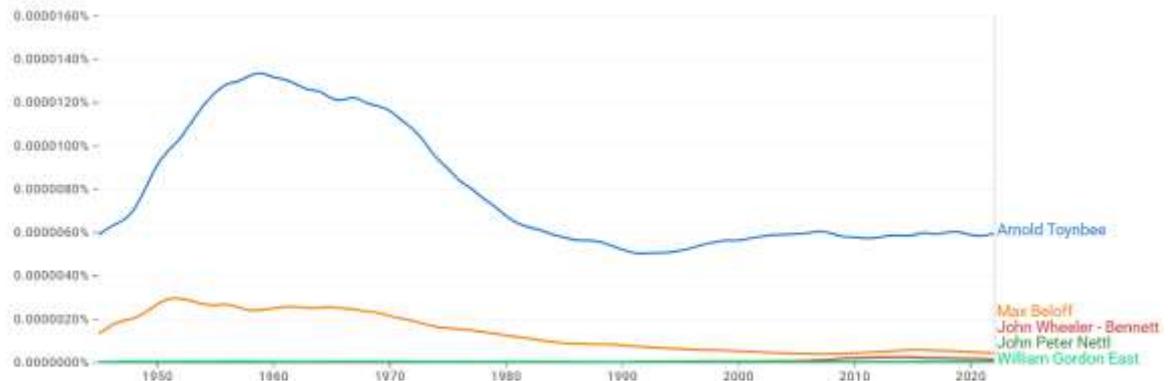

Рисунок 6. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer иностранных (британских) политиков и публицистов, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы

На рисунке 6 характерно, насколько Арнольд Тойнби доминирует над своими британскими коллегами, что неудивительно, учитывая его значение как историсофа и популярного историка. Белофф испытывает локальный пик в начале 1950-х годов, но с тех пор его упоминаемость идёт на спад.

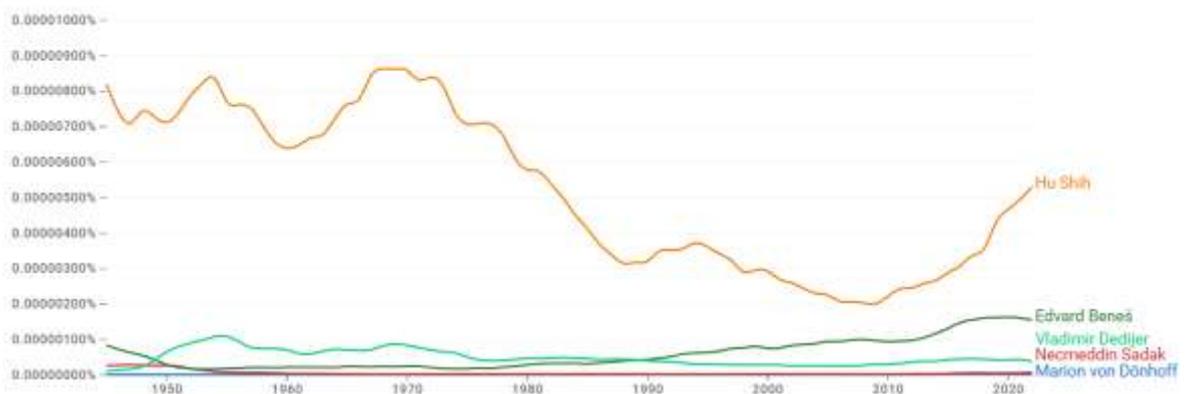

Рисунок 7. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer иностранных политиков и публицистов (кроме британских), писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы

На рисунке 7 видно как на общем фоне выделяются: 1) Ху Ши, частота упоминаний которого словно бы зеркалит отношение англоязычного мира к материковому Китаю (постепенный обвал упоминаемости, начиная с 1970-х годов, по мере нормализации американо-китайских отношений, всплеск интереса в конце 1980-начале 1990-х годов, когда была надежда в США на то, что китайское общество пойдёт по пути советского, и постепенный рост интереса после 2008 года и объявленного «поворота в Азию», подразумевающего стабильно плохие отношения с КНР); и 2) Эдвард Бенеш, интерес к которому стал расти с начала 1980-х годов, и эта тенденция лишь усилилась, по иронии судьбы, после окончательного распада Чехословакии на Чехию и Словакию.

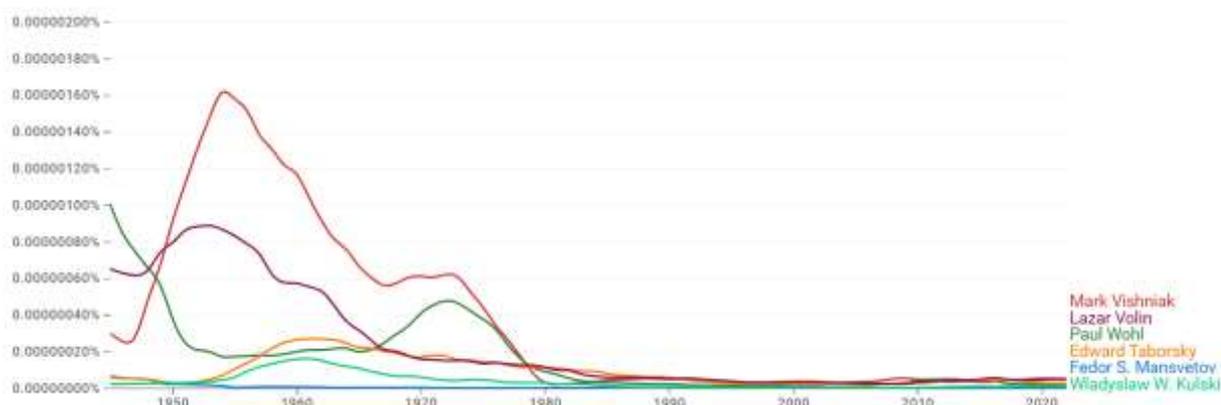

Рисунок 8. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer эмигрантов-политиков и эмигрантов-публицистов, писавших для Foreign Affairs на советские темы в 1945-1953 годы

На рисунке 8 виден относительный пик упоминаний Марка Вишняка в середине 1950-х годов и постепенное падение упоминаемости Лазаря Волина по мере того, как приближалась пенсия. Заметно также то, что Пауль Воль, после постепенного падения своей упоминаемости к 1950 году, смог в конце 1960-х годов обрести словно бы «второе дыхание» и добиться локального пика упоминаемости к середине 1970-х годов, незадолго перед выходом на пенсию. Остальные же эмигрантские авторы, несмотря на все свои усилия, так и не смогли добиться широкой известности.

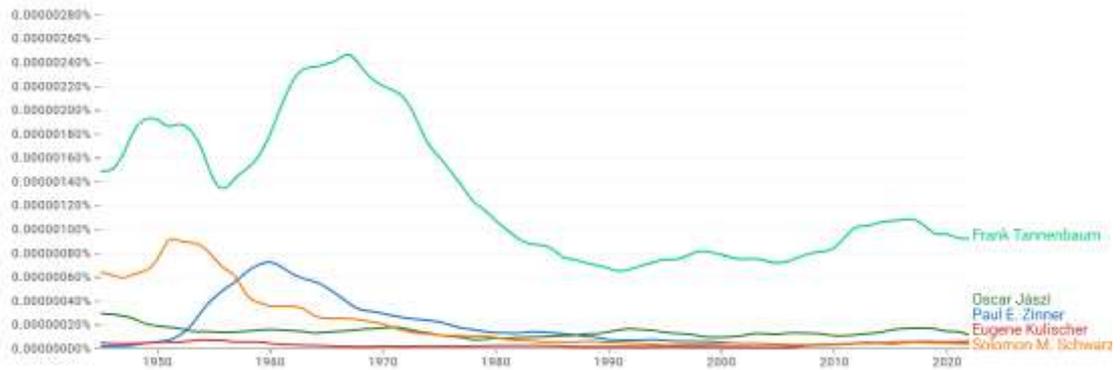

Рисунок 9. Частота упоминаний в Google Books Ngram Viewer учёных-эмигрантов, писавших для *Foreign Affairs* на советские темы в 1945-1953 годы.

В этой категории, учёных-эмигрантов (рисунок 9), видна сравнительно большая известность и авторитетность Фрэнка Танненбаума, который оставил свой след не только в американской исторической, но и в американской криминологической науке. Виден также пик для Соломона Шварца в начале 1950-х годов, несомненно, связанный с его ролью как неустанный критики советской национальной политики, и Пола Зиннера в начале 1960-х годов

Таким образом, подводя итог мы можем сказать, что переосмысление сути взаимоотношений США и СССР в период 1945-1953 нашло выражение в том, что: 1) значительно выросла доля американских политических фигур; 2) только после начала Холодной войны в 1947 году американские публицисты начали играть серьёзную роль в освещении советских тем журналом *Foreign Affairs*; 3) резком росте доли иностранных учёных в освещении проблем взаимоотношений с СССР во время Корейской войны.

На примере *Foreign Affairs* в этот критически важный период видно как шаг за шагом конструировался американоцентричный «Запад», включавший в себя как западноевропейских союзников, так и восточноевропейские диссидентские (эмигрантские) элементы. В идеологическом отношении эта система была разнородна по своему составу и используемым образам врага, но едина в своей цели – строительстве и защите того, что сейчас называется «порядком, основанным на правилах» или, раньше «свободным западным миром». И эта конструкция пережила первую Холодную войну, потому что эта Холодная война была лишь средством для её легитимизации, а не причиной создания.

Заключение

Холодная война была вызвана столкновением глобальных стратегических притязаний США с региональными стратегическими притязаниями СССР и нежеланием обеих сторон идти на компромисс (рассматривая любой компромисс, как акт капитуляции в контексте развития противостояния). Внешнеполитическая линия СССР определялась в первую очередь реалистическими соображениями государственной безопасности и пониманием ограниченности своих возможностей в период послевоенного восстановления.

Американское правительство знало об этом, но сознательно завышало степень угрозы со стороны СССР, чтобы легитимизировать послевоенный миропорядок. Эти действия способствовали новому этапу эскалации Холодной войны, в котором был осуществлён переход от риторики противостояния интересов СССР и США в Европе к дискурсу непосредственной угрозы коммунизма территории и внутреннему строю США, стремления СССР достичь мирового господства.

Советская пропаганда, реагируя на новую внешнеполитическую обстановку стремилась выйти за пределы марксистской догматики и апеллировать к более широкой аудитории, за счёт кооптации националистических и левопрогрессистских аргументов, в первую очередь о ценности национальной независимости самой по себе. Также она активно работала над образами двух Америк – «реакционной», которая как оплот и центр антисоветских сил воплощала расизм, враждебность к культуре и милитаризм и «прогрессивная» Америка, выражающая, с советской точки зрения, истинную американскую традицию Линкольна и Франклина Рузвельта. Это делалось для большего акцента на «мирной» повестке, и демонстрации отсутствия у Советского Союза изначальной, предопределённой враждебности к американскому народу. Подобный подход ограничивал ужесточение антиамериканской риторики, что выразилось в отказе публикаций памфлетов, продвигающих наиболее жесткие интерпретации образа США (на примере памфлета И.Г. Эренбурга «Ночь Америки»).

В годы ранней Холодной войны журнал *Foreign Affairs* для создания негативного образа Советского Союза в среде американских интеллектуалов и внешнеполитической элиты и, соответственно, для рационализации жёсткой антисоветской линии использовал следующий инструментарий:

- 1) образ СССР как государства, идеологически противоположного Соединённым Штатам Америки (по оси «демократия – тоталитаризм»)

2) формирование мнения об СССР как об очередной инкарнации русской имперской государственности, и потому враждебного Соединённым Штатам Америки из-за якобы его русского экспансионизма и национализма.

3) позиционирование СССР как государства, чьё внутреннее устройство исключает всякий долговременный компромисс с Соединёнными Штатами, и которое удовлетворится лишь мировым господством (в противовес предполагаемой американской умеренности и защите прав малых государств)

4) конструирование образа СССР как государства, морально противоположного Соединённым Штатам (как пособника и идеологического наследника национал-социалистической Германии)

Выявлены, посредством использования методов просопографического анализа, основные демографические, поколенческие, профессиональные и социальные категории авторов журнала *Foreign Affairs*, освещавшие советскую политику. Выявлены их взаимоотношения с государственными машинами США и Великобритании, то, как американский и английский интеллектуальный слой участвовал в создании атмосферы Холодной войны, и то, как осуществлялась кооптация и присвоение «левых» политических нарративов для борьбы с СССР. Эти интеллектуальные слои, тесно переплетённые со своими государствами через службу во внешнеполитическом ведомстве и, в ряде случаев, оказание, как минимум, консультационных услуг своим спецслужбам, внесли большой вклад в создание атмосферы Холодной войны. Не без активной помощи английского и американского интеллектуального мира осуществлялась кооптация и присвоение «левых» политических нарративов для борьбы с СССР.

Обе стороны стремились к выполнению схожих целей, но использовали для этого разные средства. В отличие от американской пропагандистской политики, риторическая эскалация Советского Союза отличалась несколько большей сдержанностью и делала большее число оговорок относительно природы американского государства, опасности, исходящей от него и возможного сотрудничества с ним.

Риторическая эскалация с обеих сторон постепенно всё глубже проникала во все слои общества соперничающих супердержав и делала более реалистичную оценку общества и намерений государства-соперника всё более трудным делом, не говоря уже о политической приемлемости завершения Холодной войны широким компромиссом. Более того, в той мере, в какой Холодная война была глубже, чем просто противостоянием двух идеологий, эта риторическая эскалация (особенно заметная с американской стороны) переносилась с текущего государственного устройства соперника на всю историю его госу-

дарства и народа, что уже тогда сулило побеждённому лишь суровый и несправедливый мир.

В условиях, когда идёт процесс, всё чаще называемый «Второй Холодной войной», изучение того, как родилась, как велась и какое наследие оставила первая Холодная война всё более актуально. В особенности это касается роли соотношения внешнеполитических и внутривполитических мотивов при выработке внешней политики государства, какие ограничения ставит перед своими правительствами общественное мнение, что может говорить о мировоззрении определённого общества то, как оно воспринимает своего врага, и как это влияет на его практическое поведение на короткой и на длинной дистанции.

Список источников и литературы

I. Источники:

1. Неопубликованные архивные документы

1. Архив Российской академии наук (АРАН)
Ф. 627. Тарле Евгений Викторович. – Оп. 1. – Д.140.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС). – Оп. 132. – Д. 233
- Ф. 575. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий. – Оп. 1. – Д. 35, 245.

2. Сборники документов

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике// Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный Фонд «Демократия», 1999. – 872 с.
2. Советско-американские отношения. 1945-1948// Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. – М.: Международный Фонд «Демократия», 2004. — 718 с.
3. Советско-американские отношения, 1949-1952// Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова; сост. В. М. Семенов (отв. сост.), И. В. Макаревич, А. И. Петренко – М.: Международный Фонд «Демократия», 2006 – 701 с.
4. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы (ред: Адибеков Г.М.) М.: РОССПЭН, 1998 – 800 с.
5. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953 (Отв. ред.: Наджафов Д.Г., сост.: Д. Г. Наджафов, З.С. Белоусова). М.: Международный фонд «Демократия», 2005 – 765 с.
6. Containment: Documents of American Policy and Strategy, 1945-1950/ edited by Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis. Columbia University Press, New York, 1978. 449 p.
7. Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives / edited by Ralph B. Levering, Vladimir O. Pechatnov, Verena Botzenhart-Viehe, and C. Earl Edmondson. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. 200 p.
8. Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan, and Roberts 'Long Telegrams' of 1946/ edited by Kenneth M. Jensen. United States Institute of Peace, 1991. 70 p.

3. Публицистика

1. Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 672 с.
2. Заславский Д. И. Пещерная Америка (Фельетоны). – М.: Правда, 1951. – 64 с.
3. «Известия» – 1946. – № 61 (8977)
4. «Литературная газета» – 1950. – №55 (2646)
5. «Литературная газета» – 1950. – №61 (2652)
6. «Литературная газета» – 1950. – №67 (2658)
7. «Правда» – 1946. – № 62 (10144)
8. «Правда» – 1952. – №289 (12491)
9. Симонов К.М. В эти годы. Публицистика 1941-1950. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951 – 420 с.
10. Эренбург И.Г. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т.5. – 888 с.

11. Anonymous Author. The Character of a «People's Democracy»// Foreign Affairs. – 1949. – Vol.28. – № 1 – P.143–152
12. Armstrong Hamilton Fish. Coalition for Peace// Foreign Affairs. – 1948. – Vol.27. – № 1 – P.1–16
13. Baldwin Hanson W. The Strategy for Two Atomic Worlds// Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – № 3 – P.386–397
14. Barghoorn Frederick C. What Russians Think Of Americans// Foreign Affairs. – 1948. – Vol. 26. – № 2 – P.290–301
15. Beloff Max. No Peace, No War// Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 2 – P.215–231
16. Benes E. Postwar Czechoslovakia// Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 24. – № 3 – P. 397–410.
17. Bergson Abram. Russian Defense Expenditures// Foreign Affairs. – 1948 – Vol. 26. – № 2 – P.373–376
18. Brannen Barry. The Soviet Conquest of Rumania// Foreign Affairs. – 1952. – Vol. 30. – № 3 – P.466–487
19. Bundy McGeorge. The Test of Yalta. // Foreign Affairs. – 1949 – Vol. 27. – № 4 – P.618–629
20. Butler Harold. A New World Takes Shape// Foreign Affairs. – 1948. – Vol. 26. – № 4 – P.604–615
21. Campbell John C. The European Territorial Settlement//Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 26. – № 1 – P.196–218
22. Campbell, John C. Diplomacy on the Danube// Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 2 – P. 315-327.
23. Chang C.M. Communism and Nationalism in China// Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – № 4 – P. 548–564
24. Dedijer Vladimir. Albania, the Soviet Pawn// Foreign Affairs. – 1951. – Vol.30. – № 1 – P.103–111
25. Denhoff Marion. Germany Puts Freedom Before Unity//Foreign Affairs. – 1950. –Vol.28. – № 3 – P.398–411
26. Dexter Byron. Clausewitz and Soviet Strategy// Foreign Affairs. – 1950. – Vol.29. – № 1 – P.41–55
27. Douglas Paul H. United to Enforce Peace// Foreign Affairs. – 1951. –Vol.30. – № 1 – P.1–16
28. East Gordon W. How Strong is the Heartland?// Foreign Affairs. – 1950. – Vol 29. –№ 1 – P. 78-93
29. East Gordon W. The New Frontiers of the Soviet Union// Foreign Affairs. – 1951. –Vol. 29. – № 4 – P. 591-607
30. Esmer A.S. The Straits: The Crux of World Politics// Foreign Affairs. – 1947. –Vol. 25. – №2 – P. 290– 302.
31. Galantiere Lewis. Through the Russian Looking-Glass// Foreign Affairs. – 1949. –Vol.28. – № 1 – P.114–124
32. Galin A. Europe: Split or United? // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – № 3 – P. 408-420
33. Grey, Jr Arthur L. The Thirty-Eighth Parallel// Foreign Affairs. – 1951. –Vol.29. – № 3 – P.482–487
34. Handler M.S. Communist Dogma and Yugoslav Practice// Foreign Affairs. – 1952 – Vol.30. – № 3 – P.426–443
35. Historicus. Stalin on Revolution// Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 2 – P.175–214
36. Hoover Calvin B. The Soviet State Fails to Wither. // Foreign Affairs. – 1952. – Vol. 31. – № 1 – P.114–127
37. Jaszi O. The Choices in Hungary// Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 24. – № 3 – P.453–465
38. Kennan George F. America and the Russian Future// Foreign Affairs. – 1951. – Vol. 29. –№ 3 – P. 351–370
39. Kerner R. Russian Naval Aims// Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 24. – № 2 – P.290–299

40. Kulischer Eugene M. Russian Manpower// Foreign Affairs. – 1952. – Vol. 31. – № 1 – P.67–78
41. Kulischer Eugene M. The Russian Population Enigma// Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 3 – P.497–501
42. Kulski W. The Lost Opportunity for Russian-Polish Friendship// Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – № 4 – P. 667-684
43. Kulski W. Can Russia Withdraw from Civilisation?// Foreign Affairs. – 1950. – Vol.28. – № 4 – P.623–643
44. Lippmann W. The Cold War. A Study in U.S. Foreign Policy. Harper&Brothers. New York, London. 1947. 62 p.
45. Lippmann W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Little, Brown and Company. Boston. 1943. 177 p.
46. Lockhart Robert Bruce. The Czechoslovak Revolution// Foreign Affairs. – 1948. –Vol. 26. – № 4 – P.632–644
47. Maclean Fitzroy. The Eastern Question in Modern Dress// Foreign Affairs. – 1951 –Vol. 29. – № 2 – P.238–247
48. Mansvetov F. Russia and China in Outer Mongolia// Foreign Affairs. – 1945. – Vol. 24. – № 1 – P.143–152.
49. Mason E.S. Has Our Policy in Germany Failed? // Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 24. – № 4 – P. 579–590.
50. Mihailov N. The Soviet Peacetime Economy // Foreign Affairs. – 1946. – Vol.24. - № 4 – P. 633-637
51. Millikan Gordon. The Science of Soviet Politics. «Pravda» on Hitler in 1933// Foreign Affairs. – 1953. – Vol.31. – № 3 – P.472-485
52. Mosely Philip. The Nineteenth Party Congress// Foreign Affairs. – 1953. – Vol. 31. – № 2 – P.238-256
53. Nettle Peter. German Reparations in the Soviet Empire// Foreign Affairs. – 1951. –Vol. 29. – № 2 – P.300 –307
54. Nicolson H. Peacemaking at Paris: Success, Failure or Farce?// Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – № 2 – P.190–203.
55. O’Boyle Lenore. Theories of Socialist Imperialism// Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – № 2 – P.290–298
56. R. The Beam and the Mote// Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 25. – № 1 – P. 1-12
57. R. The Fate of Polish Socialism// Foreign Affairs. – 1949. –Vol. 28. – № 1 – P.125–142
58. Robinson Geroid Tanquary. The Ideological Combat// Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 4 – P. 525–539.
59. Sadak Necmeddin. Turkey Faces the Soviets// Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 3 – P.449–461
60. Sedgwick A.C. The Plot Against Greece// Foreign Affairs. – 1948. – Vol. 26. – № 3 – P.486–496
61. Shih Hu. China in Stalin’s Grand Strategy// Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 29. – № 1 – P.11-40
62. Schoenfeld Arthur H.F. Soviet Imperialism in Hungary// Foreign Affairs. – 1948. –Vol. 26. – № 3 – P.554–566
63. Schwarz Solomon M. How Much Oil Has Russia?// Foreign Affairs. – 1946 – Vol. 24. – № 4 – P. 736-741
64. Schwarz Solomon M. Revising the History of Russian Colonialism// Foreign Affairs. – 1952. – Vol.30. – № 3 – P.488–493
65. Spencer Arthur. Soviet Pressure on Scandinavia// Foreign Affairs. – 1952. – Vol.30. – № 4 – P.651–659
66. Stimson Henry L. The Challenge to Americans// Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 26. –№ 1 – P.5–14

67. Taborsky Edward. Benes and the Soviets. // Foreign Affairs. – 1949. – Vol. 27. – № 2 – P.302–314
68. Tannenbaum Frank. The American Tradition of Foreign Relations//Foreign Affairs. – 1951. – Vol.30. – № 1 – P.31–50
69. Tarle E. Two Invasions// Foreign Affairs. – 1946. – Vol.24. – № 4 – P.711-714
70. Taurer Bernard. Stalin's Last Thesis// Foreign Affairs. – 1953. – Vol.31. – № 3 – P. 367–381
71. Toynbee Arnold J. The Siege of the West// Foreign Affairs. – 1953. – Vol. 31. – №2 – P.280–286
72. Uhlig, jr Frank. The Threat of the Soviet Navy// Foreign Affairs. – 1952. – Vol.30. – № 3 – P.444–454
73. Utis O. Generalissimo Stalin and the Art of Government// Foreign Affairs. – 1952. – Vol.30 – № 2 – P.197–214
74. Vansittart R.G. The Decline of Diplomacy// Foreign Affairs. – 1950. – Vol.28. – № 2 – P.177–188
75. Varga E. Anglo-American Rivalry and Partnership. A Marxist View// Foreign Affairs. – 1947 – Vol. 25. – № 4 – P.583-595
76. Vishniak M. Lenin's Democracy, and Stalin's. // Foreign Affairs. – 1946 – Vol. 24. – № 4 – P. 610–621.
77. Volin Lazar. The Turn of the Screw in the Soviet Agriculture// Foreign Affairs. – 1952. – Vol.30. – № 2 – P.277–288
78. Welles Samner. Two Roosevelt Decisions. One Debit, One Credit// Foreign Affairs. – 1951. – Vol. 29. – № 2 – P.182–204
79. Westermann W.L. Kurdish Independence and Russian Expansion// Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 24. – № 4 – P.675–686.
80. Wheeler-Bennet J.W. Twenty Years of Russo-German Relations// Foreign Affairs. – 1946. – Vol. 25. – № 1 – P.23–43.
81. Wohl P. Transport in the Development of Soviet Policy// Foreign Affairs. – 1946. –Vol. 24. – № 3 – P.466 –483.
82. Wolfe Bertram D. Operation Rewrite: The Agony of Soviet Historians// Foreign Affairs. – 1952. – Vol.31. – № 1 – P.39–57
83. Wolfe Bertram D. The Struggle for the Soviet Succession// Foreign Affairs. – 1953 – Vol. 31. – № 4 – P.548–565
84. X. The Sources of Soviet Conduct// Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – № 4 – P.566-582
85. Young T. Cuyler. The Race Between Russia and Reform in Iran// Foreign Affairs. – 1950. – Vol. 28. – № 2 – P.278-289
86. Zinner Paul E. Marxism in Action. The Seizure of Power In Czechoslovakia// Foreign Affairs. – 1950. –Vol. 28. – № 4 – P.644–658

4. Художественная литература

1. Иванов В.Д. По следу. – М.: Трудрезервиздат, 1952. – 243 с.
2. Иванов В.Д. Энергия подвластна нам. – М.: Трудрезервиздат, 1951. – 276 с.
3. Ким Р.Н. Тетрадь, найденная в Сунчоне. – М.: Советский писатель, 1951. - 176 с.
4. Лагин Л. Остров разочарования. – М.: Молодая гвардия, 1951. – 472 с.
5. Симонов К.М. Пьесы. – М.: Советский писатель, 1950 – 508 с
6. Симонов К.М. Стихи 1954 года. М.: Советский писатель, 1954. – 151 с.
7. Эренбург И.Г. Лев на площади. – Москва; Ленинград: Искусство, 1948 – 108 с.
8. Эренбург И.Г. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т.3. – 872 с.

II. Литература

1. Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947-1956. - М.: Изд. центр "Россия молодая", 1994. - 233 с.
2. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. «Context is king»: Джон Покок — историк политических языков // НЛЮ. – 2015. – № 134. – С. 21-44.
3. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 427-442.
4. Батюк В.И. Холодная война между СССР и США (1945-1991). Очерки истории. М.: Весь мир, 2018 – 336 с.
5. Батюк В. И. Начало советско-американской ядерной гонки (1945-1949 годы) // Новая и новейшая история. - 2016. - № 6. - С. 66–77.
6. Батюк В. И. Режимы в российско-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 52–66.
7. Белоусов Л. С., Манькин А. С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире// Вестник Московского университета. Серия 8: История - 2021 - № 5 - С. 97-117.
8. Бранденбергер Д.Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 407 с.
9. Буллер А. Следы и слои времени (со статьями Райнхарта Козеллека). Москва-Санкт-Петербург, 2022 – 208 с.
10. Буранок А.О., Нестеров Д.А. Гражданская война в Китае по материалам журнала «Foreign Affairs»// Самарский научный вестник. - 2020 - №9(3). - С.224-229
11. Буранок А.О., Нестеров Д.А. Китайские исследования журнала «Foreign Affairs» в 1929-1950 гг. (опыт просопографического анализа)// Самарский государственный социально-педагогический университет. - 2020 - №3(2). - С.39-44.
12. Варганиян Р.Д. Проблемы послевоенного противостояния держав-победительниц в работах советских авторов в журнале Foreign Affairs на заре Холодной войны// Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2023 - № 1 – С. 19-26.
13. Варганиян Р.Д., Суржик Д.В. Как Америка стала великой: На пути к американской исключительности. — М.: Молодая гвардия, 2025. — 519 с.
14. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Под ред. О. В. Рябова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. - 400 с.

15. Вторая мировая война и трансформация международных отношений (Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина, М., 2020). — 885 с.
16. Гасюк А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны: 1939-1941 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история. М. 2008. - 199 с.
17. Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (Записка). Прометей; пер. с англ. – М.: Рус. раритет, 2007. – 462 с.
18. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922-1941 годах – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 289 с.
19. Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Китаем и Россией в XX веке. – М.: Вагриус, 2009. – 912 с.
20. Журавлёва В.И. История взаимоотношений США с Российской империей / СССР /постсоветской Россией как академический проект XXI в. // Американский ежегодник 2021 / Отв. ред. проф. В.В. Согрин. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. С. 195-219.
21. Журавлева В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуристике в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Выпуск 9 (119). Россия и глобальный мир: идеи и ответы на исторические вызовы XIX—XXI вв. ISSN 2079-8784. URL: <https://history.jes.su/s207987840022753-7-1/>;
22. Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021. - 620 с.;
23. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881-1914. М.: РГГУ, 2012. - 1136 с.
24. Журавлева В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028758-2;
25. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. - С.25-33.
26. Киличенков А.А. "Холодная война" в океане. Советская военно-морская деятельность в зеркале зарубежной историографии. – М.: РГГУ, 2019 – 709 с.
27. Колесникова А.Г. Проблема восприятия противника в контексте исторической имагологии// Вестник российского университета дружбы народов. Серия «История России». - 2008. - №6. - С. 97 – 103.
28. Лубский А.В. Дискурс исторический // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. - М.: Аквилон, 2014. - С. 93-95.
29. Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960-1964. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015 – 312 с.

30. Манькин А.С. Корни американского порядка // Вестник МГИМО-Университета - т. 62, 2018 - № 5 - С. 155-161.
31. Манькин А. С. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг// Преподавание истории и обществознания в школе - 2018 - № 4 - С.19-29.
32. Миньяр-Белоручева А.П. Роль концептуальных метафор в историческом дискурсе // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы Всерос. межвуз. науч. конф. (14–15 мая, 2015). - С. 11-13.
33. Овинников Р. С. Уолл-стрит и внешняя политика. – М.: Международные отношения, 1980. - 272 с.
34. Окончание холодной войны в восприятии современников и историков// под ред. В.И. Журавлевой, О.В. Павленко. М.: РГГУ, 2021. - 300 с.
35. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг: документальные очерки – М.: Terra-Кн. клуб, 2006. - 749 с.
36. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975 – 281 с.
37. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М.: Институт российской истории РАН, 1998 – 334 с.
38. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН - 2006 - № 2(6) - С. 54-72.
39. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. - М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988 - 478 с.
40. Спартак С.А. Влияние Джорджа Кеннана на формирование образа России в американском обществе на рубеже XIX-XX веков//Каспийский регион: Политика, экономика, культура. - 2018. - №4(57) – С.112-116
41. Спартак С. А. Исторические корни политического образа России и США. – М.: МГУ, 2021. - 192 с;
42. Таньшина Н.П. Русофобия: история изобретения страха. – М.: Концептуал, 2023. – 487 с.
43. Тейлор А.Дж.П. Вторая мировая война: Два взгляда. – М.: Мысль, 1995. – 556 с.
44. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. (середина 1940-х – 1953 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016 – 424 с.

45. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка - М.: Весь мир, 2000. – 294 с.
46. Торкунов А.В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950-1953 годов. - М.: РОС-СПЭН, 2000 – 312 с.
47. Улуныян Ар.А. Балканский щит социализма. Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. - 1980 г.). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013 – 912 с.
48. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. Борьба с космополитизмом – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999 – 261 с.
49. Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. – М.: Наука, 1991. – 200 с.
50. Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1972. - 144 с.
51. Юнгблюд В.Т., Рычкова О.В. "Foreign Affairs": освещение войны на советско-германском фронте в 1941–1945 гг.// Ярославский педагогический вестник - 2012 - № 4(1) - С. 88-93.
52. Almond, Gabriel. The American People and Foreign Policy. Harcourt, Brace and Company, New York, 1950. 269 p.
53. Alpers Benjamin L. Dictators, Democracy&American Political Culture. The University of North Carolina Press, 2003. 405 p.
54. Barnett Correlli. The Audit of War: The Illusion and Reality of Britain as a Great Nation. London Basingstoke, 1986. 359 p.
55. Blair Clay. The Forgotten War: America in Korea, 1950-1953. Times Books, 1987. 1136 p.
56. Cardwell Curt. NSC-68 and the Political Economy of the Early Cold War. Cambridge University Press, New York, 2011. 298 p.
57. Caridi R. J. The Korean War and American Politics: The Republican Party as a Case Study. University of Pennsylvania Press, 1968. 319 p.
58. Casey Steven, Wright Jonathan. (editors) Mental Maps in the Early Cold War Era, 1945-1968. Palgrave Macmillan, 2008. 248 p.
59. Casey Steven. Selling the Korean War: Propaganda, Politics and Public Opinion in the United States, 1950-1953. Oxford University Press, 2008. 476 p.
60. Chung-in Moon, Westad A.O. and Gyoo-hyoung Kahng (editors). Ending the Cold War in Korea, Theoretical and Historical Perspectives. Yonsei University Press, 2001. 487 p.
61. Clarke M. American Grand Strategy and National Security. The Dilemmas of Primacy and Decline from the Founding to Trump. Palgrave Macmillan, Cham., 2021. 570 p.

62. Copeland James Eric. *The Untold Story of Economic Conflict in the Second Great War: Battle to Bretton-Woods, Rhetoric of the Marshall Plan, George F. Kennan, John Maynard Keynes and Disregarded Origins of the Cold War* (thesis). The University of Texas at Arlington. May 2016. 232 p.
63. Costigliola F., Hogan Michael J (editors). *America in the World: The Historiography of US Foreign Relations Since 1941*. Cambridge University Press, 2013. 376 p.
64. Doherty B. *Radicals for Capitalism. A Freewheeling History of American Libertarian Movement*. Public Affairs, 2007. 741 p.
65. Engerman, D. C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. Oxford, N.Y: Oxford University Press, 2009. 459 p.
66. Engerman, D.C. *The Rise and Fall of Wartime Social Science: Harvard's Refugee Interview Project, 1950–1954*// Solovey, M., Cravens, H. (eds) *Cold War Social Science*. Palgrave Macmillan, New York, 2012. P.25-43
67. Freeland, Richard M. *The Truman doctrine and the origins of McCarthyism*. New York: Alfred A. Knopf, 1972. 419 p.
68. Gaddis John Lewis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*/ John Lewis Gaddis. New York: Columbia University Press, 1972. 396 p.
69. Gardiner, J. (eds) *What is History Today...?* Palgrave, London, 1988. 167 p.
70. Goncharov S.N., Lewis J.W, Litai Xue. *Uncertain Partners. Stalin. Mao and the Korean War*. Stanford University Press, 1993. 393 p.
71. Grose Peter. *Continuing the Inquiry: the Council on Foreign Relations from 1921 to 1996*. New York: Council on Foreign Relations, 1996. 82 p.
72. Hall, Ian. *The Transformation of Diplomacy: Mysteries, Insurgencies and Public Relations*// *International Affairs*. 2010 – Vol. 86. – № 1 – P. 247-256
73. Hastings Max. *The Korean War*. Simon & Schuster, 1988. 418 p.
74. Hoffman Stanley (editor). *Contemporary Theory In International Relations*. Prentice-Hall of India, Ltd. New Delhi, 1964. 293 p.
75. Hollowell Jonathan (editor). *Twentieth Century Anglo-American Relationship*. New York: Palgrave Macmillan, 2001. 206 p.
76. Isaac J. and Bell D. (eds.). *Uncertain Empire: American History and the Idea of the Cold War*. New York and Oxford: Oxford University Press, 2012. 312 p.
77. Isaacson W., Thomas E. *The Wise Men. Six Friend and the World They Made*. Simon&Schuster, 1986. 853 p.
78. Kennan George F. *The Kennan diaries / edited by Frank Costigliola*. W.W. Norton& Company. New York, London, 2014. 712 p.

79. Kolko J., Kolko G. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945-1954*. Harper&Row, 1972. 820 p.
80. Kolko J., Kolko G. *The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943-1945*. Pantheon Books, New York, 1990. 691 p.
81. la Cour, C. The evolution of the 'public' in diplomacy// *Place Brandind and Public Diplomacy*. – 2018 – Vol.14 – № 1. – P. 22-35.
82. LaFeber W. *America, Russia, and the Cold War, 1945-1992*. McGraw-Hill, 1993. 394 p.
83. Lasch C. *The World of Nations. Reflections on American History, Politics&Culture*. Knopf, 1973. 348 p.
84. Leebaert D. *Grand Improvisation. America Confronts the British Superpower, 1945-1957*. Farrar, Straus and Giroux. New York, 2018. 612 p.
85. Leffler M. A. *Preponderance of Power. National Security, the Truman Administration, and the Cold War*. Stanford University Press, 1992. 689 p.
86. Leffler M.P. and Westad O.A (editors). *The Cambridge History of the Cold War. Volume I. Origins*. Cambridge University Press, 2010. 551 p.
87. Leffler M.P. and Painter David S. (editors). *Origins of the Cold War. An International History*. Routledge, 1994. 322 p.
88. Long Stephen John Kennet. *Disorder over design: Strategy, Bureaucracy and the Development of U.S. Political Warfare in Europe (thesis)*. The University of Birmingham. September 2008. 404 p.
89. Lurie Mark I. *Galantière. The Lost Generation's Forgotten Man*. Overlook Press, Florida. 2017. 402 p.
90. Magnusdottir R. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945-1959*. Oxford University Press, 2019. 240 p.
91. McCormick Thomas. *America's Half-century. United States Foreign Policy in the Cold War and After (second edition)*. The John Hopkins University Press, 1995. 291 p.
92. Mitrovich Gregory. *Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947-1956*. Cornell University Press, 2000. 235 p.
93. Naimark Norman. *Stalin and the Fate of Europe: The Postwar Struggle for Sovereignty*. Harvard University Press, 2019. 320 p.
94. Peris Daniel. *Custiniana: The Many Histories of a Single Trip to Russia 180 Years Ago, and Why It Matters Today// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History – 2021 – Vol. 22 – № 2. – P.345-366*
95. Pfaff W. *Barbarian Sentiments: How the American Century Ends*. Hill and Wang, New York, 1989. 198 p.

96. Pfaff W., Stillman E., *Politics of Hysteria. The Sources of Twentieth-Century Conflict*. Harper&Row, 1964. 273 p.
97. Pfaff W., Stillman E. *Power and impotence: The Failure of America's Foreign Policy*. Random House, New York, 1966. 244 p.
98. Rawnsley Gary D. (editor) *Cold-War Propaganda in the 1950s*. Macmillan Press, 1999. 246 p.
99. Rhodes Richard. *Dark Sun: the Making of Hydrogen Bomb*. Simon&Schuster, 1995. 731 p.
100. Rose G. *The Fourth Founding*. // *Foreign Affairs*. – 2019. – Vol. 98. – № 1 – P.15-19
101. *Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects/ V. I. Zhuravleva, I.I. Kurilla (eds)*. Lexington Books, 2015. 286 p.
102. Shoup Lawrence H, Minter William. *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy*. New York, 1977. 334 p.
103. Schulzinger Robert D. *The Wise Men of Foreign Affairs: the History of the Council on Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 1984. 342 p.
104. *Selling War in a Media Age: The Presidency and Public Opinion in the American Century*/edited by Kenneth Osgood and Andrew K. Frank. Gainesville: University Press of Florida, 2010. 278 p.
105. Shwartz Lowell N. *Political Warfare against the Kremlin: US and British Propaganda Policy at the Beginning of the Cold War*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 292 p.
106. Skinner, Quentin. *Meaning and Understanding in the History of Ideas//History and Theory*. – 1969 – Vol. 8. – № 1. P. 3-53.
107. Sofer S. *Old and New Diplomacy: A Debate Revisited// Review of International Studies* – 1988. – Vol. 14 – № 3 – P.195-211;
108. Sparrow John C. *History of Personnel Demobilization in the United States Army*. History of Personnel Demobilization in the United States Army. Department of the Army, 1952. 358 p.
109. Steil Benn. *The Marshall Plan: Dawn of the Cold War*. Simon&Schuster, 2018. 608 p.
110. Stueck W. (editor) *The Korean War in World History*. Lexington: The University of Kentucky Press, 2004. 216 p.
111. Taylor Philip. *Munitions of the Mind. A history of propaganda from the ancient world to the present era*. Manchester University Press, 2003. 344 p.
112. Tevelow, Amos A. *From Corporate Liberalism to Neoliberalism: A History of American Think Tanks*. (thesis). University of Pittsburgh, 2005. 307 p.
113. Theoharis A. S. *Seeds of repression: Harry S. Truman and the origins of McCarthyism*. New York: Quadrangle, 1971. 238 p.

114. Thornton R. C. *Odd Man Out. Truman, Stalin, Mao and the Origins of the Korean War.* Brassey's. Washington, D.C., 2000. 448 p.
115. Wala Michael. *The Council on Foreign Relations and American Foreign Policy in the Early Cold War.* Providence, RI: Berghann Books, 1994. 289 p.
116. Weathersby Kathryn. *New Russian Archival Materials, Old American Debates, and the Korean War// Problems of Post-Communism – 1995 – Vol.42 - № 5 – P. 25-33*
117. Weathersby Kathryn. *The Soviet Role in the Early Phase of the Korean War: New Documentary Evidence// Journal of American-East Asian Relations – 1993. – Vol. 2 – № 4 – P. 425-458*
118. Westad, O.A. *The Cold War. A World History.* Basic Books. New York, 2017. 720 p.
119. Westad O.A. (editor). *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance.* Stanford University Press, 1998. 404 p.
120. Wodak Ruth. *The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis.* 2nd ed. — London: Sage, 2009. P. 63-94
121. Wodak Ruth, Rudolf de Cillia, Martin Reisigl, Ruth Rodger and Karin Liebhart. *The Discursive Construction of National Identity.* Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 1999. 269 p.
122. Wright Jonathan, Casey Steven. *Mental Maps in the Early Cold War Era, 1945-1968.* New York: Palgrave Macmillan, 2011. 327 p.
123. Zubok V., Pleshakov C. *Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchev.* Harvard University Press, 1996. 346 p.
124. Zubok V. *A Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev.* The University of North Carolina Press, 2007. 468 p.

Приложение: краткие биографические сведения об авторах журнала *Foreign Affairs*, писавших о политике СССР.

Американские авторы:

1) Армстронг, Гамильтон Фиш (1893-1973) – американский журналист. Принадлежал к семейству Фишей, потомственных американских политиков и дипломатов. Военный атташе США в Сербии в годы Первой Мировой войны. В 1922 году, по приглашению тогдашнего главного редактора *Foreign Affairs* Арчиальда Кулиджа, стал ответственным редактором *Foreign Affairs*. После смерти Кулиджа в 1928 году стал главным редактором журнала *Foreign Affairs* и занимал этот пост до 1972 года. Исполнительный директор Совета по международным отношениям. Сторонник активной внешней политики США («интернационалист») и президента Франклина Делано Рузвельта. Один из первых иностранных журналистов, взявших интервью у А. Гитлера. Командор французского Почётного легиона; командор Ордена Британской Империи. Автор ряда книг на внешнеполитические темы. Некоторые из них: *When There Is No Peace* (1939); *Can America Stay Neutral?* (в соавторстве с А. Даллесом) (1939); *The Calculated Risk* (1947); *Tito and Goliath* (1951)

Источники: Langer, William L., George F. Kennan, and Arthur Schlesinger. Hamilton Fish Armstrong, 1893-1973. *Foreign Affairs*, Vol. 51, no. 4 (July 1973); некролог в *New York Times*: <https://www.nytimes.com/1973/04/25/archives/hamilton-fish-armstrong-dies-at-80-foreign-affairs-quarterly.html>

2) Банди, Макджордж (1919-1996) – американский политик и учёный. Член Совета по международным отношениям. Был тесно связан с военным министром Г. Стимсоном и «бостонскими браминами» (семействами Кэбот, Лоуэллов, Лоуренсов). Выпускник Йельского университета (бакалавр математики). Во время Второй Мировой войны служил в военной разведке; в 1943 году был помощником адмирала Алана Кирка. Уволен в запас в 1946 году в звании капитана. Написал для Г. Стимсона его мемуары *On Active Service in Peace and War*; писал речи для кандидата в президенты от республиканцев Томаса Дьюи. После этого стал политическим аналитиком для Совета по международным отношениям. Изучал вопросы «плана Маршалла» для Европы. Среди других членов этой исследовательской группы были Д. Эйзенхауэр, А. Даллес, Ричард Биссел-младший и Джордж Кеннан. Его старший брат, Уильям Банди, был главным редактором *Foreign Affairs* в 1972-1984 годы. С 1949 года преподавал историю внешней политики США в Гарварде. В 1953 году стал профессором и был назначен деканом факультета искусств и наук Гарварда. Избран членом Американской академии искусств и наук в 1954 году. В 1961 году стал советником по национальной безопасности в администрации Дж.Ф. Кеннеди. И продолжил оставаться таковым до 1966 года. Активно поддерживал Вьетнамскую войну. С 1966 года и до 1979 года был президентом Фонда Форда. В 1969 году награждён Медалью свободы президентом Л. Джонсоном. После 1979 года преподавал историю в Нью-Йоркском университете. В 1990-1996 годах работал на Корпорацию Карнеги в Нью-Йорке.

Источники: Bird, Kai. *The Color of Truth: McGeorge and William Bundy, Brothers in Arms: A Biography*. (1998). Kabaservice, Geoffrey. *The Guardians: Kingman Brewster, His Circle, and the Rise of the Liberal Establishment*. (2004) pp. 136–140.

3) Баргхорн, Фредерик (1911-1991) – американский учёный. Советолог. Его научным руководителем был эмигрант из России Михаил Карпович. Профессор политологии Йельского университета. В 1930-х годах консультировал государственный департамент. В 1943-1947 годах – пресс-атташе американского посольства в Москве. В 1949-1951 годах возглавлял государственный проект по изучению советского общества на основании сведений, получаемых от «перемещённых лиц». После Второй Мировой войны его услугами как консультанта пользовались государственный департамент, ВВС, армия, ЦРУ и корпорация RAND. В 1963 году по обвинению в шпионаже был задержан советскими властями на 16 дней и отпущен после неофициальных заверений американского правительства, что к шпионской деятельности отношения не имеет. Автор следующих трудов по советской пропаганде: *The Soviet Image of the United States: A Study in Distortion* (1950); *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy* (1960); *Soviet Foreign Propaganda* (1964).

Источники: некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/1991/11/26/obituaries/frederick-barghoorn-80-scholar-detained-in-soviet-union-in-1963.html> ; Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII-XX века. 2001. - С. 65.

4) Бергсон, Абрам (1914-2003) – американский учёный. Экономист. Во время Второй мировой войны был руководителем русского экономического подотдела УСС и фактически был лидером среди всех экономистов УСС. После Второй Мировой войны преподавал экономику в Колумбийском университете и в Гарварде. С 1956 года – профессор экономического факультета Гарварда. Избран членом американской Академии наук и искусств в 1963 году. Избран членом Американского философского общества в 1964 году. С 1964 года – директор Центра русских исследований Гарварда. В 1980 году избран в Национальную академию наук США.

Источники: некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/2003/04/25/business/abram-bergson-89-theorist-who-studied-soviet-economy.html> ; Samuelson, Paul. Abram Bergson, Economist. April 21, 1914-April 23, 2003// *The Economic Journal*. Volume 115, Issue 501, February 2005, P. F130–F133

5) Болдуин, Хэнсон (1903-1991) – американский журналист. Работал репортёром и военным аналитиком для New York Times с 1929 по 1968 год. Получил Пулитцеровскую премию в 1943 году за репортажи о боях за Гуадалканал. Имел особые взаимоотношения с военным истеблишментом – в частности, именно он первый сообщил в 1959 году о испытаниях атомной бомбы на большой высоте в атмосфере (проект «Аргус»). Выступал за более жёсткую военную и дипломатическую политику относительно Восточного блока, отклоняясь в этом от редакционной политики New York Times. Плодовитый автор. В период ранней Холодной войны издал следующие книги: *The Price of Power* (1947; издана Советом по международным отношениям); *Great Mistakes of the War* (1949);

Источники: некролог в New York Times <https://www.nytimes.com/1991/11/14/world/hanson-baldwin-military-writer-dies.html> ; Robert B. Davies. *Baldwin of the Times: Hanson W. Baldwin, a Military Journalist's Life, 1903–1991* (2012).

б) Браннен, Филипп Барри (1902-1987) - американский военный и журналист. Закончил Гарвардскую школу права в 1925 году и четверть века (за вычетом действительной военной службы) занимался юридической практикой. В 1942 году пошёл в американский военно-морской флот и дослужился до капитана, участвовал в высадке в Нормандии. С ноября 1944 года по февраль 1946 года был представителем военно-морского флота США в Союзной контрольной комиссии по Румынии. В течение 1946 года выполнял поручения военно-морской разведки США в Азии. После этого публиковался в печатном издании Военно-морского института США.

Источники: Подборка его статей на сайте Военно-морского института США: <https://www.usni.org/people/phillip-barry-brannen> ; семейный архив Ф.Б. Браннена - <https://exploreuk.uky.edu/fa/fa-test/?id=xt73r20rv17x>

7) Вестерманн, Уильям Линн (1873-1954) – американский учёный. Историк и папиролог. В 1908 году стал научным сотрудником Висконсинского университета. В 1920 году стал преподавать в Корнеллском университете. Назначен профессором по истории античности Колумбийского университета в 1923 году. В 1948 году оставил Колумбийский университет, чтобы стать приглашённым профессором Александрийского университета в Египте. Был включён в Американскую комиссию подготовки мирного договора как эксперт по Западной Азии; консультировал президента Вильсона на Парижской Мирной конференции 1919 года по греческим и турецким делам. Избран в Американское философское общество в 1944 году. Избран президентом американской ассоциации историков в 1944 году.

Источники: некролог в газете Dixon Evening Telegraph: <https://www.newspapers.com/newspage/7776612/> ; некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/1954/10/05/archives/wl-westermann-educator-81-dies-columbia-professor-emeritus-of.html>

8) Вольф, Бертрам (1896-1977) – американский политик, пропагандист и учёный. Активист Социалистической партии Америки. Один из основателей Коммунистической партии Америки. В 1923 году, скрываясь от репрессий, бежал в Мексику, откуда в 1925 году за поддержку стачки железнодорожных рабочих, был депортирован обратно в США. Делегат от американской компартии на 6 съезде Коминтерна. В 1928 году выступил против политики Сталина (советское руководство хотело видеть во главе американской компартии соперничающую фракцию), после чего был исключён из компартии. В итоге Вольф стал антикоммунистом и в 1950-е годы работал как консультант по идеологии Управления международного вещания государственного департамента. Был старшим научным сотрудником Русского института Колумбийского университета в 1951-1952 годах. После этого стал научным сотрудником Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета, специализируясь на славистике, и в 1966 году стал его старшим научным сотрудником.

Источники: некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/1977/02/22/archives/bertram-wolfe-expert-on-marxism-and-early-foe-of-stalin-dead-at-81.html> ; Lazitch, Branko with Drachkovitch, Milorad M. Biographical Dictionary of the Comintern: New, Revised, and Expanded Edition. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1986; pp. 514-515;

9) Галантир, Льюис (1895-1977) – американский литератор, переводчик и правительственный чиновник. По образованию библиотекарь. В 1920 году получил работу в Меж-

дународной торговой палате. В 1928 году его взял на работу Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Был личным знакомым Джеймса Джойса, Эзры Паунда, Эрнста Хэмингуэя. Переводил на английский язык французских авторов, в частности Леона Доде и Антуана де Сент-Экзюпери. В годы Второй Мировой войны возглавил французскую секцию Управления военной информации, надзирал за радиопередачами радиостанции «Голос Америки» на французском языке. После войны стал подрабатывать консультантом для Радио «Свободная Европа» и стал членом Совета по международным отношениям. В 1951 году стал консультантом государственного департамента и оставался в этой роли до 1965 года. Кавалер французского ордена Искусств и литературы.

Источники: некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/1977/02/22/archives/lewis-galantiere-translator-of-french-works-dies.html> ; Lurie, Mark I. Galantière (2017).

10) Грей-младший, Артур Лесли (1922-2012) – американский учёный. Экономист и урбанист. Преподавал в Университете Невады, Калифорнийском Технологическом университете, Университете Южной Калифорнии и, с 1964 по 1989 годы в Колледже архитектуры и городского планирования в Университете штата Вашингтон. Был ассистентом видного американского корееведа Джорджа Макьюна и, вместе с его женой Эвелин Макьюн, помог закончить его книгу «Корея сегодня».

Источники: некролог на сайте Legacy, крупнейшем в США из числа обеспечивающих онлайн-памятники: <https://www.legacy.com/us/obituaries/seattletimes/name/arthur-grey-obituary?id=25795963>

11) Гувер, Кальвин Брайс (1897-1974) – американский учёный. Экономист. Участник Первой Мировой войны, закончил её в чине сержанта. После войны выучился на экономиста. В 1925 году стал доцентом и начал преподавать экономику в университете Дьюка. Посетил Москву в 1929-1930 годах для исследования советской экономики и, по совету британского экономиста Дж.М. Кейнса, опубликовал монографию *The Economic Life of Soviet Russia* (1931). Затем посетил Германию для исследования национал-социалистической экономики и опубликовал свою вторую книгу: *Germany Enters the Third Reich* (1933). В 1933 году вернулся в университет Дьюка, но вскоре был призван на государственную службу. С 1933 года и до начала Второй Мировой войны консультировал Агентство по регулированию сельского хозяйства. После вступления США во Вторую Мировую войну служил в УСС. Выступал против деиндустриализации Германии и за её скорейшее экономическое восстановление. В 1945 году вернулся к преподаванию экономики в университете Дьюка. В 1947 году награждён Медалью свободы президентом Гарри Трумэном. В 1953 году избран президентом Американской ассоциации экономистов.

Источники: Smith, Robert Sidney; De Vyver, Frank Traver. *Economic systems and public policy: essays in honor of Calvin Bryce Hoover* (1966); биография на сайте экономического факультета Университета Дьюка: <https://web.archive.org/web/20100612090802/http://econ.duke.edu/about/history/individuals/calvin-bryce-hoover> :

12) Декстер, Байрон (1900-1973) - американский журналист. Член Совета по международным отношениям. Помощник редактора журнала *Foreign Affairs* с 1943 года, ответственный редактор журнала *Foreign Affairs* в 1949-1955 годах.

Источники: некролог New York Times: <https://www.nytimes.com/1973/08/04/archives/byron-dexter-72-editor-of-foreign-affairs-dies.html?ysclid=m9sjbgwdjg35235028>

13) Дуглас, Пол (1892-1976) – американский политик. Подполковник корпуса морской пехоты США в годы Второй Мировой войны, сенатор-демократ от штата Иллинойс в 1949-1967 годы.

Источники: Biles, Roger. *Crusading Liberal: Paul H. Douglas of Illinois* (2002)

14) Кеннан, Джордж (1904-2005) – американский дипломат и учёный. Историк дипломатии. В 1931-1933 годах был третьим секретарём американской дипмиссии в Риге, в 1933-1937 годах в посольстве США в Москве. В 1938-1939 годах возглавлял русский отдел Государственного департамента США. В сентябре 1938 года был переведён в пражскую дипмиссию США, после уничтожения независимой Чехословакии немцами переведён в Берлин. В 1942 году переведён в Лиссабон и после смерти посла США стал поверенным в делах и фактическим главой американского посольства в Португалии. В 1944 году был переведён сперва в Лондон как советник американской делегации Европейской консультативной комиссии, затем в Москву как заместитель посла А. Гарримана. Автор «Длинной телеграммы» и статьи «Икс» («Источники советского поведения»), ставших фундаментом концепции сдерживания СССР. В 1947 году Кеннан стал первым руководителем Штаба внешнеполитического планирования государственного департамента. В 1950 году оставил государственный департамент из-за нарастающих разногласий с американским правительством. После этого он ненадолго возвращался на дипломатическую службу как посол США в Москве (1952) и Белграде (1961-1963). После своей отставки в течение почти 50 лет занимался изучением истории дипломатии как член Школы исторических исследований Института перспективных исследований. С возрастом становился всё более критичен к американской внешней политике. К его крупнейшим научным работам относятся: *American Diplomacy, 1900–1950* (1951); *Russia Leaves the War* (1956); *The Decline of Bismarck's European Order: Franco-Russian Relations, 1875–1890* (1979); *The Fateful Alliance: France, Russia, and the Coming of the First World War* (1984).

Источники: Gaddis, John Lewis. *George F. Kennan: An American Life* (2011); Felix, David. *Kennan and the Cold War: An Unauthorized Biography* (2015); Costigliola, Frank. *Kennan: A Life Between Worlds* (2023)

15) Кёрнер, Роберт (1887-1956) – американский учёный. Историк. В 1917 году зачислен в штат экспертов Inquiry (американской комиссии по выработке условий мирного договора). В 1918-1919 годах был членом американской делегации на Парижской мирной конференции. Его ментором был Арчибальд Кулидж, американский дипломат и первый главный редактор журнала *Foreign Affairs*. После Второй Мировой войны занял жёсткую антисоветскую позицию и считал «мирное сосуществование» с СССР формой национального самоубийства. Преподавал славянскую историю в Калифорнийском университете в Беркли с 1928 года по 1956 год. Основатель Института славянских исследований в университете в Беркли. К числу его крупнейших работ относится книга *The Urge to the Sea: The Course of Russian History...* (1942)

Источники: Kothkin, S. *Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar// Acta Slavica Iaponica: Journal of Slavic research center, Hokkaido university. Vol. 15* (1997) P. 93-113

16) Кэмпбелл, Джон Коэрт (1911-2000) – американский дипломат. Член Совета по международным отношениям. Специалист государственного департамента по Восточной Европе (1942-1946), руководил балканским отделом министерства и был членом штаба политического планирования госдепартамента в 1949-1955 годах; вернулся в государственный департамент как советник и консультант в 1963 году и оставался на этом посту

до 1980 года. С 1955 по 1962 год был директором отдела политических исследований Совета по международным отношениям, старшим научным сотрудником Совета с 1962 по 1978 год, и руководителем научных исследований Совета в 1977-1978 годах. Автор книг о Восточной Европе: *American Foreign Policy Toward Communist Eastern Europe* (1965) и *Tito's Separate Road* (1967).

Источники: Некролог в *New York Times*: <https://www.nytimes.com/2000/07/23/world/john-campbell-88-an-expert-on-american-foreign-policy.html>

17) Милликан, Гордон Уильям (1913-2005) – американский учёный. Советолог. Специализировался на истории советско-германских отношений. Учился в Русском институте Колумбийского университета, закончил там аспирантуру и защитил диссертацию по теме: *The Question of Interdependence Between The Russian Revolution and Revolution Abroad: Discussions in the Comintern, First and Fifth Congresses*. В 1970 году защитил в Колумбийском университете докторскую диссертацию по теме *Soviet and Comintern Policy Toward Germany, 1928-1933: A Case Study of Strategy and Tactics*.

Источники: Путеводитель по архивам Колумбийского университета: https://findingaids.library.columbia.edu/archives/cul-7927745_aspace_eb2873990cd7591afb95a23fc2eae7e ;

Jesse J. Dossick. *Doctoral Dissertations on Russia, The Soviet Union, and Eastern Europe Accepted by American, Canadian, and British Universities, 1970-1971*// Vol. 30, No. 4 (Dec., 1971), pp. 933; биография на генеалогическом онлайн-сервисе Geni: <https://www.geni.com/people/Gordon-Millikan/6000000001660331091>

18) Мосли, Филип (1905-1972) – американский учёный. Советолог. Доктор наук Гарвардского университета. Жил в СССР в 1931-1932 годах и позитивно относился к советской политике. До Второй Мировой войны преподавал историю в Принстонском университете (1929-1930), Юнион-колледже (1933-1935), Корнеллском университете (1936-1942). Во время Второй Мировой войны служил в государственном департаменте. Был советником государственного секретаря Корделла Халла на Московской конференции (1943), был политическим советником американской стороны в Европейской консультативной комиссии (1944-1945), Потсдамской конференции (1945) и на сессиях Совета министров иностранных дел в 1945-1946 годах. Был делегатом США в комиссии четырёх держав по проведению итало-югославской границу (1946). Одна из ключевых фигур Русского института Колумбийского университета и его директор в 1951-1955 годах, способствовал расширению и укреплению американской советологии. В 1953 году привлекался к проекту «Соляриум» - выработке оптимальных стратегий противодействия Советскому Союзу. В 1952-1961 годах Мосли был руководителем исследовательской программы Совета по международным отношениям, а в 1955-1963 годах. Мосли был директором исследовательской программы по Советскому Союзу для Совета по международным отношениям, а с 1955 по 1963 год – руководителем всех научных исследований этого Совета.

Источники: некролог в *New York Times*: <https://www.nytimes.com/1972/01/14/archives/dr-philip-e-mosely-scholar-of-soviet-affairs-dead-at-66.html> ; Engerman, D. C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. (2009).

19) Мэйсон, Эдвард (1899-1992) - американский учёный. Экономист, профессор Гарвардского университета. Избран членом Американской Академии Наук и Искусств в 1934 году. Во время Второй Мировой войны служил в УСС. Один из экономистов, принимавших участие в разработке «Плана Маршалла». Консультант Всемирного банка. Декан Высшей школы государственного управления (ныне – Школа управления имени Дж.Ф.

Кеннеди) с 1947 по 1958 годы. Член Американского Философского Общества с 1954 года. Стал президентом Американской ассоциации экономистов в 1962 году.

Источники: некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/1992/03/04/us/edward-s-mason-93-economist-and-a-former-harvard-professor.html>

20) О'Бойл, Ленор (1922-1995) – американская учёная. Историк, специализировалась на истории Германии и интеллектуальной истории Западной Европы XIX века. Доцент Женского колледжа Университета Северной Каролины. Одна из первых преподавательниц истории в Гарвардском университете (назначена на эту должность в ноябре 1945 года).

Источники: Bulletin of the Woman's College of the University of North Carolina – Vol. XXXIX, No3, April 1950; Студенческая газета Гарвардского университета Harvard Crimson <https://www.thecrimson.com/article/1945/10/9/packard-sees-sectionwomen-as-latest-thing/>

21) Робинсон, Джероид Танкуари (1892-1971) - американский учёный. Советолог. Офицер американской армии в Первую Мировую войну. С 1924 года научный сотрудник исторической кафедры Колумбийского университета. Во время Второй Мировой войны служил в УСС (1941-1945 годы) как руководитель русского аналитического и исследовательского отдела, был советником генерала Уильяма Донована. Основатель и директор (с 1946 по 1951 год) Русского института Колумбийского университета – главного центра советологии в США.

Источники: Knight, Nathaniel. Geroid Tanquary Robinson: An Architect of American Area Studies// *Slavic & East European Information Resources*, Vol. 23, no 1-2 (2021), P.73-89; Engerman, D. C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. (2009).

22) Стимсон, Генри (1867-1950) – американский государственный деятель. Военный министр США (1911-1913; 1940-1945), офицер артиллерии армии США в годы Первой Мировой войны, закончил войну в чине полковника, генерал-губернатор Филиппин (1927-1929), государственный секретарь США (1929-1933). Автор «доктрины Стимсона» - отказа США признавать результаты агрессивных действий других государств. Противник «плана Моргантау». Сторонник сотрудничества с СССР по вопросам атомных технологий. Принимал участие в выборе целей для первого использования атомной бомбы. После отставки с поста военного министра в соавторстве с Макджорджем Банди написал свои мемуары *Active Service in Peace and War* (1948). Член Совета по международным отношениям с момента его создания.

Источники: Hodgson, Godfrey. The Colonel: The Life and Wars of Henry Stimson, 1867–1950 (1990); Schmitz, David F. Henry L. Stimson: The First Wise Man (2000); Malloy, Sean L. Atomic Tragedy: Henry L. Stimson and the Decision to Use the Bomb Against Japan (2008).

23) Сэдживик, Александр Кэмэрон (1902-1996) – американский журналист. Обозревал для New York Times североафриканский театр военных действий в годы Второй Мировой войны. После Второй Мировой войны обозревал события в Греции и Турции для New York Times вплоть до выхода на пенсию в 1961 году. Кавалер Ордена Британской Империи.

Источники: некролог в New York Times: <https://www.nytimes.com/1996/01/21/nyregion/a-c-sedgwick-94-reporter-for-times-who-covered-war.html>

24) Улиг-младший, Франклин Рейнхардт (1927-2020) – американский учёный. В 1945 году был призван служить в американских ВМС. По завершении срока службы стал историком военно-морского флота. Редактор журнала *Our Navy*. Ассоциированный член Во-

енно-морского института США в Аннаполисе, в итоге он стал главным редактором этого института. Основатель издания *Naval Review*, посвящённого актуальным вопросам и проблемам американских ВМС. В мае 1970 года выиграл престижную премию имени Альфреда Мэхена. В 1980 году удостоен Военно-морским колледжем США звания почётного профессора. С 1981 года по 1993 год был главным редактором *Naval War College Review*, печатного издания Военно-морского колледжа США.

Источник: официальный некролог на сайте похоронной фирмы O'Neill-Hayes - <https://www.oneillhayes.com/obituaries/Franklin-Reinhardt-Uhlig-Jr?obId=24942443> ; его статьи на сайте Военно-морского института США: <https://www.usni.org/people/franklin-uhlig>

25) Уэллес, Самнер Бенджамин (1892-1961) – американский дипломат. Происходил из семьи, связанной с Асторами и Рузвельтами. В 1921 году был назначен главой латиноамериканского отдела государственного департамента. После короткого перерыва в 1922 году вернулся на госслужбу: был спецпредставителем США в Доминиканской республике, выступал посредником в прекращении гражданской войны в Гондурасе. В 1925 году был уволен с дипломатической службы президентом Кальвином Кулиджем за то, что взял в жёны бывшую жену друга Кулиджа. Член Совета по международным отношениям. В апреле 1933 года был назначен президентом Франклином Делано Рузвельтом послом на Кубе. С 1937 года – заместитель государственного секретаря. На своём посту считался архитектором политики «Доброго соседа» относительно латиноамериканских стран. Автор Декларации Уэллеса (23 июля 1940 года), которая отказывалась признавать присоединение трёх прибалтийских республик к СССР. В 1943 году лишился своего поста из-за гомосексуального скандала. После этого писал популярные книги и статьи на темы американской внешней политики (например, *Seven Major Decisions That Shaped History* (1951); *Where Are We Heading* (1946); *The Time for Decision* (1944)).

Источники: Gellman, Irwin F., *Secret Affairs: Franklin Roosevelt, Cordell Hull, and Sumner Welles* (1995); Hoopes, Townsend and Brinkley, Douglas, *FDR and the Creation of the U.N.* (1997); Fullilove, Michael. *Rendezvous with Destiny: How Franklin D. Roosevelt and Five Extraordinary Men Took America into the War and into the World* (2013).

26) Хандлер, Мейер (Майк) Средник (1905-1978) – американский журналист. Зарубежный корреспондент ряда американских издательств: *International News Service* в 1933-1935, *United Press* в 1935-1948, а после 1948 года – *New York Times*. Освещал ход Второй Мировой войны в Европе и Нюрнбергский трибунал. Для *New York Times* работал по Балканам из Белграда в 1948-1952 годах; по Центральной и Восточной Европе из Бонна и Вены в 1952-1957 и 1957-1962 годах, соответственно. В 1962 году вернулся в США и стал обозревать борьбу за гражданские права.

Источники: некролог в *New York Times*: <https://www.nytimes.com/1978/02/11/archives/ms-handler-a-times-reporter-who-covered-world-war-ii-dies-reported.html>

27) Шёнфельд, Ганс Фредерик Артур (1889-1952) – американский дипломат. В 1920-х годах был поверенным в делах США в Мексике. Чрезвычайный и полномочный посол США в Доминиканской республике (1931-1937 годы), Финляндии (1937-1942 годы) и Венгрии (1946-1947 годы).

Источники: Послужной список Г.Ф.А. Шёнфельда на сайте государственного департамента США: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/schoenfeld-hans-frederick-arthur>

28) Янг, Кайлер Т. (1900-1976) - американский учёный. Иранист. Во время Второй Мировой войны служил в Вашингтоне аналитиком УСС и заместителем начальника ближне-

восточного отдела УСС. В 1944 году переведён в резерв дипломатической службы, два года был первым сотрудником по связям с общественностью в американском посольстве в Тегеране. Профессор Принстонского университета. Удостоен звания рыцаря Гроба Господня.

Источники: некролог в New York Times <https://www.nytimes.com/1976/09/03/archives/t-cuyler-young-76-expert-on-near-east.html> ; Luther, Allin K. In Memoriam: T. Cuyler Young, 16 August 1900–31 August 1976// International Journal of Middle East Studies Vol. 8, No. 2 (Apr., 1977), P. 267-269

Иностранные авторы:

29) Батлер, Гарольд (1883-1951) – британский чиновник. На государственной гражданской службе с 1907 года (сперва в ведомстве по надзору за местным самоуправлением, затем, с 1908 года – в министерстве внутренних дел, с 1916 года – в министерстве труда). В 1919 году был первым генеральным секретарём на первой Международной трудовой конференции (1919). Был в том же 1919 году избран заместителем председателя Международной организации труда. В 1932 году избран генеральным директором Международной организации труда, оставил этот пост в 1938 году под давлением Франции. В 1938 году стал первым ректором Наффилд-колледжа Оксфордского университета, оставил этот пост в 1943 году. Посланник в британском посольстве в Вашингтоне в 1942-1946, руководитель Британской информационной службы в Вашингтоне с 1942 года. Кавалер Ордена Бани, рыцарь-командор Ордена Святых Михаила и Георгия.

Источники: Rodney Lowe. Butler, Sir Harold Beresford. Oxford Dictionary of National Biography. doi:10.1093/ref:odnb/32212

30) Белофф, Макс (1913-1999) – британский историк еврейского происхождения. Член Британской Академии Наук, член Королевского исторического общества, научный сотрудник Наффилд-колледжа Оксфордского университета (1946-1956), затем гладстонский профессор государственного управления Оксфордского университета (1957-1974), затем заслуженный профессор (эмерит). В годы Второй Мировой войны служил в Королевском корпусе связи. В описываемый период написал следующие труды: *The Foreign Policy of Soviet Russia 1929–41* (2 volumes) (1947/1949), *Thomas Jefferson and American Democracy* (1948), *Soviet Policy in the Far East, 1944–51* (1953). В 1980 году возведён в баронский титул.

Источники: Johnson, N. (2003) Max Beloff, 1913–1999// Proceedings of the British Academy: Vol. 120. P. 21-40.

31) Бенеш, Эдвард (1884-1948) – государственный деятель Чехословакии. Министр иностранных дел Чехословакии (1918-1935), президент Чехословакии (1935-1938, 1945-1948). Погиб при загадочных обстоятельствах в 1948 году.

Источники: Neville, Peter. Benes & Masaryk: Czechoslovakia (2010)

32) Ванситарт, Роберт (1881-1957) – британский дипломат. На дипломатической службе с 1902. В 1920-1924 – секретарь Министра иностранных дел, в 1924-1928 – советник Министра иностранных дел; в 1928-1930 – помощник заместителя министра иностранных дел и начальник личного секретариата премьер-министра; в 1930-1938 – постоянный заместитель министра иностранных дел; в 1938-1941 – дипломатический советник Правительства Его Величества. Введён в Тайный совет в 1940 году, в июле 1941 года воз-

ведён в бароны. Член Королевского Викторианского Ордена, кавалер Ордена Святых Михаила и Георгия, кавалер Ордена Бани, рыцарь-командор Ордена Бани, рыцарь Большого Креста Ордена Святых Михаила и Георгия, рыцарь Большого Креста Ордена Бани. Поэт, писатель и драматург.

Источники: Sir Robert Vansittart, *The Mist Procession* (1958); Maurice Cowling, *The Impact of Hitler. British Policy and British Politics 1933–1940* (1975);

33) Дедиер, Владимир (1914-1990) – югославский политик и историк. До Второй Мировой войны – журналист, симпатизировавший Испанской республике и коммунистам. После немецкого нашествия на Югославию ушёл в партизаны. Дослужился до чина полковника, неоднократно получал ранения, жена была убита немецкими оккупантами. После войны – член югославской делегации на Парижской мирной конференции и на нескольких заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН. В 1952 году стал членом ЦК КПЮ. В 1954 году был уволен со всех постов (включая пост профессора истории в Белградском университете) за поддержку Милована Джиласа и с тех пор занимался только исторической наукой. Автор биографии Тито (1953 год), ставшей бестселлером; а также работы об истоках Первой Мировой войны (*The Road to Sarajevo*, 1966) и о связях усташеской истребительной политики и римско-католической церкви (*The Yugoslav Auschwitz...*, 1992).

Источники: Некролог в *New York Times* <https://www.nytimes.com/1990/12/04/obituaries/vladimir-dedijer-tito-biographer-and-partisan-fighter-dies-at-90.html>; Fox, John Review: *The Yugoslav Auschwitz and the Vatican* by Vladimir Dedijer// *The Slavonic and East European Review*. Vol. 73, no 2 (April 1995), P. 358–360

34) Дёнгоф, Марион (1909-2002) – немецкая журналистка. Представительница аристократического рода графов Дёнгоф. Участница Сопrotивления. В 1946 году стала редактором гамбургского интеллектуального еженедельного издания *Die Zeit* и в течение более 55 лет (с незначительными перерывами) работала редактором, а позже издателем этого журнала, ставшего влиятельной газетой. В 1990 году Дёнгоф избрана почётным иностранным членом Американской академии наук и искусств.

Источники: некролог в *Guardian* <https://www.theguardian.com/news/2002/mar/13/guardianobituaries.hellapick>

35) Ист, Уильям Гордон (1902-1998) – британский географ. Преподавал географию в Лондонской школе экономики и политологии. Во время Второй Мировой войны служил в министерстве экономической войны и министерстве иностранных дел. С 1947 года по 1970 году возглавлял кафедру географии в Биркбек-колледже Лондонского университета. Автор ряда работ, посвящённых политической географии, в частности: *An Historical Geography of Europe* (1935), *The Geography Behind History* (1937), *The Spirit and Purpose of Geography* (1951).

Источники: Mead, M. R. (1998). *Obituary: William Gordon East, 1902–1998*// *Journal of Historical Geography*. Vol. 24, no. 3 (July 1998), P. 352–355

36) Локкарт, Брюс (1887-1970) – британский дипломат, шпион и писатель. Британский вице-консул (1912-1915) и генеральный консул (1915-1917) в Москве, неофициальный глава британской дипломатической миссии в РСФСР (1917-1918). Заместитель руководителя Управления политической войны в 1941-1945 годах. Кроме того, в годы Второй Мировой войны Локкарт был офицером по связям с чехословацким эмигрантским правительством. Плодовитый писатель, в частности, за период ранней Холодной войны опублико-

вал 6 книг, в их числе историю королевской морской пехоты во Второй Мировой войне, очередной том своей автобиографии, и книгу о судьбе послевоенной Чехословакии.

Источники: Crossland, James. *Rogue Agent: From Secret Plots to Psychological Warfare, The Untold Story of Robert Bruce Lockhart* (2024).

37) Маклин, Фицрой (1911-1996) – британский генерал и политик. На дипломатической службе с 1933 года. В составе посольства в Париже с 1934 по 1937 года. В 1937 году переведён в посольство в Москве. В 1939 году ушёл в отставку, чтобы немедленно завербоваться в армию. В 1941 году избран депутатом Палаты Общин от консервативной партии и сохранял этот пост до 1959 года; в 1959 году избрался в Палату Общин от другого округа и сохранял место до 1974 года. Участвовал в боевых действиях в Северной Африке. В 1943 году выбран премьер-министром У. Черчиллем как руководитель миссии по налаживанию контактов с партизанами И.Б. Тито. Войну закончил в чине бригадира. В 1957 году получил титул баронета. Плодовитый писатель, в частности автор автобиографии *Eastern Approaches* (о дипломатической службе в Москве, войне в Северной Африке и взаимодействии с партизанами Тито) и биографии Иосипа Броза Тито. Командор Ордена Британской Империи, кавалер Ордена Кутузова, кавалер Ордена Чертополоха.

Источники: McLynn, Frank. *Fitzroy Maclean*. (1992); Maclean, Veronica. *Past Forgetting: A Memoir of Heroes, Adventure, Love and Life with Fitzroy Maclean*. (2002)

38) Неттл, Джон Питер (1926-1968) – британский историк еврейского происхождения. Родился в Чехословакии, во время Второй Мировой войны и после неё выполнял поручения английской разведки. На основе своего пребывания в Германии написал в 1951 году книгу о советской немецкой политике (*The Eastern Zone and Soviet Policy in Germany*) и ряд статей на ту же тему. После демобилизации экстерном закончил Оксфордский университет и был приглашён преподавать в колледж Святого Иоанна. Однако по настоянию отца вынужден был заняться семейным бизнесом. В науку Неттл вернулся в 1960-е годы и добился широкого признания благодаря своей двухтомной биографии Розы Люксембург, а также работами о политической мобилизации и модернизации обществ.

Источники: Obituary: Dr. Peter Nettl. *The Jewish Chronicle*. London, United Kingdom. November 8, 1968. p. 43; Джон Питер Неттл (John Peter Nettl): 1926-1968// Политическая наука, №2 (2011), С.208-212

39) Никольсон, Гарольд (1886-1968) – британский политик, дипломат и писатель, официальный биограф короля Георга V. В 1909-1929 годах – на дипломатической службе Его Величества. С 1935 по 1945 годы – депутат парламента от лейбористской партии. Член Совета управляющих БиБиСи в 1941-1945 годах. Кавалер Ордена Святых Михаила и Георгия. Рыцарь-командор Королевского Викторианского ордена. Автор книг «Дипломатия», «Как делался мир в 1919 году». В рассматриваемый период издал биографию короля Георга V. (1952)

Источники: Drinkwater, Derek. *Sir Harold Nicolson & International Relations*, (2005); Bristow-Smith, Laurence. *Harold Nicolson: Half-an-Eye on History*. (2014).

40) Садак, Неджметтин (1890-1953) – турецкий политик. Депутат парламента с 1928 года. Неоднократно представлял интересы Турции на международных конференциях. Министр иностранных дел Турции в 1947-1950 годах.

Источники: VanderLippe, John M. *The politics of Turkish democracy: İsmet İnönü and the formation of the multi-party system, 1938-1950* (2005)

41) Спенсер, Артур (?-?) – британский журналист, корреспондент лондонского журнала *The Economist* в Скандинавии в период ранней Холодной войны. Более подробных биографических сведений найти не удалось.

Источники: <https://www.foreignaffairs.com/authors/arthur-spencer>

42) Тойнби, Арнольд (1889-1975) – британский историк и социолог. В 1915 году начал работать на разведку министерства иностранных дел Великобритании. Делегат на Парижской мирной конференции 1919 года. С 1925 года профессор международной истории в Лондонской Школе Экономики. С 1929 года по 1956 год – директор Королевского института международных отношений (Чатэм-хауса). Член Британской Академии Наук. Международный член Американского Философского общества и международный почётный член Американской академии наук и искусств. Автор 12-томного труда «Постижение истории». Награждён орденом Кавалеров Чести.

Источники: McNeill, William H. Arnold J. Toynbee: A Life (1989); Perry, Marvin. Arnold Toynbee and the Western Tradition (1996).

43) Уиллер-Беннет, Джон (1902-1975) – британский историк, официальный биограф короля Георга VI. В 1920 году был помощником генерал-майора Нила Малькольма на Ближнем Востоке и в Берлине, в 1923-1924 годах работал в департаменте по связям с общественностью Лиги Наций. После этого был назначен директором информационного департамента Королевского института международных отношений (Чатэм-хауса) и редактором его печатного органа *Bulletin of International News*, где и работал до 1932 года. В 1940 году создал Британскую информационную службу в Нью-Йорке – пропагандистский орган для склонения американского общественного мнения на сторону Британии. В 1942 году стал заместителем генерального директора Департамента политической разведки в составе министерства иностранных дел; помогал британской стороне обвинения во время Нюрнбергского трибунала. С 1946 по 1950 год преподавал международные отношения в Колледже Святого Антония и Новом Колледже Оксфордского университета. В 1946 году по настоянию британского министерства иностранных дел назначен главным редактором британской команды, участвовавшей в совместно англо-франко-американском проекте публикаций «Документы немецкой внешней политики». В описываемый период издал следующие книги: *Munich: Prologue To Tragedy* (1948), *The Nemesis Of Power: The German Army In Politics, 1918–1945* (1953). Рыцарь Большого Креста Викторианского ордена, кавалер Ордена Святых Михаила и Георгия, кавалер Ордена Британской Империи.

Источники: Schofield, Victoria. Witness to History: The Life of John Wheeler-Bennett. (2012);

44) Утис, О. (псевдоним Берлина, Исайи (1909-1987)) – британский философ, историк идей и переводчик еврейского происхождения. В годы Второй Мировой войны работал на британскую дипломатическую службу (в 1941-1942 годах – в британской службе информации в США, в 1945-1946 годах – вторым секретарём британского посольства в СССР). В 1946 году был награждён Орденом Британской Империи. Преподаватель, впоследствии (с 1957 года) – чичелийский профессор социальной и политической теории в Оксфордском университете. В 1957 году был посвящён в рыцари. В 1971 году стал кавалером Ордена Заслуг. В 1974-1978 годах – президент Британской Академии.

Источники: Ignatieff, Michael. Isaiah Berlin: A Life (1998); Brockliss, Laurence and Ritchie Robertson (eds.), *Isaiah Berlin and the Enlightenment* (2016); Cherniss, Joshua, and Steven Smith, eds. *The Cambridge Companion to Isaiah Berlin* (2018).

45) Ху Ши (1891-1962) – китайский философ, идеолог китайского либерализма ученик американского философа Джона Дьюи. Поборник реформы китайского алфавита, в правление Мао Цзе-дуна подвергался яростной критике. В 1938-1942 гг. являлся послом Китайской Республики в США, а в 1946-1948 гг. – ректором Пекинского университета. После победы коммунистов бежал на Тайвань, с 1957 года и до 1962 года был президентом Академии Наук Республики Китай (на Тайване). Член Американской академии изящных искусств с 1932 года и Американского Философского Общества с 1936 года.

Источники: Yang, Ch'eng-pin. The political thoughts of Dr. Hu Shih. (1986) ; Cheng, Pei-Kai; Lestz, Michael. The Search for Modern China: A Documentary Collection. (1999).

46) Чан, К.М. (?-?) - китайский учёный, профессор государственного управления Нанькайского университета и Линнаньского университета (Кантон). Дополнительные биографические сведения о нём найти не удалось.

Источники: <https://www.foreignaffairs.com/authors/c-m-chang>

47) Эсер, Ахмед (1891-1982) – турецкий политик. Образование получил в США (степень доктора права в Колумбийском университете), основал первую турецкоязычную газету в США в Нью-Йорке в годы Первой Мировой войны. В межвоенный период преподавал политическую историю в Военной академии. В 1939 году избран депутатом парламента, советник турецкой делегации на Сан-Францисской конференции 1945 года. В 1949 году назначен Генеральным директором по делам печати и радиовещания. В 1954 году вернулся к преподаванию политической истории и журналистике.

Источники: Isik, Ihsan. Encyclopedia of Turkey's Famous People (2013)

Эмигрантские авторы:

48) Вишняк, Марк (1883-1976) – американский журналист и социалист еврейского происхождения. Родился в Российской Империи. Деятель партии социалистов-революционеров, участник декабрьского вооружённого восстания 1905 года. Депутат Учредительного Собрания. В 1919 году эмигрировал во Францию. Один из основателей Франко-русского института в Париже. Член редакции эмигрантского издания «Современные записки». В 1940 году эмигрировал в США и получил американское гражданство. Преподавал в Корнеллском университете русский язык; одним из учеников Вишняка был Ричард Пайпс. Редактор русского отдела Time с 1946 по 1958 год.

Источники: Glad, J. (ed.), Conversations in Exile: Russian Writers Abroad. (1993); Pahomov, G., Lupinin N. The Russian Century: A Hundred Years of Russian Lives (2008)

49) Волин, Лазарь (1896-1966), - американский чиновник еврейского происхождения. Родился в Российской Империи. В 1915 году эмигрировал в США. Получил степень доктора экономических наук в Мичиганском университете и в 1926 году стал работать в министерстве сельского хозяйства в США. В итоге стал руководителем Восточноевропейского отдела министерства сельского хозяйства США и занимал этот пост до 1965 года. Считался одним из крупнейших американских специалистов по сельскому хозяйству Российской Империи и Советского Союза.

Источники: Некролог в New York Times <https://www.nytimes.com/1966/12/07/archives/lazar-volin-expert-on-soviet-farming.html> ; Volin, Lazar. A Century of Russian Agriculture (1970)

50) Воль, Пауль (1901-1985) – американский журналист, по происхождению – еврей из Германии. В сознательном возрасте перешёл в лютеранство. В США эмигрировал в 1938

году в качестве чехословацкого журналиста. Помогал советскому перебежчику В. Кривицкому в написании его мемуаров, но в итоге разругался с ним из-за вопросов оплаты труда. Постоянный корреспондент американского журнала *Christian Science Monitor* с 1941 по 1979 год, писал также статьи для *New York Herald Tribune*, *The Nation*, *Barron's*, and *Commonweal*.

Источники: Некролог в *New York Times* <https://www.nytimes.com/1985/04/04/nyregion/paul-wohl-journalist-dead-wrote-about-political-affairs.html> ; Kern, Gary. *A Death in Washington: Walter G. Krivitsky and the Stalin Terror*. (2004).

51) Зиннер, Пол (1922-2012) – американский учёный чешского происхождения. Эмигрировал в США в 1940 году. Во время Второй Мировой войны – офицер УСС (аналитик по Центральной Европе). После войны шесть лет работал аналитиком государственного департамента, после чего получил степень политологии в Гарвардском университете. Сотрудник Совета по международным отношениям в 1953-1954 годах. Политолог, заслуженный профессор (эмерит) Калифорнийского университета в Дэвисе.

Источники: Некролог на веб-сайте Legacy, крупнейшем в США из числа обеспечивающих онлайн-памятники. <https://www.legacy.com/us/obituaries/sfgate/name/paul-zinner-obituary?id=8536999>

52) Кулишер, Евгений (1881-1956), - американский социолог и демограф еврейского происхождения. Родился в Российской Империи. Член кадетской партии. В годы Гражданской войны участвовал в работе Еврейского комитета содействия возрождению России (организации, поддерживавшей Добровольческую армию). В 1921 году эмигрировал в Германию, в 1933 году – в Данию, в 1936 году – во Францию, в 1941 – в США. В США консультировал или работал на такие организации как Управление Стратегических Служб, министерство армии США, Бюро переписи населения США, Библиотека Конгресса. К его крупным научным работам военного периода и периода ранней Холодной войны относятся: *The Displacement of Population in Europe*. (1943); *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947*. (1948). Кулишер является автором термина «перемещённые лица» (displaced persons).

Источники: Roof M.K. In Memoriam: Eugene M. Kulischer // R.E.M.P. [Research Group for European Migration Problems] Bulletin. 1956. Vol. 4. № 3. P. 41-44.

53) Кульский, Владислав (1903-1989) – американский политолог польского происхождения. До эмиграции в США – польский дипломат. На дипломатической службе – с 1928 года. В 1939 году вёл переговоры с англичанами о заключении военного союза. Редактор польской «белой книги» об истоках Второй Мировой войны. В 1940-1945 годах – чрезвычайный и полномочный посол эмигрантского правительства в Лондоне. В 1946 году эмигрировал в США, в 1952 году получил американское гражданство. В 1947-1951 годах преподавал политологию в Университете Алабамы, в 1951-1963 годах – в Сиракузском Университете (штат Нью-Йорк), в 1964 году назначен выдающимся профессором Джеймса Б. Дьюка в Университете Дьюка (штат Северная Каролина). Ушёл на пенсию в 1973 году.

Источники: Путеводитель по архиву В. Кульского в университете Дьюка - <https://archives.lib.duke.edu/catalog/uakulski>

54) Мансветов, Федор (1884-1967) – российский революционер, по происхождению – русский, деятель партии социалистов-революционеров. Сотрудник Гуверовского института войны, мира и революции в 1920-е годы. До Второй Мировой войны публиковался в *Foreign Affairs* со статьёй об остановке на Дальнем Востоке. После Второй Мировой вой-

ны работал военным переводчиком и преподавателем русского языка в министерстве обороны США.

Источники: М. Воробьев, Е. Г. Мансветова. История одного попovichа. Материалы к биографии Ф. С. Мансветова// Труды Саратовской православной духовной семинарии, номер 11 (2017). С. 183-260.

55) Таборский, Эдвард (1910-1996) – американский политолог чешского происхождения. Секретарь министра иностранных дел Чехословакии К. Крофта в 1937-1938 годах. После оккупации немцами Чехословакии эмигрировал в Англию. С июля 1939 года и до конца Второй Мировой войны был личным секретарём президента Эдварда Бенеша. После 1945 года - посол Чехословакии в Швеции. В 1948 году, после событий февраля 1948 года ушёл в отставку. В 1949 году эмигрировал в США и стал преподавателем политологии в Техасском университете, город Остин. В 1990 году стал почётным президентом Общества Эдварда Бенеша, в 1991 году награждён орденом Томаша Гаррига Масарика 3-й степени.

Источники: Perstická Dagmar. OSOBNOSTI. Nositelé Řádu Tomáše Garrigue Masaryka 1991 a 1992. (1993); Mila Rechcigl. In Memoriam: Edward Joseph Táborský (1910-1996) - https://www.academia.edu/11772870/In_Memoriam_Edward_Joseph_Táborský_1910_1996

56) Фрэнк Танненбаум (1893-1969) – американский учёный, по происхождению еврей из Австро-Венгрии. В отрочестве бежал из дома и не закончил среднюю школу. Член радикального движения «Индустриальные рабочие мира». В 1914 году за подстрекательство к беспорядкам был посажен в тюрьму на один год. Был повторно арестован в 1916 году за участие в Байоннских забастовках на нефтеперерабатывающем заводе в штате Нью-Джерси. После этого поступил в Колумбийский университет, где в 1921 году получил степень бакалавра. Дальше получил степень доктора экономики в Брукингском университете, после чего завербовался в американскую армию. По завершении срока службы, переехал в Мексику, где изучал аграрную реформу правительства Л. Карденаса. В 1932 году вернулся в США, чтобы преподавать криминологию в университете Корнелл. В 1935 году стал профессором латиноамериканской истории в Колумбийском университете. В конце Второй Мировой войны и после неё Танненбаум использовался как лектор в программе Meet the Public, организованной Управлением общественных дел госдепартамента (Office of Public Affairs). Во время Второй Мировой войны публиковался в Foreign Affairs со статьями на латиноамериканскую тематику. Считался видным специалистом по латиноамериканской истории, трудовым отношениям и криминологии. Ушёл на пенсию в 1965 году. Источники: Philip S. Foner, The Industrial Workers of the World, 1905-1917, vol. IV of History of the Labor Movement in the United States (1965); Matthew G. Yeager. Frank Tannenbaum. The Making of a Convict Criminologist. (2016); Weinstein, Barbara. How to Become a Historian of Latin America: The Extraordinary Career of Frank Tannenbaum// The Americas, vol. 80, no 3 (July 2023), P. 383-394.

57) Таурер, Бернард (1905-1977) – американский журналист и пропагандист немецкого происхождения. Потомственный австрийский социал-демократ. Эмигрировал в США в 1940 году. Работал на Управление военной информации (Office of War Information), в 1943 году соавторстве с Джорджем Элиасбергом написал книгу о Сопротивлении в Германии (Silent War – под псевдонимами Йон Б. Янсен и Стефан Вейль, соответственно). После Второй Мировой войны писал психологические портреты советских руководителей для

ЦРУ и статьи для New York Times. Его творчество высоко оценивал сенатор от Миннесоты (и позже вице-президент США) Хуберт Хамфри.

Источники: рассекреченные документы ЦРУ, связанные с вопросом наблюдений за изменениями в советском руководстве

(Sanitized) OBSERVATIONS ON THE SOVIET LEADERSHIP, 7 January 1966 (<https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp80b01676r000400190033-4>); <https://www.sysoon.com/deceased/bernard-taurer-35>; Renaud, Terence. The German Resistance in New York: Karl B. Frank and the New Beginning Group, 1935-1945. (2007).

58) Шварц (Монозон), Соломон (1883-1973) – американский преподаватель, публицист и писатель еврейского происхождения. Родился в Российской Империи, высшее образование получил в Германской Империи. Член сперва большевистской, потом меньшевистской фракции РСДРП. В правительстве Керенского занимал пост заместителя министра труда. До осени 1920 года служил в Красной Армии. В январе 1922 года выслан за пределы РСФСР. В 1922-1933 годах жил в Германии, в 1933-1940 – во Франции. В 1940 году эмигрировал в США, где стал профессором «Новой школы» (престижного частного университета, основателями которого были философы Джон Дьюи и Хорас Каллен, историки Чарльз Бирд и Джеймс Харви Робинсон, экономисты Торстейн Веблен и Альвин Джонсон). Специализировался на теме антиеврейских настроений в СССР и положении рабочих в СССР; в частности, именно он пустил в широкий оборот версию, что советское правительство не занималось эвакуацией еврейского населения от СССР во время Великой Отечественной войны. Был последним редактором «Социалистического вестника» - печатного издания эмигрантов-меньшевиков.

Источники: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм (ч.2, 2003); Schwarz, Solomon // Encyclopaedia Judaica / Ed. Fred Skolnik, Michael Berenbaum. Vol. 18 (San-Sol). P. 190

59) Яси, Оскар (1875-1957) – венгерский историк. Министр по делам национальностей в правительстве Михая Каройи. Эмигрировал в Австрию в 1919 году, эмигрировал в США в 1925 году. Там стал профессором истории Оберлин-колледжа. Издал свой самый известный научный труд («Распад Габсбургской монархии») в США в 1929 году. В 1935 году стал гражданином США. Публиковался в журнале Foreign Affairs в межвоенный период со статьями, посвященными положению Венгрии после Трианонского мирного договора.

Источники: Bakisian, Nina. Oscar Jászi in Exile: Danubian Europe Reconsidered// Hungarian Studies, vol. 9, no. 1/2 (1994), pp. 151-159.